

AF

Ad fontes Supplementum 6

Материалы и исследования
по истории науки

Научный совет серии

Д.и.н. Е. Ю. Басаргина, чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков, д.и.н. С. Н. Искюль,
акад. РАН Н. Н. Казанский, д. филос. н. Э. И. Колчинский,
акад. РАН А. В. Лавров, акад. Гёттингенской АН В. Лефельдт,
акад. РАН И. П. Медведев, чл.-корр. РАН С. И. Николаев,
д.и.н. И. Ф. Попова, акад. РАН И. М. Стеблин-Каменский,
д.и.н. И. В. Тункина (председатель),
акад. Академии надписей и изящной словесности в Париже В. Шильц

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Серия AD FONTES

Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 6

И. В. Тункина, Д. Г. Савинов

**ДАНИЭЛЬ ГОТЛИБ МЕССЕРШМИДТ:
У ИСТОКОВ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ**

Санкт-Петербург

ООО «ЭлекСис»

2017

УДК 902.2

ББК 63.4

Т84 *Тункина И. В., Савинов Д. Г.* Даниэль Готлиб Мессершмидт: У истоков сибирской археологии. СПб: ООО «ЭлекСис», 2017. 168 с. (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки; Supplementum 6).

ISBN 978-5-9908236-7-9

Монография посвящена изучению источников по археологии Сибири в документах доктора медицины Даниэля Готлиба Мессершмидта (1685–1735), осуществившего первую научную комплексную экспедицию в Сибирь в 1719–1727 гг. по указу Петра I «для изыскания всяких раритетов». Эти в большинстве своем неизданные материалы хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в составе личного фонда путешественника. В первой части книги основное внимание уделено этапам биографии, обзору научных и научно-организационных документов Сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта, отложившихся в его личном фонде, а также анализу научного наследия ученого в отечественной историографии. Вторая часть посвящена изучению Д. Г. Мессершмидтом памятников археологии Сибири, первооткрывателем многих из которых являлся путешественник.

Издание рассчитано на историков, археологов, востоковедов, студентов и широкий круг читателей, интересующихся судьбами отечественной науки и археологическими памятниками Сибири.

Рецензенты

д.и.н. *А. Ю. Алексеев* (Государственный Эрмитаж), д.и.н. *Е. Ю. Басаргина* (СПбФ АРАН)

Утверждено к печати Ученым советом Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

Издание подготовлено и осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (Отделение общественных и гуманитарных наук), проект № 16-01-00231/16

© Тункина И. В., Д. Г. Савинов, текст, 2017

© Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, иллюстрации, 2017

© Карцова Е. А., художественное оформление, 2017

© Лазаревская Н. А., оригинал-макет, 2017

© ООО «ЭлекСис», издательская подготовка, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие <i>И. В. Тункина, Д. Г. Савинов</i>	7
ЧАСТЬ I. «Сибирское дело» Д. Г. Мессершмидта <i>И. В. Тункина</i>	17
Глава I. Материалы к биографии Д. Г. Мессершмидта	17
1.1. Данциг — Иена — Галле (1685–1713)	17
1.2. Данциг — Санкт-Петербург — Москва (1713–1719)	20
1.3. Периодизация экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): взгляд путешественника	26
Глава II. Начальный этап экспедиции Д. Г. Мессершмидта (15 ноября 1718 — 26 мая 1721 г.): Новые архивные материалы	29
2.1. Санкт-Петербург — Москва (1718–1719)	29
2.2. Тобольск (24 декабря 1719 — 25 июня 1720 г.)	31
2.3. Урал (26 июня — 30 декабря 1720 г.)	36
2.4. Тобольск — Томск (31 декабря 1720 — 26 мая 1721 г.)	43
Глава III. Судьба библиотеки и архива Д. Г. Мессершмидта	47
Глава IV. «Мешок с золотом»: изучение научного наследия Д. Г. Мессершмидта в XVIII– начале XXI в.	55
4.1. Попытки издания рукописей Д. Г. Мессершмидта в XVIII – начале XXI вв.	55
4.2. Messerschmidtiana	66
ЧАСТЬ II. Памятники археологии Сибири в материалах Д. Г. Мессершмидта <i>Д. Г. Савинов</i>	74
Глава I. Источники	74
Глава II. Виды археологических памятников, открытых Д. Г. Мессершмидтом	78
А. Вещи, приобретенные у бугровщиков	82
Б. Раскопки древних могил и другие археологические сведения	87
В. Каменные изваяния	91
Г. Рисунки на курганных плитах	96
Д. Наскальные изображения	97
Глава III. Памятники рунической письменности и дальнейшая судьба каменных изваяний, открытых Д. Г. Мессершмидтом	104
Глава IV. Несколько экскурсов в южносибирское путешествие Д. Г. Мессершмидта	116
Экскурс 1. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг	116
Экскурс 2. О рисунках собственного исполнения, сделанных рукой Д. Г. Мессершмидта	119
Экскурс 3. Д. Г. Мессершмидт и находки «скифского золота»	121

Экскурс 4. Еще одно — «не сделанное» — открытие Д. Г. Мессершмидта	124
Экскурс 5. Д. Г. Мессершмидт и начало Великих академических экспедиций	127
<i>Глава V. Культурно-археологическая атрибуция археологической коллекции Д. Г. Мессершмидта</i>	<i>129</i>
Заключение <i>Д. Г. Савинов, И. В. Тункина</i>	135
Литература	138
Список сокращений	153
Подписи и аннотации к Таблицам иллюстраций	154
Именной указатель	156

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2015 году исполнилось 330 лет со дня рождения (16 сентября 1685 г., Данциг) и 280 лет со дня смерти (25 марта 1735 г., Санкт-Петербург) замечательного путешественника, ученого-энциклопедиста и одного из первооткрывателей Сибири Даниэля (Даниила) Готлиба Мессершмидта (Messerschmidt Daniel Gottlieb). Всесторонне образованный исследователь, призванный Петром Первым на службу молодой российской науке, Д. Г. Мессершмидт стоял у истоков ее развития. Ученый прожил сравнительно недолгую жизнь — 50 лет, основным событием и содержанием которой стало его многолетнее путешествие по Сибири. Значительная часть сделанных при этом открытий составило то, что позднее оформилось в самостоятельную историческую науку — археологию. Первооткрывателем археологической части рукописного наследия первого исследователя Сибири по праву считается другой немец, русский академик *Василий Васильевич Радлов* (Radloff Friedrich Wilhelm; 1837–1918), 180-летие со дня рождения которого исполняется в 2017 г. Именно он первым опубликовал в русском переводе фрагменты текстов и рисунки археологических памятников Сибири из рукописей Д. Г. Мессершмидта, хранившихся тогда в Библиотеке Императорской Санкт-Петербургской Академии наук [Радлов, 1888, с. 9–19].

Предлагаемая вниманию читателей книга состоит из двух разделов. Первый, написанный И. В. Тункиной, посвящен отдельным страницам биографии Д. Г. Мессершмидта и документам о начальном этапе его экспедиции, в том числе оставленной без внимания специалистов поездке на Урал, рукописному наследию ученого, с 1727 г. хранящемуся в Академии наук, попыткам издания его рукописей в XVIII–XX вв., историко-научным исследованиям его творчества. Второй раздел, принадлежащий перу Д. Г. Савинова, представляет собой анализ документальной и графической информации о памятниках археологии Западной и Южной Сибири в материалах Д. Г. Мессершмидта, в том числе архивных, с точки зрения достижений современной археологии.

О Д. Г. Мессершмидте написано и много, и мало¹. Причин тому несколько, но главная — неопубликованность большей части его научного наследия в течение трех веков. «Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России, — констатировал неперенный секретарь Российской Академии наук, академик С. Ф. Ольденбург (1863–1934), — смелые начинания, глубокие мысли, редкие таланты, блестящие умы, даже кропотливый и упорный труд — все это встречаешь с избытком; и тут же приходится отмечать, как все обрывается: длинные ряды “первых томов”, “первых выпусков”, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полузаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два, в сущности, с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен ее мартиролог...» [Ольденбург, 1918, с. 531]. В лекции «Научная экспедиция» студентам Гео-

¹ Подробнее см. раздел 1, гл. IV.

графического института в Петрограде 15 апреля 1920 г. С. Ф. Ольденбург особо подчеркнул, что экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1719–1727) и судьба его научного наследия является *типичной*, «необыкновенно *показательной* в своих положительных и отрицательных сторонах *именно для русских экспедиций* (выделено нами. — И. Т., Д. С.). Мессершмидт оказался ученым, исключительно подходящим для выполнения... сложнейших задач, как по разнообразию своих знаний, замечательной точности работы, так и по удивительной работоспособности. (...) Несмотря на все... препятствия, Мессершмидт блестяще выполнил свою задачу и вернулся в Петербург. Здесь его ждали те же невзгоды, которым после него много раз подвергались русские исследователи: долго никто не рассматривал его материалов, затем осмотрели их, видимо, поверхностно, выдали местный аттестат, не добавили денег, о которых ему, бедному и скромному человеку, пришлось неоднократно напоминать. Мрачно настроенный, он уехал на родину в Германию, претерпев по дороге кораблекрушение; здесь он тоже не выдержал, вернулся в Петербург, где через несколько лет умер в стесненных обстоятельствах.

Но его смертью не кончились злоключения этой русской экспедиции, одной из первых русских научных экспедиций: ценнейшие материалы, заключенные в ряде тщательно написанных томов через двести почти лет лежат неизданные и почти неиспользованные; *типичная картина истории русской научной экспедиции*: широкие задания, исполнение работы энтузиастом-ученым, почти без помощников, бесконечные затруднения во время экспедиции, а по окончании ее — сдача результатов в архив и почти полное забвение. Поистине трагическая судьба!» [СПбФ АРАН, ф. 208, оп. 1, д. 196, л. 3об.–4об.; Ольденбург, 2017, с. 519–521].

В советской историографии долго держался отрицательный образ Д. Г. Мессершмидта, которому приписывали германский шовинизм и презрение к русскому народу [Мирзоев, 1963, с. 13–19], психическую неуравновешенность, склонность к мистицизму и т. д. Объясняется это характерной для послевоенной советской науки борьбой с космополитизмом и, возможно, недоброй памятью, по созвучию фамилий, о немецких самолетах времен Великой Отечественной войны [ср.: Клейн, 2014, с. 145], а также некоторыми чертами характера Д. Г. Мессершмидта, проявившимися в результате физического и психического истощения в конце его путешествия и по возвращении в Петербург. С действительными заслугами Д. Г. Мессершмидта это никоим образом не связано, тем не менее нашло отражение в некоторых работах. Так, например, в интересной в целом монографии Э. П. Зиннера «Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века» краткие биографические сведения о Д. Г. Мессершмидте и оценка его многосторонней деятельности почему-то (на всякий случай?) даны в примечаниях [Зиннер, 1968, с. 181–182, прим. 4].

Перелом в отношении к личности, деятельности и научному наследию Д. Г. Мессершмидта явно ощущается с рубежа 1960–1970-х гг. Начало было положено выходом в свет первого тома издания дневника путешествия по Сибири Д. Г. Мессершмидта, предпринятого Институтом истории Германской Академии наук в Берлине [Messerschmidt, 1962]. В 1963 г. в столице ГДР состоялась конференция о немецко-славянских научных связях в конце XVII – начале XVIII в., на которой уже серия докладов была посвящена Д. Г. Мессершмидту. О нем вспомнили на заседаниях Международных конгрессов по истории науки (XI конгресс в Варшаве, 1965 г.; XIII конгресс в Москве, 1971 г. и др.) [по: Ярош, 1968; Винтер, 1971; и др.]. В 2011 г. в Абакане состоялась Международная научно-практическая конференция, посвященная 290-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Южной Сибири, в материалах которой опубликована обзорная статья В. Н. Тугужековой [2011]. В Галле, немецком университетском городе,

где учился первый ученый-сибириевед, в 2014 г. состоялись юбилейные Двадцатые немецко-русские встречи «Europa entdeckt Sibirien. Die Erforschung Sibiriens seit dem frühen 18. Jahrhundert und die Bedeutung für die europäische Wissenswelt», посвященные Д. Г. Мессершмидту [Сытин, 2015].

Память о Д. Г. Мессершмидте как о пионере научного изучения северо-востока Евразии сохраняют прежде всего в Сибири, причем интерес к его личности год от года растет. В Иркутске еще с дореволюционных времен фамилия «Мессершмидт» украшает фасад здания Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества, где сегодня размещен Иркутский краеведческий музей [Клейн, 2014, рис. на с. 158]. В 2010 г. администрация Ханты-Мансийска установила на привокзальной площади стелу «Великим Сибирским экспедициям» в честь ученых и путешественников, благодаря которым были получены первые научные сведения о Югорском крае. Ее основание с четырех сторон света фланкируют четыре скульптуры — В. Беринга и его сподвижника гидрографа Д. Л. Овцына, Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера. 17-метровую колонну венчает фигура ангела в женском образе высотой 3,5 м с лавровым венком в вытянутой вверх руке². По некоторым сведениям в 2017 г. в Тобольске по ходатайству научной общественности одну из улиц планируют назвать именем Д. Г. Мессершмидта.

Власти республики Хакасия еще в 2011 г. планировали создать музей Д. Г. Мессершмидта³, который так и не был открыт. Не случайно, что именно в Абакане несколько лет назад был издан небольшой библиографический указатель о Д. Г. Мессершмидте как исследователе древней истории Сибири [Мессершмидт, 2011], доступный в интернете, но не отражающий всего многообразия русскоязычной литературы об ученом.

Научное рукописное наследие Д. Г. Мессершмидта, хранящееся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, достаточно обширно, но большей частью до сих пор не введено в научный оборот. «Изучение наследия Мессершмидта только начинается», — писал немецкий биограф первого сибириеведа Э. Винтер 45 лет назад [Винтер, 1971, с. 14]. С тех пор положение практически не изменилось, так как современное изучение рукописей Д. Г. Мессершмидта находится в сфере компетенции самых различных наук — как естественных, так и гуманитарных, причем осмысление результатов его исследований в Сибири одним исследователем на современном уровне развития науки вообще вряд ли возможно. Только в последние годы появился ряд исследований, уточняющих

² Авторы проекта — местный коллектив Центра искусств для одаренных детей Севера, скульптор Владимир Сарксян. См.: URL: <http://www.depultura.admhmao.ru/deyatelnost/arkhiv/god-sokhraneniya-i-razvitiya-traditsionnykh-promyslov-i-remesel-istoricheskogo-i-kulturnogo-naslediya/mezhdunarodnyy-severnuy-arkheologicheskyy-kongress/ob-okruga/o-khanty-mansiyske/361970/samarovo-istoricheskaya-chast-goroda->

³ 16 июня 2011 г. Независимое информационное агентство — Хакасия в заметке «Музей имени Д. Г. Мессершмидта появится в Хакасии» сообщило: «В Хакасии планируется создать музей имени Д. Г. Мессершмидта и сделать его местом массового посещения. На встрече с Генеральным консулом ФРГ в г. Новосибирске Госпожой Гудрун Штайнаккер председатель комиссии Общественной палаты Хакасии по межнациональным отношениям, толерантности и сохранению культурного наследия, председатель ХРОООН «Видергебурт» Владимир Граф передал письмо — приглашение к совместному сотрудничеству по созданию музея имени Д. Г. Мессершмидта. Общественная палата Хакасии и общественная организация «Национальная память», в союзе с добровольными помощниками, ставят перед собой задачу благоустроить историческую территорию, высадив аллею вязов на «террасе Мессершмидта» (близ аала Чарков Усть-Абаканского района), установить памятную стелу с наименованием исторического места для увековечения памяти великого ученого. В последующем планируется создать музей имени Д. Г. Мессершмидта и сделать его местом массового посещения, в том числе зарубежных туристов, — делаются планы в Общественной палате Хакасии» (URL: <http://www.19rus.ru/more.php?UID=34112>).

факты биографии ученого и посвященных *источниковедческому анализу* его рукописного наследия [Напольских, 2001; Копанева, 2006; 2013; 2014; 2015; 2016; Kopaneva 2012; Соболев, 2012; 2013; Басаргина, 2013; Тункина, 2013б; 2016б; Tunkina, 2014; 2015; Тункина, Савинов, 2015; и др.]. Мы уже не говорим о частых упоминаниях в работах по истории Сибири имени Д. Г. Мессершмидта, неразрывно связанного с историей российской науки.

Сравнительно хорошо известна биография Д. Г. Мессершмидта — первого путешественника, маршруты экспедиции которого охватили значительную часть Сибири. Она подробно изложена в замечательной монографии М. Г. Новлянской [1970]. Тем не менее ряд важных аспектов жизни ученого и начальный этап экспедиции, в частности, поездка на Уральские заводы, не были в полной мере освещены в ее книге. Ей же принадлежит исследование о *Филиппе Иоганне (Юхане) Табберте фон Страленберге* (Philipp Johann Tabbert von Stralenberg, 1676–1747), пленном шведском офицере, ближайшем сподвижнике Д. Г. Мессершмидта по путешествию в Западную и Южную Сибирь, в известной степени антипode и соавторе Д. Г. Мессершмидта по целому ряду археологических открытий [Новлянская, 1966]. Коллизия Мессершмидт—Страленберг до сих пор волнует исследователей, так как Табберт (Страленберг) первым опубликовал некоторые материалы экспедиции Д. Г. Мессершмидта. Между тем, собственные труды великого путешественника, в том числе рукопись его главной книги «*Sibiria perlustrata*» («Описание Сибири»), подводящая итоги многолетнего путешествия [Басаргина, 2013], до сих пор остаются неопубликованными. И вряд ли в настоящее время найдется специалист столь энциклопедически образованный, как Д. Г. Мессершмидт, который мог бы решиться на это предприятие.

Деятельность Д. Г. Мессершмидта, приглашенного в Россию Петром I, совпадает с затянувшимся антикварным периодом в истории мировой археологии. Отношение к древностям как к историческому источнику сформировалось в Европе еще с эпохи Возрождения. В XVI–XVIII вв. был открыт целый ряд «новых миров» на разных континентах, предметы материальной культуры которых распространялись как диковины. В то время как западноевропейские натуралисты исследовали Европу, Северную и Южную Америку, Азию и Африку, русские с петровских времен обратили свой взор на огромные территории Российской империи к востоку, северу и югу от двух столиц и на земли северной части Тихого океана. Главное отличие отечественных исследований от западноевропейских состояло в том, что в России они изначально финансировались и контролировались государством в соответствии с поставленными властью задачами [Kolchinsky, 2004; Egerton, 2008].

С эпохи Просвещения интерес коллекционеров антиквитетов и раритетов стал дифференцироваться между памятниками античности, местными артефактами и экзотическими редкостями, привозимыми из дальних странствий. Собрания «натуралий» и «артифициалий» разных эпох и народов появились в Кунст- и Вундеркамерах, открытых во многих странах Европы [Тункина, 2013а, с. 233–234]. На очереди стояла Кунсткамера в Петербурге, новой столице Российской империи, созданная как императорское собрание раритетов в 1714 г. Ее следовало чем-то наполнить по европейскому образцу, но «по-своему», в том числе в ходе изучения *terra incognita* — Сибири. Между тем, посылка Петром I в Сибирь т. н. геодезистов и навигаторов для разведки природных ресурсов и картографирования территории в этом плане, по сути дела, окончилась ничем. Нужны были ученые европейского уровня, поэтому центральное место в будущих комплексных естественно-научных и историко-географических исследованиях было отведено академии, идею создания которой Петр I обсуждал с немецким ученым-энцикло-

педистом Готфридом Вильгельмом Лейбницем (1646–1716) на протяжении двадцати лет [Копелевич, 1974, с. 178; Vermeulen, 2015, р. 39–85]. Однако реализация плана царя растянулась более, чем на десятилетие — именной указ Петра I Сенату об открытии академии датирован 28 января/8 февраля 1724 г.⁴ [ПСЗРИ. Т. 7. § 4443], но император скончался ровно через год, 28 января/8 февраля 1725 г., прежде, чем его план был полностью реализован, когда в северную столицу стали съезжаться первые приглашенные ученые, а Д. Г. Мессершмидт находился еще в Сибири.

Ряд распоряжений Петра I специально был посвящен древностям — в первой половине 1717 г. сибирскому губернатору М. П. Гагарину предписывалось «древние золотые и серебряные вещи, которые находят в земле древних поклаж, всяких чинов людям велено объявлять в Tobольску и велено брать те вещи в казну великого государя и отдавать им за те взятые вещи из казны деньги» [Завитухина, 1977, с. 50]. 13 февраля 1718 г. последовало два именных императорских указа «во всех городах губернаторам и комендантам» на территории Российской империи «о приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей..., о даче за принос оных награждения и о штрафе за утайку»: «...ежели кто найдет в земле, или в воде какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости человеческие или скотские, рыбы или птичьи, не такие, какие у нас ныне есть, или и такие, да зело велики или малы перед обыкновенным, также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье (оружие. — *И. Т., Д. С.*), посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно: також бы приносили, за что давана будет довольная дача (оплата. — *И. Т., Д. С.*), смотря по вещи: понеже не видав, положить нельзя цены» [ПСЗРИ. Т. 5. № 3159]. При этом пояснялось, что все вещи необходимо записывать («чье»), но «денег не давать прежде, пока то отослано будет в указанное место, и отголь получить отповедь, сколько дать» наличными «из каких-нибудь положенных доходов, считая на Кабинетной счет» (на счет Кабинета царя, императором он стал с 1721 г. — *И. Т., Д. С.*); «которым выданы будут, вместо их, из соляных денег, места, куда оные монстры и вещи отсылать, две аптеки, Московская и Петербургская» [ПСЗРИ. Т. 5. № 3160]. Позднее появился уточняющий указ Сенату от 11 июня 1718 г., составленный на основе собственноручной записки Петра I, о размерах вознаграждения за антропологические, археологические, нумизматические, эпиграфические находки, причем с оговоркой, обязывающей проводить их графическую фиксацию (чертежи):

«За человеческие кости за все (ежели чрезвычайного величества) тысячу рублей, а за голову пят сот рублей.

За деньги и протчие вещи, кои с потписью, вдвое чего оне стоят.

За камни с потписью по рассуждению.

Один гроб с костми привезть не трогая.

Где найдутца такие, всему делать чертежи, как что найдут» [Летопись, 2014, с. 30].

Для современного читателя поясним, что ведомством, отвечавшим за приглашение иностранных ученых на русскую службу и создание проектируемой царем Академии наук и художеств, гимназии и университета при ней отвечала Аптекарская канцелярия (с 1725 г. — Медицинская канцелярия), которой были подчинены императорские Библиотека и Кунсткамера, поэтому натуралии и артефакты предписывалось высылать именно туда, в главные аптеки Петербурга и Москвы, за счет соляных доходов каждой губернии.

Именно от Аптекарской канцелярии в лице архиатра Р. К. Арескина в сентябре 1717 г. в Данциге Д. Г. Мессершмидт получил удостоверение, что по указу Петра I он приглашен на службу в Санкт-Петербург для работ в области медицины и исследова-

⁴ С 1999 г. 8 февраля по новому стилю в России стал отмечаться как День российской науки.

ния природных богатств России [Новлянская, 1970, с. 9]. 15 ноября 1718 г. появился императорский указ о посылке доктора Д. Г. Мессершмидта в Сибирь «для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семен....». Писцовая копия указа помещена в его главной неопубликованной рукописи «Sibiria perlustrata» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22, л. 60б.]. «На самом деле, — как отмечает М. Г. Новлянская, — кроме указа 15 ноября 1718 г., Мессершмидт не имел никакой другой инструкции, а обширная программа научно-исследовательских работ была составлена им самим в Сибири и по собственному почину» [Новлянская, 1970, с. 14]. Это утверждение не во всем не соответствует истине: Д. Г. Мессершмидт регулярно получал инструкции из Аптекарской (Медицинской) канцелярии, что зафиксировано в перечнях его корреспонденции [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22, л. 7–8]. Первая инструкция Аптекарской канцелярии датирована 16 июля 1719 г., последняя — 8 сентября 1726 г., но круг стоящих перед экспедицией задач неутомимый исследователь постепенно расширял сам по мере познания неизвестной европейским ученым огромной территории на востоке Евразии. При отправке Д. Г. Мессершмидта в Сибирь изначально не было установлено точного срока проведения экспедиции (в результате оказалось, что она заняла восемь лет), равно как доктор не имел подробного маршрута всего путешествия и осуществлял отдельные поездки, исходя из информации, полученной на местах.

Представления о Сибири вообще в это время были еще весьма поверхностными. Петр Великий поставил задачу описания территории Российской империи, прежде всего Урала и Сибири, в том числе изучение морских и сухопутных путей на Восток — в Индию и Китай. Экспедиции должны были ответить на вопрос, соединяется ли Евразия с Америкой [Лебедев, 1950; Wittram, 1957; Вопросы, 1975]. Крайним опорным пунктом проведения русской политики на востоке был административный центр Сибирской губернии Тобольск; «посаженные» воеводы сидели в Томске и Красноярске; только в 1707 г. был построен Абаканский острог на правом берегу Енисея (позже Краснотуранск)⁵; в 1718 г., то есть незадолго до приезда Д. Г. Мессершмидта, основан Саянский острог, последний в этой части владений Российской империи. Так что экспедиции Д. Г. Мессершмидта приходилось обследовать, двигаясь по воде и бездорожью, приграничные, еще неизвестные и малозаселенные русскими земли.

Учитывая знания Д. Г. Мессершмидта в области естественных наук и медицины, основной задачей его экспедиции было изучение Сибири главным образом с точки зрения возможностей использования ее природного потенциала в фармакологических целях. Подчиненный Аптекарской (Медицинской) канцелярии (Императорская Академия наук начала работу в 1725 г.), он должен был регулярно отсылать в нее рапорты о проведенных исследованиях и собранные им материалы. Сначала Аптекарская канцелярия, затем власти Сибирской губ. оплачивали расходы по путешествию Д. Г. Мессершмидта в Сибирь. Однако, хотя главная задача Д. Г. Мессершмидта была определена как всесторонние естественно-научные наблюдения и сбор лекарственных

⁵ История основания Абаканского острога на Енисее, как следующем (после Красноярска) форпосте в этой отдаленной части владений Российской империи, в своем роде примечательна и поучительна. Место основания острога (на левом берегу Енисея при впадении в него р. Абакан) было определено Петром I. Но посланные с этой миссией по каким-то причинам не добрались до места, указанного Петром I, и в 1707 г. основали острог на правом берегу Енисея. Однако о нарушении указа стало известно, посланники были казнены, а «напротив», в месте впадения р. Абакан в Енисей был заложен еще один острог. Так на Енисее появилось два укрепления. Одно — «неправильное», на правом берегу — г. Абаканс, где и пребывал в 1721–1722 гг. Мессершмидт; позже Абакано-Перевоз или с. Краснотуранск (ныне находящийся на дне Красноярского водохранилища. Другое — Усть-Абакан, соврем. г. Абакан, столица Республики Хакасия.

трав, очень много внимания им было уделено открытию различного рода древностей и созданию наиболее полной (очевидно, по представлениям того времени) коллекции раритетов. Именно эта последняя сторона деятельности Д. Г. Мессершмидта (до детального изучения всех остальных) прославила его имя — он стоял у истоков отечественной археологии и впервые начал использовать археологические данные для изучения истории Сибири.

Нельзя не обратить внимание на удивительное совпадение дат (может быть, и случайное, но все же весьма показательное): один и тот же год — 1718 — это и официальная дата открытия Кунсткамеры для публики [Станюкович, 1953, с. 24], и выход знаменитых указов Петра I, фактически узаконившего собирательскую деятельность в России, и подписание контракта с Д. Г. Мессершмидтом, отправлявшимся в Сибирь с медицинскими целями, в том числе и для сбора различного рода раритетов. Тем самым его путешествие лишается ореола случайности и становится частью осуществления государственной политики Петра I [Hübner, 2008; Копанева, 2016]. Очевидно, Д. Г. Мессершмидт понимал свою ответственность в исполнении данного ему поручения, что ощущается на всех этапах его беспримерного научного предприятия.

1 марта 1719 г. (в истории путешествия Д. Г. Мессершмидта вообще много «круглых дат») он выехал из Петербурга, куда ему предстояло вернуться уже после смерти Петра I, только в марте 1727 г. Один из первых возникающих при этом вопросов: что побудило Д. Г. Мессершмидта согласиться на предложение русского царя и отправиться в многолетнее одиночное (!) путешествие в неизведанную Сибирь? Тем же указом от 15 ноября 1718 г. ему был определен оклад 500 руб. в год, а по завершении экспедиции полагалась премия (вознаграждение) [Пекарский, 1862, с. 351; МИАН, 1885, с. 288]. Кроме того, его патрон в Петербурге Р. К. Арескин намекнул, что намерен «представить ему право и законные преимущества заведующего музеем⁶ с соответствующим увеличением оклада» [Новлянская, 1970, с. 9].

Однако вряд ли денежные интересы в данном случае могли быть определяющими (на покупку раритетов в Сибири Д. Г. Мессершмидту часто приходилось тратить собственные средства). Предложение о месте руководителя Кунсткамеры также не может считаться решающим. Главную роль сыграли амбициозные мотивы: перед 34-летним ученым из небольшого университетского городка Галле открывалось обширнейшее поле деятельности по изучению первым из всех европейских исследователей (!) неведомой Сибири. Как показало время, выбор Р. К. Арескина оказался удачным — Д. Г. Мессершмидта отличала истинная преданность науке и жажда новых знаний, а его немецкая педантичность и тщательность фиксации неизвестных форм природы и материальной культуры очень пригодилась в сибирском путешествии. «Это был ученый в полном смысле слова: обладая обширной начитанностью, Мессершмидт знал восточные языки и всего себя отдавал науке. Часто целый день проводя в странствиях и наблюдениях, он вносил потом все примечательное в свой дневник и в этой работе просиживал до поздней ночи, а иногда до следующего утра, так что для успокоения ему оставалось едва несколько часов. Если что-либо мешало ему заниматься ученой работой, то Мессершмидт писал латинские стихи, из которых некоторые подписывал *Vulcanius Apolaris*» [Пекарский, 1862, с. 350]. Тем более трагическим оказался конец его сибирской эпопеи, когда после столь долгого отсутствия Д. Г. Мессершмидт оказался не нужным ни в России, ни у себя на родине, в Германии.

⁶ Речь идет об Императорской Кунсткамере.

Портрета Д. Г. Мессершмидта не сохранилось⁷, во всяком случае, ни одного его изображения до сих пор не найдено. Тем не менее, исходя из общего впечатления от прочтения его путевого дневника, внешний облик доктора чем-то напоминает других великих первооткрывателей, достигших блестящих результатов, но не понятых современниками. Исходя из дневниковых записей Д. Г. Мессершмидта следует, что он был человеком неприхотливым (приходилось ночевать на голой земле, завернувшись «в пальто») и физически хорошо подготовленным (судя по тому, как он один выгребал на лодке в волнах бушующего Енисея). И, конечно, очень мужественным. Но за годы странствий по Сибири он подорвал здоровье и в 40-летнем возрасте выглядел 80-летним стариком: «Появившаяся на висках седина, большая лысина на голове, поху-девшее лицо..., красные воспаленные глаза и до такой степени ослабевшее зрение, что он едва мог читать и писать, — все это были признаки преждевременно наступившей старости» [Новлянская, 1970, с. 146].

Начиная свое путешествие по Западной Сибири (Тобольск — Томск), Д. Г. Мессершмидт на протяжении всего последующего пути использовал карту Азии «Марра Tatariae magnae rethenicae etc.» [Witsen, 1687] бургомистра Амстердама Н. Витсена [Messerschmidt, 1962, S. 182; 1964, S. 68, 92, 153, 189, 201, 222; 1968, S. 115, 147, 179, 182; 1977, S. 62, 76]. Возможно, еще в Санкт-Петербурге путешественник ознакомился с его книгой, имевшейся в императорской Библиотеке [Witsen, 1692, 1705; рус. перев. изд. 1705: Витсен, 2010], в которой карта была переиздана. Другим источником информации для него стала книга купца и дипломата Эбергарда Исбранта Идеса (1657–1707), по протекции Н. Витсена возглавившего русское посольство в Китай (1692–1695) и во время путешествия исправившего и дополнившего карту амстердамского бургомистра. Записки о путешествии в Китай впервые были изданы в Амстердаме в 1699 г. и переизданы в 1706 г. Н. Витсеном [рус. перевод: Идес, Брант, 2010], ими активно пользовался Д. Г. Мессершмидт [Messerschmidt, 1964, S. 189, 218, 222, 228; 1966, S. 93, 101; 1968, S. 50, 147, 174; S. 1977, 49, 62].

Доктор медицины слышал о сказочных богатствах так называемого «могильного золота», добытого бугровщиками и попавшего в собрание амстердамского коллекционера Н. Витсена [Завитухина, 1999], но большая часть подобных находок хранилась в императорской Кунсткамере и в частных собраниях петербургских вельмож, в том числе «у господина архиатера доктора Арескина». Незадолго до этого, в 1715 и 1716 г., императорский двор получил подношения с замечательными произведениями «скифского золота» от Никиты Демидова и князя М. П. Гагарина [Завитухина, 1977; 2000; Королькова, 2003], ныне украшающие Золотую кладовую Эрмитажа. Естественно, что направляясь в Сибирь, Д. Г. Мессершмидт мог надеяться приобрести что-либо подобное. Тем более, что благодаря очередному указу Петра I следовало «куриозные» вещи (в первую очередь, золотые изделия — *И. Т., Д. С.*), которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору «или кому где надлежит настоящею ценою и, не переплавляя, присылать в Берг- и Мануфактур коллегию; а во оной по тому ж не переплавливая, об оных докладывать его величеству» [ПСЗРИ. Т. 6. № 3738; Формозов, 1986, с. 20].

⁷ Не только в интернете (http://irkipedia.ru/content/messershmidt_daniil_gotlib (статья М. Василенко); <http://www.golubi-tyumen.ru/b1.html>; <https://sites.google.com/site/cultkhakasia/issledovanie-sibiri/03-messerschmidt-d-g>; <http://kraevushka.livejournal.com/535959.html>), но и в научной литературе, например, в монографии «История археологического изучения Волжской Болгарии» [Руденко, 2004, с. 34] под портретом И. Г. Гмелина ошибочно помещена подпись «Д. Г. Мессершмидт». Чтобы убедиться в ошибке, достаточно сравнить это изображение с портретом И. Г. Гмелина в книге о нем [Белковец, 1990] и с подборкой портретов немецких исследователей в книге «Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв.» [Борисенко, Худяков, 2005, рис. 35].

С деятельностью бугровщиков Д. Г. Мессершмидт столкнулся во время путешествия из Тобольска в Томск: «В Чауской слободе (Колывань. — *И. Т., Д. С.*) около 150 жителей; занимаются они хлебопашеством и торговлей мехами... Но главным образом они зарабатывают много денег раскопками в степях. С последним санным путем они отправляются на 20–30 дней езды в степь; собираются со всех окрестных деревень, в числе 200–300 и более человек, и разбиваются на отряды по местностям, где рассчитывают найти что-нибудь... Найдя такие насыпи над могилами язычников, они иногда, правда, копают напрасно и находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей... состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов» [Радлов, 1888, с. 10; Messerschmidt, 1962, S. 76–77].

«Из находок ишимцев (так называли бугровщиков. — *И. Т., Д. С.*), — добавляет А. А. Спицын, — известно изображение льва, нападающего на козла» [Спицын, 1906, с. 232], то есть явно изображение скифо-сибирского звериного стиля. Это место из дневника Д. Г. Мессершмидта в переводе В. В. Радлова повторяли многие исследователи как свидетельство массового характера грабительских раскопок в Сибири. Для нас данное сообщение интересно тем, что, несмотря на известное преувеличение (вряд ли можно говорить о таком количестве участников этого «тайного» промысла), оно показывает ситуацию, с которой реально столкнулся Д. Г. Мессершмидт перед началом формирования своей коллекции. И, судя по всему, на многое рассчитывать ему не приходилось.

Часть научного наследия Д. Г. Мессершмидта составляют описания и рисунки археологических памятников, осмотренных главным образом во время путешествия по Западной и особенно Южной Сибири в 1721–1722 гг. Краткая характеристика и общая оценка этих материалов содержится в историографических исследованиях археологов [Вадецкая, 1973, с. 95–97; Белокобыльский, 1986, с. 10–24; Федоров, 2010; и др.]. Большинство из них имеют весьма общий характер, без конкретизации заслуг Д. Г. Мессершмидта как первооткрывателя в области сибирской археологии. Так, Ю. Г. Белокобыльский пишет о наиболее сложном и драматическом периоде южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта: «В результате второй поездки (после отъезда Табберта. — *И. Т., Д. С.*) Мессершмидт обследовал значительный по протяженности район. Через его руки за это время прошло множество (? — *И. Т., Д. С.*) каменных и бронзовых, железных, серебряных и золотых изделий, добытых при случайных раскопках “вольными добытчиками” курганных сокровищ» [Белокобыльский, 1986, с. 15]. Ничего подобного в дневниковых записях Д. Г. Мессершмидта нет. Еще более «отстраненно», если не сказать больше, сообщает об этом Э. Б. Вадецкая: «В целом результатами экспедиции Мессершмидта для сибирской археологии явились первые указания на конкретные группы памятников больших могильников в левобережной степи, рисунки нескольких изваяний и писаниц, часть которых позже уже не сохранилась» [Вадецкая, 1973, с. 97].

Наиболее полная характеристика археологической деятельности Д. Г. Мессершмидта в Южной Сибири представлена в монографии А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова «Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв.» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 67–85]; однако до публикации всех имеющихся материалов данную тему нельзя считать исчерпанной. Это целиком и полностью относится и к настоящей работе, которую можно представить как попытку тематического исследования, раскрывающего один из секторов круга интересов Д. Г. Мессершмидта, с учетом основных положений современной археологии. Хороший пример такого ло-

кального исследования научного наследия Д. Г. Мессершмидта представляет книга В. В. Напольских, посвященная удмуртской части дневника первого исследователя Сибири [Напольских, 2001].

Всестороннее изучение всего «археологического наследия» Д. Г. Мессершмидта, как и любой другой области его научных интересов, требует, насколько это возможно, детального знакомства с очень широким кругом источников, в которых могут содержаться те или иные сведения по этому поводу. В настоящей работе такая задача, непосильная с точки зрения доступности этих материалов, и не ставится. Она значительно конкретнее и уже. В центре нашего внимания будет главным образом территория Урала, Южной Сибири, в основном бассейн Среднего Енисея, где проходили пути путешествия Д. Г. Мессершмидта в 1720–1722 гг. (в том числе и совместно с Ф. И. Таббертом), открытые здесь памятники и оценка значения этих памятников, найденных около 300 лет тому назад (!), с точки зрения современной археологии.

Кроме того, помимо анализа фактического материала, ставшего известным благодаря исследованиям Д. Г. Мессершмидта, нам хотелось более тесно связать то или иное его открытие с самой личностью путешественника, показать, какие трудности возникали на его пути и дать по мере возможностей объективную картину его археологических исследований на Урале и в Южной Сибири. Ведь по следам Д. Г. Мессершмидта прошли все последующие академические экспедиции, подтвердившие его открытия и сделавшие их достоянием науки. Главное, что все они следовали заложенной Д. Г. Мессершмидтом традиции комплексного научного исследования территории России.

ЧАСТЬ I. «СИБИРСКОЕ ДЕЛО» Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

ГЛАВА I. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

1.1. Данциг — Йена — Галле (1685–1713)

Пионер научного изучения Сибири Даниэль Готлиб (в русских документах — Данила Андреевич) Мессершмидт родился 6/16 сентября 1685 г.¹ в Данциге (ныне Гданьск, Польша) в лютеранской семье померанского немца, состоявшего на службе польского короля сначала комиссионером (торговым посредником), затем главным корабельным инспектором. Даниэль был младшим сыном в семье с четырьмя детьми (одна дочь и три сына, из которых он был младшим). С четырехлетнего возраста мальчик получал хорошее домашнее, а с 1691 г. — начальное школьное и религиозное образование с привлечением репетиторов, основной упор в котором делался на знание древних классических (древнегреческий и латинский) и новых европейских языков [Новлянская, 1970, с. 7].

Д. Г. Мессершмидт продолжил образование со специализацией по медицине, зоологии и ботанике в университетах Йены (с 1706 г.) и Галле (1708–1713), где определяющее влияние на него оказали врач Ф. Гофман, физик, математик и философ Х. Вольф, богослов и педагог А. Г. Франке, знаток эфиопского языка и истории, ориенталист И. Г. Михаэлис. В 28-летнем возрасте в Галле под руководством Ф. Гофмана Д. Г. Мессершмидт защитил диссертацию на степень доктора медицины «О разуме, как главенствующем начале всей медицинской науки» [Messerschmidt, 1713]² и вернулся в Данциг, где занялся врачебной практикой.

Благодаря теснейшим личным связям государственных деятелей и ученых России и Германии, которые установились с петровской эпохи, на протяжении всего XVIII века именно немецкий город Галле являлся поставщиком научных кадров в Императорскую Санкт-Петербургскую Академию наук и художеств, гимназию и университет при ней, а многие воспитанники университета в Галле оказали опреде-

¹ Двойная дата 6/16 сентября 1685 г. записана в гороскопе Д. Г. Мессершмидта, который составлен на дату, время и место его рождения. Чертеж гороскопа занимает верхний левый угол первого листа его латиноязычной автобиографической справки (в последней указан только новый стиль даты рождения — 16 сентября) [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 40, л. 1]. Разница между юлианским и григорианским календарями для XVII в. составляет 10 дней, для XVIII в. — 11 дней, поэтому обозначение даты рождения 5/16 сентября 1685 г. является ошибкой. Она восходит к записи в дневнике самого Д. Г. Мессершмидта от 31 декабря 1726 г. — 1 января 1727 г. в Хлынове на Вятке [Напольских, 2001, с. 112]. Ошибка в дате систематически повторялась и повторяется в биографических статьях о Д. Г. Мессершмидте, начиная с XVIII в. [Brandt, 1832, S. 101; МИАН, 152; Jahn, 1994; Напольских, 2001, с. 146, коммент. 130; Миллер, 2006, с. 576; и др.].

² П. П. Пекарский называет ошибочную дату защиты диссертации Д. Г. Мессершмидтом — 1707 г. [Пекарский, 1862, с. 350]. Ф. Ф. Брандт обнаружил печатное издание диссертации Д. Г. Мессершмидта в Библиотеке Петербургской АН [Brandt, 1832, S. 101, Anm.].

ляющее влияние на формирование ряда направлений зарождающейся русской науки [Winter, 1953, S. 313–330; Vermeulen, 2015, p. 103–104].

Пятилетнее пребывание в Галле, без сомнения, оказало главенствующее влияние на формирование не только жизненных принципов и религиозных взглядов, но и методики научной работы Д. Г. Мессершмидта — яркого представителя немецкой ученой ментальности эпохи Просвещения. Убежденный сторонник пиетизма, во время путешествия в Сибирь он с немецкой педантичностью, пунктуальностью и тщательностью ежедневно до глубокой ночи заносил в дневник результаты собственных наблюдений [Пекарский, 1862, с. 350; Винтер, Ушман, Ярош, 1969, с. 50; Jahn, 1995, S. 212; Vermeulen, 2015, p. 88].

Контакты с учителями в Галле Д. Г. Мессершмидт поддерживал и во время сибирского путешествия.

Руководитель его диссертации *Фридрих Гофман* (1660–1742) в 1693 г. являлся одним из основателей Университета в Галле, где как авторитетнейший и потомственный врач, имевший европейскую известность, возглавил кафедру медицины и кафедру натуральной философии, а в 1708–1712 гг. являлся королевским врачом в Берлине. Будущие глава Аптекарской (Медицинской) канцелярии *Иван Лаврентьевич (Иоганн Деодат) Блюментрост* (1676–1756) в 1701 г. и первый президент Петербургской АН, лейб-медик *Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост* (1692–1755), зачисленный в университет в 1706 г., учились медицине у одного профессора — декана медицинского и философского факультетов, врача Ф. Гофмана [Winter, Figurovskij, 1962, S. 3, 5; Винтер, 1971, с. 3]. Позднее, 22 ноября 1734 г. Ф. Гофман, поддерживавший тесные связи с Петербургской АН, был избран иностранным почетным членом Петербургской Академии наук [Копелевич, 1977, с. 50, 110, 185]. Немецкий биограф путешественника Э. Винтер высказал предположение, что Д. Г. Мессершмидт познакомился с Л. Л. Блюментростом именно в Галле [Винтер, 1971, с. 3].

Ученик Г. В. Лейбница барон *Христиан фон Вольф* (1679–1754) являлся профессором математики и натуральной философии (1706–1723, 1740–1743) и ректором (1743–1754) университета в Галле, одно время был профессором философии в Марбургском университете (1724–1740), где его лекции слушал М. В. Ломоносов. Х. Вольф был одним из тех западноевропейских ученых, с которым Петр I обсуждал идею организации Академии наук и неоднократно приглашался им в Санкт-Петербург. Немецкий философ призывал царя к организации в России прежде всего сети учебных заведений — университетов для подготовки квалифицированных кадров, но русский царь понимал, что последние были не в состоянии создать необходимую научную базу для развития промышленности и изучения природных богатств страны. При жизни Петра I в придворных кругах обсуждалось несколько кандидатур будущего президента Императорской Академии наук, причем Х. Вольф, учитель братьев Блюментростов и Д. Г. Мессершмидта, предъявил чрезмерно высокие требования и хотел видеть себя на посту президента будущей академии, но подобное назначение было невозможно из-за прусского подданства ученого. Длительные переговоры с ним ни к чему не привели — Х. Вольф отказался приехать в Россию и занять предложенную ему должность вице-президента. Он первым из иностранцев был избран иностранным почетным членом Петербургской АН (19 марта 1725 г.) с пенсионом 300 руб. и получил право на бесплатную присылку основных ее изданий как выдающийся ученый, содействовавший созданию академии [Пекарский, 1862, с. 538–539; Копелевич, 1975, с. 182, 183, 193, 194, 197; 1977, с. 66, 110, 180, 184; Тункина, 2000, с. 15, 16, 19–20; Тункина, Крапошина, 2016, с. 483].

Под влиянием единомышленника Г. В. Лейбница, профессора древнегреческого и восточных языков в университете Галле *Августа Германа Франке* (1663–1727) Д. Г. Мессершмидт стал изучать древнееврейский язык. А. Г. Франке основал в Галле Collegium orientale theologicum (Восточную теологическую коллегия; 1702–1713), руководимую И. Г. Михаэлисом и Х. Б. Михаэлисом. Ее целью стала подготовка ученых и преподавателей в области восточных языков и миссионеров-пиетистов. В коллегии изучали арамейский (халдейский), древнееврейский, сирийский, арабский, эфиопский, армянский, персидский, китайский, турецкий, новогреческий, церковнославянский, русский, польский, французский, итальянский и английский языки [Brentjes, 1988 (1985), S. 104]. Сторонник критического метода в филологии, А. Г. Франке был убежден, что знание языков, в том числе славянских, будет способствовать европейским миссионерам в изучении истории, культуры и религии далеких стран и народов. А. Г. Франке являлся одним из основоположников пиетизма (от лат. *pietas* — благочестие) в лютеранстве и основателем сети благотворительных приютов и учебно-воспитательных учреждений в Галле. Они имели ботанический сад, где взращивали лечебные травы и сельскохозяйственные культуры, больницу, библиотеку, Вундеркамеру (Кабинет натуралий и артифициалий) и др. Все эти «инструменты науки» в полной мере использовал Д. Г. Мессершмидт — возможно, он работал в аптеке и принимал участие в медицинской работе учреждений Франке [Heesen, 2000].

А. Г. Франке как богослов был нетерпим к атеистам, считая их губителями юношества, он стремился исправить «испорченное» христианское общество воспитанием детей по собственной методике и учебной программе, причем не только в немецких землях, но и за границей. А. Г. Франке поддерживал контакты с пиетистами по всему миру, в том числе в Москве с ближайшим окружением братьев Блюментростов, в Архангельске, Тобольске, Астрахани, Баку [Dahlmann, 2009, S. 115; Vermeulen, 2015, p. 104–106]. «Он... расценивал значение Москвы, Сибири и Китая лишь с точки зрения распространения христианства... Здесь объединились мировой колониализм, евангелическая миссия и универсальная политика в области культуры», — оценивал его деятельность Э. Винтер [1971, с. 4]. Сторонников пиетизма отличала набожность, аскетизм в жизни и осуждение мирских удовольствий, строгость костюма, подвижничество в служении Богу, человеку и избранному делу, стремление к самоусовершенствованию и к преобразованию церкви во имя нравственного принципа, равнодушие к государству. Влияние А. Г. Франке на умы своих последователей было практически безграничным. Так, его многолетняя непримиримая вражда с профессором Х. Вольфом закончилась тем, что А. Г. Франке обвинил коллегу в атеизме и в 1723 г. способствовал изгнанию философа из университета в Галле [Winter, 1963; 1970].

Религиозные взгляды пионера научного изучения Сибири во многом сложились под влиянием А. Г. Франке. Добросовестно выполняя свой долг ученого, Д. Г. Мессершмидт был убежден, что Богу нужно *не внешнее, а внутреннее служение, служение главному делу своей жизни — науке*, добровольное послушание, стремление изо всех сил «взращивать плоды веры» по велению Святого Духа, умение противостоять собственному разуму и др. (запись в дневнике от 30 июля 1722 г.) [Messerschmidt, 1962, S. 286; Мессершмидт, 2012, с. 121; Винтер, 1971, с. 5]. Отличавшийся набожностью Д. Г. Мессершмидт в ходе многотрудного и полного опасностей путешествия по Сибири уповал не на защиту своей охраны и помощь спутников, а на Бога: «Возлюбленный Господь помог мне чудесным образом, я спасся..., так что в этом и других случаях я очень ясно чувствовал защиту Господа» (запись в дневнике от 9 августа 1722 г.) [Messerschmidt, 1962, S. 293; Мессершмидт, 2012, с. 127].

Путевой дневник экспедиции в Сибирь был закончен в ночь на 31 декабря 1726 — 1 января 1727 г. в Хлынове (Вятка, ныне Киров). Автор пишет, что завершив день обычной вечерней молитвой, «вознес хвалу моему милостивому Богу за его милостивое благоволение, которое постоянно было при мне и внутренне и внешне при всех тяготах, которые встретились мне в этом году. Ведь без божественного утешения и помощи я бы непременно утонул в тяжком слежении за здешними простолюдинами. Доброта его такова, что мы не (можем) быть вне ее, и его милосердие не имеет конца, и оно каждое утро — новое, а его надежность велика. “Господь — мой спаситель!” — утверждает моя душа. Благо тому, кто на господу полагается, и для кого Господь может стать своим! Моя помощь приходит от Господа, который сотворил небо и землю; его ожидает душа моя! Около 2^{1/2} часов по полуночи наконец, усталый и измученный, улегся я на естественный телесный покой, и таким образом сей 1726-й год под Божьим отеческим покровительством этим был завершен» [Напольских, 2001, с. 119–120].

1.2. Данциг — Санкт-Петербург — Москва (1713–1719)

В Гданьске (Данциге) Д. Г. Мессершмидт сблизился с ботаником, опытным практикующим врачом, также учившимся медицине в Галле, профессором *Иоганном Филиппом Брейном* (Breune Johann Philipp; 1680–1764) [Рихтер, 1820, с. 152]. И. Ф. Брейн являлся европейски известным коллекционером, создавшим Кабинет натуралий, коллекцию которого Д. Г. Мессершмидт стал изучать и пополнять собственными полевыми сборами в ходе научных экскурсий по городским окрестностям [Новлянская, 1970, с. 8]. «В Данциге господина доктора Бреина музей славен для удивительного собрания янтаря и солей и ради славной флоры Японии...», — записал свои впечатления от его осмотра царский библиотекарь И. Д. Шумахер [Пекарский, 1862, с. 546].

Другим коллегой Д. Г. Мессершмидта, с которым он поддерживал контакты в Данциге, был врач *Георг Ремус*, получивший в Галле степень доктора медицины в 1709 г. [Jahn, 1995, S. 212]. Г. Ремус отправился в Россию позднее Д. Г. Мессершмидта, в 1719 г. стал сначала полковым врачом, затем домашним медиком князя А. Д. Меншикова, позднее при содействии архиатра Р. К. Арескина издал в Петербурге и Лейпциге труды лейб-медика Л. Л. Блюментроста об олонекских минеральных водах, но вскоре (в 1723 г.) вернулся в Германию [Рихтер, 1820, с. 163–165].

В 1716 г. Данциг в ходе Северной войны был взят русскими войсками. Петр I провел в захваченном городе почти пять месяцев и ознакомился с Кабинетом натуралий. Царь поинтересовался у его основателя о возможной кандидатуре для естественного путешествия по России. И. Ф. Брейн рекомендовал царю именно Д. Г. Мессершмидта как сложившегося ученого и способного врача [Рихтер, 1820, с. 152; Пекарский, 1862, с. 351]. И. Ф. Брейн в составе консилиума врачей вынес заключение о состоянии здоровья русского царя (подозрение на серьезное заболевание легких), поэтому в медицинских целях император вновь посетил Данциг год спустя. В сентябре 1717 г. переговоры о приглашении 30-летнего доктора медицины были возложены на возглавлявшего Аптекарскую канцелярию³ архиатра⁴, первого начальника

³ Медицинским делом в России ведал Аптекарский приказ в Москве. В 1707 г. в Петербурге в дополнение к Аптекарскому приказу была учреждена Аптекарская канцелярия. Оба эти учреждения имели общее руководство, но в Аптекарской канцелярии, находившейся при царском дворе в новой столице, основную роль играл первый лейб-медик Петра I. В 1715 г. была создана специальная структура для лечения служителей двора — Надворная медицинская канцелярия во главе с лейб-медиком Р. К. Арескиным, с жалованьем 2000 руб. в год. В штате канцелярии находились гоф-доктор, аптекарь, шесть лекарей (каждый с жалованьем 1306 руб. в год) [ПСЗРИ. Т. 5. № 2881]. В Табель о рангах (1722 г.) были внесены должности: лейб-медикус (6-й класс, что соответствовало чину полковника), первый лейб-медикус при

Кунсткамеры, члена Британского королевского общества, шотландца *Роберта Карловича Арескина* (Эрскина; Erskine Robert; 1677–1718), знакомого с И. Ф. Брейном еще с 1702 г. по Лондону.

В Данциге в сентябре 1717 г. Д. Г. Мессершмидт в присутствии Р. К. Арескина был представлен царю и впоследствии вел переписку с лейб-медиком [Новлянская, 1970, с. 8–9]. Как доказывает их корреспонденция, Р. К. Арескин намеревался возложить руководство Кунсткамерой на Д. Г. Мессершмидта, имевшего разностороннюю и основательную естественнонаучную подготовку, а заведование императорской Библиотекой — на своего секретаря по иностранной переписке (с 1714 г.) эльзасца И. Д. Шумахера [Копанева, 2016, с. 45–46]. Наконец, в сентябре 1717 г. Д. Г. Мессершмидт получил удостоверение Р. К. Арескина⁵ на латинском языке, в котором говорилось о приглашении его по указу императора на службу в Россию с 1 января 1718 г. с окладом 500 руб. в год из бюджета Аптекарской канцелярии «для всех работ, какие только соответствуют его профессии, в первую же очередь для исследования скрытых богатств и сил природы великого Российского государства» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 21, л. 94; Новлянская, 1970, с. 9; Копанева, 2014, с. 64, 67]. При этом путешествие по России обсуждалось уже в октябре 1717 г., т. к. в одном из писем Р. К. Арескину Д. Г. Мессершмидт «оговаривает принятие особых мер, таких как обеспечение безопасности на дорогах и выдачу ему аванса для приобретения одежды, “приспособленной и для холодной погоды, и для дальнего путешествия”» [Копанева, 2014, с. 68]. На эти расходы и дорогу в декабре 1717 г. ему было отправлен аванс — 100 руб. [Новлянская, 1970, с. 9]. Д. Г. Мессершмидт стал готовиться к путешествию и изучать литературу. Сохранилась его переплетенная рукопись «*Meletemata Physico-Medica curiosa. Thom Erasti, Med.*», которая включает выписки и рисунки по медицине, минерало-

ее величестве (7-й класс, чин подполковника), надворный лекарь (12-й класс, ранг лейтенанта), надворный аптекарь (14-й класс, чин фендрика). Новый состав гоф-медиков установил штат Медицинской канцелярии 1733 г.: лейб-медик, два гоф-хирурга, подлекарь, ученик аптеки, лейб-медик и два лекаря при принцессе Анне и цесаревне Елизавете. См.: ПСЗРИ. Т. 44. Ч. 2. К № 6305; Агеева, 2008, с. 340.

⁴ Архиатр (архиатер, от греч. старший врач) — главный начальник всей медицинской (включая и военно-медицинскую) части в Российской империи с 1714 г. по 1741 г. В функции первого архиатра Р. К. Арескина входило нанимать на должности, экзаменовать и увольнять врачей и аптекарей, прибывавших в Россию из разных стран Европы, определять им жалованье, осуществлять надзор за императорскими Кунсткамерой и Библиотекой, госпиталями, аптеками, медико-хирургическими (госпитальными) школами, руководить борьбой с эпидемиями и исполнять обязанности лейб-медика Петра I. Искусный и знающий врач, образованнейший из придворных русского царя, он везде сопровождал Петра с момента назначения лейб-медиком в 1713 г. На должность «президента всего медицинского факультета России» Р. К. Арескин был назначен 30 апреля 1716 г., когда Петр I подписал и вручил ему грамоту на латинском языке о пожаловании его архиатром и действительным статским советником: «Объявляем всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что мы перед несколькими годами благородного и нам верно любезного Роберта Арескина, философии и медицины доктора, Королевского великобританского общества члена, за доброе его действо и через многие опыты показанную верность к нашей персоне, также и за великое в медицине искусство, в доктора наши первенственные принять и оного архиатером и президентом канцелярии нашей надворной медицинской всего медицинского факультета в нашей империи учредить благоволили (...) Еще во свидетельство особливой нашей к нему имеющейся милости, за верные его и усердные к нам учиненные заслуги, чином и характером действительного статского советника нашего пожаловать соизволили» [Чистович, 1883, Прилож., с. CCCLXVII]. Его оклад был установлен в 5000 руб. в год, жалованье заместителей было значительно ниже — первого помощника Л. Л. Блюментроста 1200 руб., второго — 800 руб. [Мирский, 1995, с. 137].

⁵ В документах его должность именуется так: «действительный советник архиатер и президент Канцелярии надворный медицинский и всего медицинского факультета и первенственный доктор Его Царского Величества Роберт Карлович Арескин» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22, л. 2 об.].

гии, палеонтологии. В числе выписок из литературы — снятая Мессершмидтом 15 декабря 1717 г. копия сочинения И. Ф. Брейна «*Sciagraphia Lithologica Curiosa*» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 6, л. 82, л. 82–105].

Здесь следует сделать небольшое отступление и проинформировать читателя о размерах жалования иностранных специалистов, приглашенных на русскую службу в Академию наук при жизни Д. Г. Мессершмидта, т. к. не только в специальной археологической, но даже в исторической литературе нередко встречается ошибочное утверждение, что определенная путешественнику сумма 500 руб. в год была слишком мала.

Жалование первых членов Петербургской Академии наук по суммам выплат дифференцировалось от 400 до 1800 руб. в год в зависимости от известности ученого и специальности (кафедры), а также от занимаемых административных постов. Впоследствии это обстоятельство стало поводом для раздоров внутри ученого сообщества, справедливо полагавшего, что все науки, говоря словами М. В. Ломоносова, имеют «равное достоинство» [Тункина, Крапошина, 2016, с. 481–483]. «Большие ученые получали высокое жалование, средним и мелким приходилось довольствоваться меньшим», — вспоминал Г. Ф. Миллер [2006, с. 528].

Пятилетний контракт, заключенный Л. Л. Блюментростом по указу Петра I с ботаником академиком И. Х. Буксбаумом, с обязательством совершить экспедицию в Турцию и Персию и затем заведовать Ботаническим садом АН, предусматривал жалование в размере 500 руб. в год (что равнялось жалованию Д. Г. Мессершмидта), при условии обеспечения жильем, дровами и свечами [МИАН, 1885, с. 53, 54; Летопись, 2000, с. 35]. Контракт от 3 декабря 1725 г. с кёнигсбергским историком и востоковедом Г. З. Байером предусматривал жалование 600 руб. в год с казенной квартирой, отоплением и освещением [МИАН, 1885, с. 150]. Первый секретарь Конференции математик Христиан Гольдбах, отказавшийся читать лекции в академической Гимназии и Университете, также получал 600 руб. в год [Юшкевич, Копелевич, 1983, с. 62]. Не имевший законченного высшего образования студент Лейпцигского университета историк Г. Ф. Миллер, прибывший в 1725 г. из Германии в Петербург, был определен в академический университет в звании студента. Он получил на путевые издержки 100 руб. и 200 руб. жалования в год [Пекарский, 1873, с. 503]. Швейцарский математик Л. Эйлер получил на дорогу в Петербург 130 руб., куда прибыл в мае 1727 г. С 19-летним начинающим ученым был заключен контракт как с адъюнктом по кафедре физиологии с окладом 300 руб. в год, а в июле 1731 г. — как с профессором теоретической физики на четыре года, причем жалование за первые два года устанавливалось в сумме 400 руб. в год, в последующие — 600 руб. в год [МИАН, 1885, с. 209; 1886, с. 58–59]. Напротив, первому (по времени прибытия в Санкт-Петербург) академику новой академии, 47-летнему базельскому математику Я. Герману было установлено жалование в пять раз больше — 1500 руб. в год [СПбФ АРАН, ф. 3, оп. 12, д. 60, л. 3]. Четырехлетний контракт с «первым астрономом» Петербургской АН 37-летним Ж. Н. Делилем, заключенный в июле 1725 г., предусматривал жалование 1800 руб. в год и единовременную выплату 10 тыс. ливров для проезда из Парижа в Петербург и за астрономические инструменты, купленные и специально изготовленные для России [МИАН, 1885, с. 125–129].

Гораздо большие оклады получали чиновники от науки. В контракте с И. Д. Шумахером, подписанном Л. Л. Блюментростом 1 января 1724 г., значилось, что он не только ведал Библиотекой и Кунсткамерой, но и в Медицинской канцелярии при «размножении» Академии «при оной секретарское дело правит», причем с окладом, в два раза больше получаемого ранее — 800 руб. в год. 25 декабря 1726 г. распоряжением Л. Л. Блюментроста библиотекаря и секретарю Канцелярии И. Д. Шумахеру

с 1 января 1726 г. по 1 января 1727 г. было установлено жалование 1200 руб. в год [МИАН, 1885, с. 14, 211]. 11 ноября 1734 г. И. Д. Шумахер занял должность советника (директора) Канцелярии АН с окладом 1200 руб. год [Протоколы, 1897, с. 118]. Первый президент Петербургской АН (1725–1733 гг.) Л. Л. Блюментрост получал 5000 руб. в год не из бюджета высшего научного учреждения России, а из средств Медицинской канцелярии как лейб-медик. Когда он попал в опалу и был сослан в Москву в 1733 г., его жалование за годы президентства вычиталось в течение 5 лет, начиная с 1738 г., из его сравнительно небольшого жалования (1500 руб. в год) главного доктора Московского военного госпиталя [Пекарский, 1870, с. 14; Агеева, 2008, с. 192; Тункина, Крапошина, 2016, с. 481]. Для сравнения, жалование царя Петра I как полковника лейб-гвардии Преображенского полка в 1710 г. составило 1572 руб. в год [Агеева, 2008, с. 47], а советника Берг-коллегии при Сибирском обер-берг-мате В. Н. Татищева в 1724 г. составляло 600 руб. в год [Юхт, 1971, с. 332].

Таким образом, жалование Д. Г. Мессершмидта вполне соответствовало жалованию первых западноевропейских ученых, ставших членами Петербургской АН, которые еще не имели известности в ученом мире Европы. К тому же жильем, дровами, расходными материалами и припасами (в том числе едой), транспортом, оборудованием для экспедиции доктор обеспечивался за казенный счет. Но бюджет многолетней и самой дальней экспедиции существенно подрывали бесконечные задержки выплат его многочисленным спутникам в ходе путешествия, к примеру, военным, осуществлявшим охранные функции, выплату денежного довольствия и выдачу положенного обмундирования задерживали годами. Жалование драгун составляло 33 копейки (11 алтын) в месяц, что составляло всего 3 руб. 96 коп. в год [Соболев, 2013, с. 179], поэтому Д. Г. Мессершмидту приходилось содержать их месяцами за свой счет. По словам академика И. Г. Гмелина, жизнь в Тобольске по сравнению с Санкт-Петербургом отличалась дешевизной, непритязательному человеку можно было «хорошо жить на 10 рублей в течение года» [Gmelin, 1751, S. 189; Новлянская, 1966, с. 10].

Однако с 1722 г. годовое жалование Д. Г. Мессершмидту выплачивалось с большими задержками. 16 июня 1722 г., находясь на Божьем озере в Сагайских степях, он жаловался в Красноярскую канцелярию: «А сего 1722 года, от января месяца до сего июля 13 дня, его императорского величества по указу жалования не выдано мне и моим драгунам, а прокормиться нечем, и помираем голодною смертью, а в государеве деле будет великая остановка (...) А буде мое жалование не пришлют, а и мой путь надлежит прямо в Санктпетербург, а без жалования жить невозможно» [Пекарский, 1862, с. 357]. Таким образом, доктор вынужден был опуститься до уровня шантажа и пригрозить местным властям, что из-за отсутствия положенных выплат жалования может прервать экспедицию и вернуться в столицу, после чего деньги ему были сразу выплачены. Значительные средства тратились Д. Г. Мессершмидтом на приобретение натуралий и артифициалей, что тоже существенно сокращало финансовые возможности руководителя путешествия, который тратил на эти цели собственную заработную плату. Поэтому выделенных государством средств для столь масштабного предприятия, каковой была комплексная научная экспедиция в далекую Сибирь, предусматривавшую сбор обширных коллекций, все же было недостаточно. К тому же Д. Г. Мессершмидт выполнял всю работу практически в одиночестве, не имея помощников, подготовленных для научных исследований.

19 февраля 1718 г. на шарабане, или коляске (Stuhlwagen, oder Carosse) Д. Г. Мессершмидт выехал из Данцига в Ригу. Здесь он прожил полтора месяца, общаясь с потомственным аптекарем и врачом *Николаем Мартини*, получившем степень доктора медицины в Галле в 1703 г. Позднее, в 1735 г. Н. Мартини служил гоф-

медиком⁶ при дворе императрицы Анны Иоанновны. Н. Мартини был не только врачом, но и коллекционером натуралий и артифициалей (монет, средневековых диковин и пр.), которые он собрал в путешествиях по Европе. Помимо Д. Г. Мессершмидта, его кабинет редкостей несколько лет спустя осмотрел библиотекарь царя И. Д. Шумахер во время командировки в Европу в 1721–1722 гг.: «В Риге господина доктора Мартини кабинет, состоящий из разных натуралиев, наипаче из петрефактис именующихся, однакоже ничего чрезвычайное в оном обретается» [Пекарский, 1862, с. 546]. Прибыв в Сибирь, Д. Г. Мессершмидт собирал натуралии и артифициалии не только для Кунсткамеры и собственной коллекции, но и для Кабинетов редкостей И. Ф. Брейна (Данциг) и Н. Мартини (Рига) [Jahn, 1995, S. 212; Vermeulen, 2015, p. 118].

8 апреля в Риге военный комендант бригадир Ю. И. Буш вручил Д. Г. Мессершмидту подорожную на русском языке: «Едущему в службу Его Царского Величества г-ну доктору Данилу Готлибу Мессершмитту давать две подводы, а где понадобится давать и третью»⁷, причем без задержек [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 33, л. 4].

9 апреля 1718 г. Д. Г. Мессершмидт выехал из Риги в Санкт-Петербург на почтовой карете (*Schlaffwagen mit Postpferden*) [Там же, д. 27, л. 1]. В Петербурге, скорее всего при содействии членов столичной лютеранской общины, данцигский врач завязывал контакты и знакомился с бытом и нравами неизвестной ему страны. Из писем к И. Ф. Брейну известно, что он служил врачом при дворе Петра I [Jahn, 1995, S. 217]. В письме И. Д. Шумахера к Д. Г. Мессершмидту из Санкт-Петербурга в Москву от 23 апреля 1719 г. (получено в Москве 2 мая 1719 г.) доктор назван медиком придворной медицинской службы царицы в Москве («*medicine au Service de Sa Majeste Czarienne, à Moscow*») [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 21, л. 96 об.–97].

Чуть менее чем за год до приезда Д. Г. Мессершмидта в Россию другой немецкий доктор медицины *Готтлоб Шобер* (1670–1739), с 1712 г. лейб-медик, затем инспектор Главной аптеки и ординарный медик при Аптекарской канцелярии, по указу Петра Сенату от 24 июня 1717 г. был отправлен в экспедицию с медицинскими целями. Ему было поручено «искать в нашем государстве (а особливо в таких местах, где есть железные руды) ключевых вод, которыми можно пользоваться от болезней, на приклад, какими в здешних краях пользуются, как Пирмонтская, Шпавассер и проч., и для того дайте помянутому доктору полный указ, чтобы ему не были никто противны и давали от города до города и от села до села подводы, дабы он нынешним летом до заморозков осмотрел, о чем пространно писал к тому доктору от себя доктор наш Арескин, и то письмо при сем посылаем, которое к нему от себя с указом к Москве пошлите» [ПСЗРИ. Т. 5. № 3092]. На средства Аптекарской канцелярии в 1717–1718 гг. Г. Шобер совершил экспедицию по Волге до Каспийского моря, обследовал минеральные источники у Самары, объехал Нижнее Поволжье и Северный Кавказ, впервые описал Брагунские горячие источники на Тереке (названные им «Теплицы Св. Петра»), открыл минеральные источники, где позднее были основаны Горячеводск (ныне Пятигорск), Железноводск и Кисловодск, указал на целебные свойства их вод для излечения многих болезней. Ученый не ограничился чисто медицинскими задачами, а в русле энциклопедизма эпохи Просвещения провел комплексное междисциплинарное обследо-

⁶ Гоф-медик — врач, служащий в придворном ведомстве и обязанный оказывать помощь придворным чинам и служителям.

⁷ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, цитаты из документов на латинском, немецком и русском языках, хранящихся в фонде Д. Г. Мессершмидта в СПбФ АРАН, приводятся по транскрипции и в переводах академика Гёттингенской Академии наук Вернера Лефельдта. Подробнее см. гл. IV, 4.1.

вание этого обширного региона, собрав информацию о природных богатствах, данные по ботанике, этнографии, географии, отчасти истории и лингвистике. Эти материалы нашли отражение в его неизданной рукописи «*Memorabilia Russo-Asiatica*» [Гнучева, 1940, с. 23; Posselt, 1977; Вернадский, 2002, с. 280–281; Колчинский, Сытин, Смагина, 2004, с. 29], но лишь малая часть записок была издана после смерти ученого, а большая так и осталась неопубликованной. Показательно, что Д. Г. Мессершмидт, чье рукописное наследие повторило судьбу бумаг Г. Шобера, был знаком с этой рукописью (январь 1719 г.) и сделал из нее выписки с информацией о путешествии в Астрахань и на Северный Кавказ. На обороте последнего листа им сделана заверительная запись о копировании документа в Москве 20 июля 1719 г. [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 6, 112–121 об.⁸].

Д. Г. Мессершмидт, скорее всего, не знал, в какую конкретно географическую точку огромной страны его пошлют и на какой срок. В удостоверении, выданном ему Р. К. Арескиным, говорилось обобщенно об исследовании естественных богатств империи, а в письмах к архиатру «он повторяет слова Арескина о предполагаемом порядке работы: музейными коллекциями Мессершмидт займется в зимнее время, а летом должен будет предпринимать разнообразные экспедиции, в том числе и по изучению полезных ископаемых» [Копанева, 2016, с. 46]. Таким образом, первоначально о путешествии в Сибирь речь не шла, а оговаривалась возможность работы с коллекциями Кунсткамеры и краткосрочные экспедиционные поездки в летнее время. Но известно, что еще в 1710 г. Р. К. Арескин планировал экспедицию из нескольких человек в Сибирь, чтобы «собирать... травы, цветы и прочие природные вещи» [Driessen-van het Reve, 2006, p. 71; Дриссен-ван хет Reve, 2015, с. 72; Vermeulen, 2015, p. 116]. Аптекарская канцелярия искала ученого, способного совершить такую поездку, и в итоге остановила свой выбор на Д. Г. Мессершмидте.

По обоснованному предположению Н. П. Копаневой, скорее всего именно И. Д. Шумахер предпринял все усилия и задействовал все свои связи при дворе, чтобы побыстрее отправить доктора в Сибирь и не допустить Д. Г. Мессершмидта к изучению коллекций Кунсткамеры, фактически оставив его в Петербурге не у дел: «Слишком престижна была эта работа, предоставлявшая прямой доступ к царю и его лейб-медику, чтобы Иоганн Даниил Шумахер, уже столько сил вложивший в любимое детище Петра, отдал бы ее кому бы то ни было. Сложившиеся добрые отношения с Р. Арескиным, а после его смерти с Л. Л. Блюментростом позволили И. Д. Шумахеру остаться при Библиотеке и Кунсткамере вторым человеком после лейб-медиков царя, а при их занятости — фактически их главой» [Копанева, 2016, с. 46]. Среди поездок Д. Г. Мессершмидта во время пребывания в Санкт-Петербурге отмечена только одна — 10 июля 1718 г. на корабле русского флота он, скорее всего в качестве практикующего судового врача, побывал на мысе Гангут (ныне Ханко) в Финляндии и в тот же день вернулся обратно [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 27, л. 1].

В судьбу Д. Г. Мессершмидта внезапно вмешался случай: болезнь («тяжелая телесная слабость»), длительное отсутствие в столице всю осень (лечение открытыми Л. Л. Блюментростом в 1717 г. кончезерскими водами в Олонце) и смерть архиатра Р. К. Арескина 30 ноября 1718 г.⁹, с которым он вел переговоры о переезде в Россию.

⁸ Следующая копия [Там же, л. 122–123 об.] другой рукой сделана уже в Tobольске в 1719 г. и посвящена барометру служившего в Лифляндии Христиана Ладона (рукопись обрывается на полуслове).

⁹ Р. К. Арескин успел составить завещание, согласно которому большая часть петербургского имущества делилась на четыре части, одна из которых предназначалась его секретарю И. Д. Шумахеру, имение под Петербургом («местность Пакола») отходила его любимцу — доктору Блюментросту-младшему. «Все курьезные вещи и медали и все другие инструменты никому, кроме царского величества, моего всеми-

Скорее всего, данцигский доктор принял участие в пышных похоронах своего патрона. 4 января 1719 г. траурную процессию в Александро-Невский монастырь (ныне лавра), расположенный тогда в 7 верстах от Петербурга, возглавлял сам Петр I, гроб «несли придворные медики и знатнейшие хирурги, одетые в черных мантиях, до самого моста в Немецкой слободе, в сопровождении бесчисленного множества народа, освещаемые 200 факелами (...). В монастыре уже, от самых ворот до часовни, стояли по обеим сторонам солдаты, тоже с факелами, неугасаемыми на ветру, и его величество сопровождал гроб, держа в руке по русскому обычаю восковую горящую свечу, до самого могильного склепа» [цит. по: Мирский, 1995, с. 142–143].

Указ Петра I от 15 ноября 1718 г. об отправке доктора Д. Г. Мессершмидта в Сибирь появился за две недели до кончины Р. К. Арескина. После его смерти пост архиатра Аптекарской канцелярии был отделен от должности лейб-медика и руководителя императорских Кунсткамеры и Библиотеки. Оба этих учреждения до передачи в ведение Академии наук в 1724 г. финансировались из средств Аптекарской канцелярии. Их новым руководителем с 1718 г. стал лейб-медик царя Л. Л. Блюментрост¹⁰, который семь лет спустя, 20 ноября 1725 г. указом Екатерины I был назначен первым президентом Академии наук. Секретарем Канцелярии и управляющим Библиотекой и Кунсткамерой стал И. Д. Шумахер, с 1724 г. с основанием Петербургской АН ставший также всемогущим руководителем ее Канцелярии, фактически управляющим делами, вторым человеком в академии после ее президента.

Должность архиатра Аптекарской канцелярии, управлявшего всей медициной в Российской империи, была доверена старшему брату Л. Л. Блюментроста — И. Д. Блюментросту, в ведение которого поступил Д. Г. Мессершмидт. Архиатр из средств Аптекарской канцелярии финансировал и курировал экспедиционные научные исследования подчиненных ему врачей, причем отчеты путешественников даже в первые годы после основания Академии наук направлялись именно в Медицинскую канцелярию. Ботаник И. Х. Буксбаум, с 1721 г. возглавивший Аптекарский огород при Аптекарской канцелярии, сразу был принят в созданную Петербургскую Академию наук, однако отправленный царем в Сибирь неуживчивый и гордый Д. Г. Мессершмидт этой чести так и не был удостоен.

1.3. Периодизация экспедиции Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1719–1727): взгляд путешественника

Экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь растянулась на восемь лет, причем сам доктор медицины разделил свое путешествие на *девять* периодов, за время которых он совершил 130 исследовательских поездок [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22, л. 16–55 об.]. До нас дошло всего пять томов дневников или путевых журналов путешественника, отражающих хронологию путешествия не в полной мере.

лостивейшего государя, не представлять, соизволит ли он всемилостиво оныя себе купить, которые деньги раздать в сиротские дома, госпитали и богадельни в Шотландии» [Чистович, 1883. Прилож., с. CCCLXIX; Мирский, 1995, с. 142]. Петр приобрел не только коллекцию Р. К. Арескина, поступившую в Кунсткамеру, но и его библиотеку (ныне в Библиотеке РАН), а также архив (ныне в СПбФ АРАН, фонд 120). Собрание Р. К. Арескина в его петербургском доме, которое к 1716 г. привел в порядок И. Д. Шумахер, включало минералы, раковины, редкости, акварели М. С. Мериан с изображениями цветов, червей, бабочек и других насекомых, а также памятники археологии — золотые и серебряные вещи из раскопок близ Астрахани, 250 золотых археологических вещей из Сибири «из гробов татар» [Архив, 1933, с. 109; Driessen-van het Reve, 2006, p. 72; Дриссен-ван хет Reve, 2015, с. 72; Летопись, 2014, с. 71].

¹⁰ С 1714 г. Л. Л. Блюментрост состоял лейб-медиком царевны Наталии Алексеевны, а в 1718 г. стал лейб-медиком царя. Подробнее см.: Тункина, 2000, с. 15; Агеева, 2008, с. 60.

Первый период начался 1 марта 1719 г. выездом из Санкт-Петербурга и завершился 24 декабря 1719 г. приездом в Тобольск ¹¹.

Второй период объединил поездки из Тобольска с 26 июня по 30 декабря 1720 г. на струге вверх по Тоболу до Ялуторовской слободы, по Исети до Исетской слободы, на лошадях вдоль Исети на Каменский железоделательный завод и Уктусский горный завод, затем возвращение в Тобольск ¹².

Начало *третьего периода* датировано 1 марта 1721 г. выездом из Тобольска: вверх по Иртышу через устье Тары и Барабинскую степь путешественники добрались до Томска (30 марта — 5 июля 1721 г.) ¹³, исследовали течение р. Томи. Ф. И. Табберт остался в Томске до 29 октября 1721 г., выполняя поручения Д. Г. Мессершмидта, и прибыл на средний Енисей позднее доктора, который первым через Кузнецк добрался в Абаканский острог (12 сентября 1721 г. — 16 февраля 1722 г.). Здесь 22 декабря 1721 г. оба путешественника встретились и затем совершали исследовательские поездки по окрестностям, занимались археологическими разведками и раскопками, обследуя долины рек Чулым, Абакан, Енисей. 16 февраля экспедиция направилась по Енисею в Красноярск, где остановилась перезимовать. Третий период завершился 24 февраля 1722 г. приездом в Красноярск.

Этот период, а также четвертый и начало пятого, нашли отражение в первом томе дневника, начатого 1 марта 1721 г. в Тобольске и заверщенного 8 октября 1722 г. в Красноярске [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 1. 238 л.].

Четвертый период начался отъездом из Красноярска 13 мая 1722 г., откуда экспедиция направилась по течению р. Кача в сторону Большого Кемчуга. 28 мая 1722 г. Д. Г. Мессершмидт навсегда расстался со своими помощниками Ф. И. Таббертом и К. Г. Шульманом, которые направились в Тобольск, чтобы затем через Москву и Санкт-Петербург вернуться в Швецию. Далее Д. Г. Мессершмидт продолжил путь к Усть-Кемчугу, затем вверх по Чулыму до Ачинского острога, оттуда через Божье озеро (Аргунские юрты) проследовал к устью р. Урюп, к слиянию рек Черного и Белого Уюсов, на р. Уйбат и к устью р. Бирь, затем до Абакана, оттуда к Саянскому острогу на Енисее и обратно до Красноярска, куда экспедиция прибыла 3 октября 1722 г. с целью перезимовать.

Пятый период начался 8 мая 1723 г. и закончился 19 декабря 1723 г. Отплыв из Красноярска по Енисею, через г. Енисейск экспедиция проследовала по Подкаменной Тунгуске до Троицкого монастыря на Нижней Тунгуске, до Туруханска (Новой Мангазеи, 16–24 июня 1723 г.), по р. Нижняя Тунгуска поднялась до ее верховьев, затем отправилась по Лене в Верхолениск, затем в Иркутск, куда прибыла 19 декабря 1723 г. Пятый период отражает второй том дневника Д. Г. Мессершмидта, начатый 1 января (Красноярск) и заверченный 31 декабря 1723 г. (Иркутск) [Там же, д. 2. 307 л.], а также начальные листы третьего тома, начатого 1 января 1724 г. в Иркутске и законченного 31 декабря 1724 г. в Читинском остроге [Там же, д. 3. 364 л.].

Шестой период начался отъездом из Иркутска 29 февраля 1724 г. с целью обследовать окрестности оз. Байкал и Забайкалье: экспедиция через Байкал добралась до устья Селенги, посетила Ильинский острог, Селенгинск (13–24 марта 1724), где Д. Г. Мессершмидт встретился с возвращавшимся из Китая с посольством Л. Лангом, Удинск (ныне Улан-Удэ, 26 марта – 7 мая), Читинск (Читинский острог) (24–26 июня), р. Ингода, городище на р. Шилке, Нерчинск (22 июля–12 августа). Затем через Аргун-

¹¹ Подробнее см. Гл. II, 2.1.

¹² Подробнее см. Гл. II, 2.2–2.3.

¹³ Подробнее см. Гл. II, 2.4.

ские степи и Аргунский серебряный завод экспедиция проследовала к оз. Далайнор на границе Восточной Даурии (Внутренняя Монголия в северо-восточной части Китая), обследовала рр. Онон и Ингода, затем остановилась на зиму в Читинском остроге (10 ноября 1724 г. – 24 февраля 1725 г.), откуда двинулась в Западную Даурию, обследовала течение р. Уды, где в Удинске 11 марта 1725 г. завершился шестой период путешествия. Здесь Мессершмидт получил указ И. Д. Блюментроста от 31 августа 1724 г., со ссылкой на более ранний указ от 3 декабря 1723 г., с требованием немедленного возвращения в Петербург. К этому времени он три года (sic!) не получал жалованье — за 1723–1725 гг. [Новлянская, 1970, с. 109, 110].

Этот период отражен на страницах третьего тома дневника, а также частично четвертого тома, начатого 1 января 1725 г. в Читинском остроге и законченного 31 декабря 1725 г. в Самарове-Яме [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 4. 326 л.].

Седьмой период начался 27 марта 1725 г. отъездом экспедиции из Удинска. Д. Г. Мессершмидт доехал до Посольского монастыря, на санях пересек оз. Байкал, добрался до Никольской заставы, откуда водой по Ангаре доплыл до Иркутска (15 апреля – 23 июня 1725 г.). Здесь ему наконец-то было выплачено жалованье за 1723–1724 гг. в сумме 1000 руб. (за вычетом налога — 10 руб. «на госпиталь»). В Иркутске он подробно описал свой экспедиционный багаж с собранными коллекциями, который составил сорок чемоданов и ящиков весом свыше 158 пудов (около 2,6 тонны) [Messerschmidt, 1968, S. 105–117; Новлянская, 1970, с. 116, 130; Heesen, 2000, p. 381]. 23 июня Д. Г. Мессершмидт выехал из Иркутска водным путем с целью провести географическое описание бассейна Ангары и Верхней Тунгуски (от устья Илим до Енисея) и добрался до Енисейска (14 июля–16 августа 1725 г.), где получил жалованье за 1725 год в полном объеме [Новлянская, 1970, с. 122]. Здесь Д. Г. Мессершмидт встретился с направлявшимися в Первую Камчатскую экспедицию капитаном В. Берингом и лейтенантом М. П. Шпанбергом. По совету В. Беринга, выразившего опасение, что путешественник может лишиться всех коллекций, полевых дневников и других материалов по решению Аптекарской канцелярии [Messerschmidt, 1968, S. 192–193; Новлянская, 1970, с. 129–130], Д. Г. Мессершмидт скопировал всю полевую документацию, официальную переписку и другие материалы экспедиции, благодаря чему они дошли до наших дней.

Доехав до Маковского острога на р. Кеть, путешественник перегрузил багаж на струг и поплыл вниз по течению реки до Лосиногорского монастыря (27 августа – 8 сентября 1725 г.), откуда добрался до Нарыма (22–24 сентября), затем по Оби до Сургута и далее. Седьмой период закончился 10 ноября 1725 г., когда он выехал из деревни Зенково и прибыл в Самаров-Ям (ныне Ханты-Мансийск) на правом берегу Иртыша, где зимой приводил в порядок коллекции, предназначенные для сдачи в Медицинскую канцелярию. Этот период отражен в четвертом томе дневника.

Начало *восьмого периода* датируется отъездом Д. Г. Мессершмидта из Самарова-Яма 17 февраля 1726 г. в связи с категорическим требованием И. Д. Блюментроста сибирским властям выслать его в Тобольск, а затем в Петербург. С 14 подводами он проехал через Суботины юрты и прибыл в Тобольск 27 февраля 1726 г., где его багаж был подвергнут таможенному досмотру, обложен пошлиной и опечатан, а сам ученый «выслан» из Сибири в Москву под конвоем из двух солдат [Новлянская, 1970, с. 140, 141]. 22 марта 1726 г. Д. Г. Мессершмидт выехал из Тобольска. Его обратный путь лежал через Тюмень, Туринск, Благовещенскую слободу, Верхотурье, Лайла-Караульный завод, Верх-Усолье, Соликамск (12 апреля – 14 декабря 1726 г.), Новое Усолье, опять Соликамск, Хлынов (Вятка, ныне Киров, 31 декабря 1726 г. – 5 января 1727 г.) на реке Вятке,

Нижний Новгород, Муром, Владимир и 31 января 1727 г. въехал в Москву¹⁴. Этой датой заканчивается восьмой период путешествия. Его отражает пятый том дневника, начатый 1 января в Самарове-Яме и заканчивающийся 31 декабря 1726 г. в Хлынове на реке Вятка [Там же, д. 5, 375 л.]

Девятый период начинается выездом из древней столицы 8 марта 1727 г. через Тверь, Иверский монастырь, Великий Новгород и заканчивается 27 марта 1727 г. въездом в Санкт-Петербург, к царской резиденции в устье Невы.

ГЛАВА II. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ЭКСПЕДИЦИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА (15 НОЯБРЯ 1718 – 26 МАЯ 1721 ГГ.): НОВЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

2.1. Санкт-Петербург — Москва (1718–1719)

Со времен П. П. Пекарского задачи экспедиции Д. Г. Мессершмидта изначально трактовались как проведение комплексных междисциплинарных исследований по изучению географии, натуральной истории, медицины, лекарственных растений, эпидемических болезней, описанию сибирских народов и филологии, памятников и древностей и «вообще всего достопримечательного» [Пекарский, 1862, с. 351; Вернадский, 2002, с. 281]. В дальнейшем это утверждение превратилось в историографический штамп и кочует из одной работы в другую вплоть до сегодняшнего дня [Андреев, 1965, с. 39; Шипилов, 2009, с. 64]. Между тем царский указ от 15 ноября 1718 г. ограничивал задачи экспедиции исключительно медицинскими целями. Он предписывал «доктора Мессершмидта послать в Сибирь для изыскания всяких раритетов и аптекарских вещей, трав, цветов, корения и семян и протчих принадлежащих статей в лекарственные составы; избирая, присылать в Санкт-Петербург Бурх в Главнейшую обтеку; и для той посылки на сей 1718 год в оклад ево пять сот рублей; другую половину, двести пятьдесят рублей, а буде не дано, выдать ему из Санкт-Петербургской Аптекарской канцелярии, записав в расход с роспискою. А впредь оной оклад пять сот рублей дават ему от Сибирской губернии, покамест он тамо будет обретатца, зачитая вычетные за медикамент денги, которые положены присылат с той губернии в Аптекарскую канцелярию, и о том Сибирской губернии к губернатору князю Матфею Петровичу Гагарину послать письмо» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 2].

Жалованье Д. Г. Мессершмидту в размере 750 руб. за 1718 г. и первую половину 1719 г. в полном объеме выплатила Аптекарская канцелярия [Там же, л. 2 об.], а во время нахождения в Сибири с 1720 г. оно должно было выплачиваться за счет средств Сибирской губ., перечислявшихся на медикаменты в общегосударственную казну. Лейб-медик Р. К. Арескин 18 ноября 1718 г. написал письмо сибирскому губернатору М. П. Гагарину с объяснением источников финансирования экспедиции в соответствии с указом Петра I и предписал предоставлять путешественнику подвод и прогонные деньги [Там же, л. 2 об.].

Уже после смерти Р. К. Арескина ближний стольник царя кн. А. М. Черкасский, через три месяца (29 мая 1719 г.) назначенный сибирским губернатором, в феврале 1719 г. разъяснял обер-коменданту Тобольска С. П. Карпову, что из Канцелярии Сибирской губ. в Москве путешественнику следует выдать на шесть ямских подвод от Санкт-Петербурга до Москвы «по два рубли по дватцати по два алтына по две денги на подводу; итого шестнадцать рублей четыре денги», 250 руб. жалованья за вторую поло-

¹⁴ П. П. Пекарский [1862, с. 359] называет неверный год возвращения Д. Г. Мессершмидта в Москву и Петербург — 1726 г.

вину 1719 г. и 250 руб. «на тоlikое ж число ямских подвод от Москвы до городов Сибирской губернии». С 1720 г. жалованье Д. Г. Мессершмидту предписывалось выдавать из средств Сибирской губ., «сколко он будет в Сибирской губернии, и во всем чинить по сему Великого государя указу» [Там же, л. 2 об.–3 об.].

Распоряжением петербургского комиссара Мисярёва сопровождать путешественника из Петербурга в Сибирь должны были прикомандированные «от камисарства» солдаты («тоболского гварнизона драгуны») Яков Невотчиков и Алексей Вершинин, использовавшиеся «для караулу и посылок», причем предписывалось «оних солдат по учрежденному трактату господам губернатором, вице-губернатором, лантратом, лантрихтером, обо камендантом, и камендантом, и прочим, команду имеющим, судьям, а на заставах заставщиком, от Санкт Питербурха до городов Сибирской губернии пропускать и задержания нигде им не чинить» [Там же, л. 3 об.].

Заняв шесть ямских подвод вещами и книгами, 1 марта 1719 г. Д. Г. Мессершмидт «зимним путем», на санях выехал из Санкт-Петербурга от царской резиденции в устье Невы, проследовал через Новгород Великий, Валдайские горы, Иверский монастырь, слободу Вышний Волочок, Торжок, Никольский монастырь, Тверь, Клин и доехал до Москвы 21 марта [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22, л. 16–16 об.]. В мае 1719 г. он обратился к кн. А. М. Черкасскому с просьбой выделить еще шесть подвод для путешествия в Сибирь «летнею порою» и «чтоб в подорожной с Москвы имянно написано б было, и чтоб ехать мне в Сибирь чрез городов Вятка и Кунгур, понеже в тех местах во управлении моем дела имею»; далее он потребовал, чтобы в подорожной было написано, что «ехать мне от Кунгура в Тоболску чрез которых городех и места, где исправлением моим надобно будет» и просил выдать жалованье своим спутникам-солдатам, которые не получили жалованье за 1719 г., «дабы они для скудости своей туне не приняли» [Там же, д. 32, л. 3 об.–4]. Пребывание в Москве затянулось, хлопоты Д. Г. Мессершмидта об увеличении количества подвод и числа охраны ни к чему не привели.

Согласно перечню корреспонденции самого Д. Г. Мессершмидта, из Москвы он отправил три первых рапорта в Аптекарскую канцелярию (13 апреля, 26 июня, 20 августа 1719 г.) и в ответ получил две инструкции от начальства: первая, подписанная в Санкт-Петербурге 16 июля 1719 г., застала его еще в Москве 24 июля; вторая от 24 сентября и указ от 30 сентября 1719 г. с копией второй инструкции настигли путешественника уже в Тобольске 26 декабря 1719 г. [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22, л. 7]. Ему разрешили выехать в Тобольск в свите посольства, направлявшегося в Китай во главе с Л. В. Измайловым, поэтому его желание попасть в Кунгур в Среднем Предуралье не осуществилось. В одном из рапортов Д. Г. Мессершмидт высказал свою заинтересованность в посещении малоизвестного европейцам Китая в составе посольства. Дело в том, что в ходе подготовки к поездке в Сибирь и во время совместного путешествия с посольством доктор сблизился с шведским инженером, дипломатом и торговым агентом Лоренцом Лангом (Ланге; Lange; ок. 1690–1752), с 1712 г. находившемся на русской службе, который заразил доктора увлекательными рассказами о Китае [Lange, 1986].

Судя по документам, Д. Г. Мессершмидт отличался прижимистостью в расходовании средств и считал каждую потраченную копейку. Еще во время пути из Петербурга в Москву Д. Г. Мессершмидт израсходовал на содержание сопровождавших его солдат 4 руб. собственных денег. Ранее, 1 апреля 1719 г. он просил Аптекарскую канцелярию компенсировать расходы на содержание прикомандированных драгун, выделить еще 6 подвод и послать вместе с ним «для приключаящихся нужд и для переводу языка из лекарских учеников одного человека доброго и при нем лекарства, которой бы мог знать по латыне и по русски, ... да салдат для охранения с порохом и пули 8 чело-

век» [Там же, л. 4 об.]. Сохранилась расписка упомянутых двух солдат, сделанная в Москве, в получении от «господина дохтора» 4 руб. от 28 апреля 1719 г. «на пропитание до Tobol'ska» с их обязательством по прибытии в Tobol'sk ему «денги все отдать сполна» [Там же, л. 4 об.].

Выехав 5 сентября 1718 г. из Москвы, посольство Л. В. Измайлова в Китай следовало на стругах¹⁵ по Москве реке через Коломну, затем по Оке до Нижнего Новгорода, затем по Волге до Казани. 6 ноября посольство на санях покинуло Казань, проследовав через Хлынов (Вятка, ныне Киров), Соликамск, Туринск, Тюмень на Tobol'sk [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 27, л. 1; Новлянская, 1970, с. 11; Ширина, 1983, с. 7].

2.2. Tobol'sk (24 декабря 1719 г. – 25 июня 1720 г.)

Д. Г. Мессершмидт прибыл в Tobol'sk 24 декабря 1719 г. и прожил здесь год и три месяца. Его просьба о прикомандировании к посольству в Китай была отвергнута — ему следовало заниматься исключительно изучением даров природы Сибири «из царства животного, растительного или минерального», а не «чужих владений», о чем ему сообщил И. Д. Блюментрост в письме от 24 сентября 1719 г. Д. Г. Мессершмидт записал, что по сравнению с царским указом, касавшимся исключительно ботаники и медицины, «увеличено задание добавлением еще двух царств природы — животного и минерального, но без повышения оклада» [Новлянская, 1970, с. 11, 13].

26 декабря 1719 г. уже в Tobol'ske сибирский губернатор кн. А. М. Черкасский, ссылаясь на письмо архиатра и президента Аптекарской канцелярии И. Д. Блюментроста от 19 сентября 1719 г., предписал tobol'sкому обер-коменданту С. П. Карпову своевременно выполнять все требования Д. Г. Мессершмидта, посланного «в сибирские города для искания всяких куриоситетов и лекарственных вещей» — предоставлять подводы, людей, и «протчего, что нужно, дабы б ему в том остановки и задержания не было», с требованием послать соответствующий указ на места [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 5].

13 января 1720 г. Д. Г. Мессершмидт обратился к tobol'sкому ландрату¹⁶ В. П. Грекову с просьбой о выплате драгунам Я. Невотчикову и А. Вершинину, состоящим при нем в Tobol'ske, жалованья и провианта за весь 1719 г., 27 января 1720 г. — о выдаче 8 саженьей¹⁷ дров, 30 января — еще 8 саженьей дров и 4-х ведер «вина двойного»¹⁸, 8 марта — уже 12 саженьей дров, т. к. «велено мне давать, чего потребую» [Там же, л. 5 об., 7]. В деле представлены копии расписок самого Д. Г. Мессершмидта от 20 января 1720 г. о получении им в Tobol'sкой губернской канцелярии 500 руб. жалованья за 1720 год, от 30 января 1720 г. о выдаче ему четырех ведер вина «для людей, которые ко мне приходят и репортуют ради изыскания всяких вещей, и на всякой Его Императорского Величества протчих обиход», от

¹⁵ Струг (Strook) — русское речное и озерное плоскодонное парусно-гребное судно с одинаково острыми носом и кормой (длина до 45 м, ширина 4–10 м, 6–20 весел, прямоугольный парус), которое было приспособлено для перевозки людей и грузов, зачастую использовавшееся для поездок знатных лиц. Пассажиры имели чердаки — небольшие каюты для проживания путешественников.

¹⁶ Ландрат — в России в 1713–1719 гг. советник от дворян уезда при губернаторе.

¹⁷ Сажень дров — свыше 8 куб. м, или поленица размерами 2,134 м в ширину, высоту и длину.

¹⁸ Под «двойным вином» подразумевается водка, нужная для налаживания контактов с местным населением и получения от них информации о раритетах, а также спирт, использовавшийся для препарирования и хранения естественнонаучных коллекций. Они готовились из вина «виноградного, хлебного или горячего» и других жидкостей через двойное или тройное (получение дистиллята в два или три раза меньше перегоняемого объема) в перегонном кубе на умеренном огне. В словаре Российской академии 1789 г. термин «водка» определяется как «горячее вино, очищенное от посторонних частиц, с помощью перегонки или двоения» [Словарь, 1787, с. 369; Словарь, 1789, с. 802].

1 февраля 1720 г. о получении «дров две сажени сосновых да шесть березовых на квартиру», от 12 марта — еще 9 саженой сосновых и 3 сажени березовых дров [Там же, л. 5 об., 7, 8 об., 9].

Как врач, в феврале–июне 1720 г. Д. Г. Мессершмидт был привлечен тобольским ландратом В. П. Грековым к медицинскому осмотру рекрут набора 1719–1720 гг. — дворянских, казачьих, солдатских, архиерейских и боярских детей и «гулящих людей» из Тобольска, различных заводов, слобод, монастырей из разных уездов Тобольской губ. с просьбой «оных людей болезни освидетельствовать» для отправки годных «в полевую службу или в гарнизон», а сведения о годных и негодных представить сибирскому губернатору кн. А. М. Черкасскому. Осмотр производился в присутствии подполковника тобольского гарнизона Сницкера. В июне 1720 г. Д. Г. Мессершмидт освидетельствовал солдата Орловского полка, страдавшего «падучей болезнью». Сохранились списки призывников с диагнозами и заключениями доктора медицины [Там же, л. 7–8, 8 об.–9, 10–11, 14–16, 17, 19 об., 20].

22 марта 1720 г. Д. Г. Мессершмидт сообщил обер-коменданту Тобольска С. П. Карпову о своем намерении совершить поездку водой в Тару и Томск, «коль скоро вода располитца», в надежде на содействие «мой путь ускорити», для чего просил выделить в помощники двух шведских пленных — капитана И. А. Матерна и лейтенанта Я. Шенинга [Новлянская, 1966, с. 33; 1970, с. 14–15], первого, «кто бы аптечное художество разумел и во всяких прилучаях при мне бы был», второго, который бы «в знамение и рисовании искусен и во всяких вещех поспешен и удобен, которые вещи прилучатца, сняти и написать, тем же б Его Царскому Величеству, во оной уверенной мне посылке потребно услужити могли». Помимо двух драгун, следовавших с ним из Петербурга и ставших уже обученными денщиками [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 12 об.], Д. Г. Мессершмидт просил выделить еще двух человек для охраны — драгуна Андрея Невгина (Невинга) и конного казака Андрея Курятникова. «Понеже все лето в пути пребуду, того ради струг требую, которой тако б устроить самому по отправлению работы моя, ко полой воде изготовить». Для сухопутных передвижений он просил «езде без задержания... подводы давать», а для «обороны и провождения в слободах, тамошних служилых людей желаю». На непредвиденные разные расходы доктор просил выделить 50 руб., а также необходимое экспедиционное оборудование и инструменты. «Ко удержанию росходу некия части описую, которые в казне обретаются..., другия же, которые не обрещутся в казне, вскорости приготовлены были: 1) шесть юфтей кож; 2) сто аршин парусного холста; 3) четыре стопы хорошей писчей бумаги; 4) четыре стопы серой бумаги болшей руки; 5) шесть фунтов белой слюды; 6) десеть фунтов воску; 7) четыре фунта медной проволоки; 8) десеть фунтов стальной проволоки; 9) две железные лопатки; 10) две железные копорули ¹⁹; 11) един железной лом; 12) медной котел в четыре ведра; 13) прогонной куб в полтора или в два ведра с крышкой и с трубами; 14) две треноги; 15) сто листов белого железа; 16) четыре ведра двойного вина». Он также просил ему и его спутникам «в Таре или в Томску такой указ предложить, чтоб по пришествии годового строку Его Царского Величества определенное мне жалованье и с людьми давать», выдать своим спутникам на отъезд остаточное месячное жалованье. «Понеже трем драгуном четыре года мундиру не давано и то требно, чтоб к службе для тяжкого дального пути мундир им выдать» [Там же, л. 9–10; Пекарский, 1862, с. 352].

Не дождавшись положительного ответа, вернее, получив отказ о прикомандировании двух пленных шведов со ссылкой на ожидаемый визит вице-губернатора А. К. Петрово-Соловово в Тобольск и необходимость обратиться непосредственно

¹⁹ Копоруля — мотыга.

к губернатору, 12 апреля 1720 г. Д. Г. Мессершмидт написал сибирскому губернатору кн. А. М. Черкасскому, а 30 апреля, 16 мая и 7 июня 1720 г. — напрямую к императору Петру I, с объяснениями причин задержки в пути и жалобами, что его «служба медлится». Доктор сетовал на произвол и волокиту чиновников, что он «с 12 апреля повседневно мое отправление ожидал», но лейб-гвардии майор Лихарёв, присланный для следствия о злоупотреблениях опального губернатора кн. М. П. Гагарина и для похода на озеро Зайсан, без согласования с Д. Г. Мессершмидтом отнял у него двух денщиков, сопровождавших его из Петербурга, и прикомандировал к путешественнику двух других. Они были приставлены наблюдать за изготовлением плотниками, присланными из Тобольской канцелярии, нового струга, взамен реквизированного майором и выбранного самим путешественником первого струга. Присланный Лихарёвым поручик А. С. Глотов «бил их, денщиков, своими руками палкою, и... велел их бить четверем человеком, положа палками, нещадно, и плотников отнял». Только 14 мая для строительства нового струга были присланы новые плотники [Там же, л. 11 об.–14, 17, 18 об.]. В третьей челобитной царю он просил в помощники двух пленных офицеров, т. к. «из русских таковых людей не обрел». «Путь мой по реке Исете и до Кунгуру..., чтобы мне к далнему пути таких удобных людей прислать. Еще же которые припасы и материалы отселе, ис канцелярии, взяты, чтоб их назад принять, понеже оных без таковых людей употреблять и ползоватися ими невозможно...; по сем желаю, дабы немецкого рождения двух малых к себе взять, которые никогда в шведской службе не бывали. Аще и такового удобного дела с ними отправит не могу, но без задержания бы мне отселе по указу отправитца», поэтому просил «оных вышеозначенных малых отродия немецкого для отправления пути приказать дать...» [Там же, л. 17–18 об.; Пекарский, 1862, с. 352–353].

Речь идет о малолетних воспитанниках существовавшей в 1712–1721 гг. в Тобольске школе пленных шведов под руководством немца *Курта Фридриха фон Врееха* (Wreech Curt Friedrich von; 1650–1724), капитана Альбедильского драгунского полка шведской армии, взятого в плен под Полтавой [Пекарский, 1862, с. 133–134; А. Ш., 1857; Winter, 1953, S. 303–312]. О школе европейского образца в далеком сибирском Тобольске²⁰, строившейся на принципах пиетизма, с начала 1720 г. было известно Петру I, который обещал свое покровительство полезному делу. 6 июня 1721 г. школу посетил кн. А. М. Черкасский, когда в ней насчитывалось 73 ученика (русские, украинские, немецкие, шведские дети, монгол, тунгус, как мальчики, так и девочки). К. Ф. Вреех с 1713 г. вплоть до смерти адресата состоял в переписке с профессором университета в Галле А. Г. Франке²¹, по методике которого велось преподавание в Тобольской школе на немецком языке, получал из Галле книги и денежные пожертвования. Школа стала идейным и религиозным центром пиетизма для немецкой и шведской диаспоры в Сибири [Vermeulen, 2015, p. 108–110].

Преподавателем школы К. Ф. Врееха, не получавшим вознаграждения, являлся пленный шведский капитан Ф. И. Табберт, вынужденно живший в Тобольске с 1711 г. В области науки самоучка, он по собственной инициативе занялся изучением Сибири — ее географией, картографией, историей, археологией, этнографией, языками и пр. [Jarosch, 1966; Новлянская, 1966, с. 14, 29–32; 1970, с. 21–22]. В ходе Северной войны русской армией было захвачено более 16 тыс. человек пленных, большей частью сосланных в Сибирь и на Урал, в том числе в Тобольск, Соликамск, на казенные (Уктус-

²⁰ В Тобольск, насчитывавший до 13 тыс. жителей, было сослано около 1000 пленных шведских офицеров, из них 800 чел. не имели средств к существованию [Новлянская, 1966, с. 8, 9, 10].

²¹ Перечень писем см.: URL: <http://192.124.243.55/cgi-bin/gkdb.pl>.

ский и Алапаевский) и Демидовские заводы. Пленные шведы пользовались относительной свободой, работали на горных и железоделательных заводах, занимались мелкой торговлей, ремеслом, заводили шинки и пр. [Шебалдина, 2005]. С целью занять свое время шведы изучали Тобольский регион, путешествовали по землям калмыков, остяков (хантов) и татар [Winter, 1853, S. 314; Новлянская, 1966, с. 5, 14]. Находившийся вдалеке от цивилизации Д. Г. Мессершмидт нашел отдушину в общении с ними, получая от ссыльных важную научную информацию, и, в свою очередь, мог делиться с пленниками наблюдениями и сообщать им о собственных открытиях [Пекарский, 1862, с. 353; Катанов, 1903; Новлянская, 1970, с. 21]. К. Ф. Врееха, Ф. И. Табберта и Д. Г. Мессершмидта объединяли подлинное религиозное чувство и искренняя дружба, выражавшаяся не только в общении, но и в конкретной действенной помощи пленников руководителю экспедиции.

Именно поэтому доктор добился у властей прикомандирования в состав экспедиции ссыльных Ф. И. Табберта, К. Г. Шульмана и Д. Капелла. Известно, что отправленный Д. Г. Мессершмидтом с IV-м рапортом (25 июня 1720 г.) в Санкт-Петербург немецкий перевод рукописи Абу-л-Гази «Родословная тюрок» («Родословное древо тюрок») [Abulgasi, 1780] был получен им от Ф. И. Табберта, который «у бухарцев» в Тобольске сумел добыть эту рукопись, организовал ее перевод с татарского на русский и сам перевел ее с русского на немецкий язык [Пекарский, 1862, с. 359; Новлянская, 1966, с. 32, 33; История, 1990, с. 48]. О плодотворных контактах Ф. И. Табберта с купцами из Бухары свидетельствуют сохранившиеся в фонде Д. Г. Мессершмидта копии карт Персии, Хивы, Бухары, Каспийского моря Адама Олеария (1647), планы городов Бухары и Туркестана [Гнучева, 1940, с. 26–27; Новлянская, 1970, с. 177] и пр.

Школа К. Ф. Врееха прекратила существование в конце ноября 1721 г. после заключения Ништадтского мира и возвращения пленников на родину: 22 января 1722 г. все пленные, не пожелавшие остаться в России, покинули Тобольск [Черказьянова, 2001, с. 156, 157, 160, 165]. В начале 1722 г. Д. Г. Мессершмидт получил указ о необходимости отправки шведов — Ф. И. Табберта и К. Г. Шульмана, прикомандированных к экспедиции, на родину. Но из чувства долга перед путешественником, остающимся в научной и духовной изоляции, лишь четыре месяца спустя, 28 мая 1722 г. Ф. И. Табберт и К. Г. Шульман покинули Д. Г. Мессершмидта, забрав с собой его письменные инструкции, письма и часть коллекций для доставки в Санкт-Петербург²² [Messerschmidt, 1962, S. 224; Мессершмидт, 2012, с. 72].

Из записей Д. Г. Мессершмидта следует, что он обратил внимание на памятники археологии во время пребывания в Тобольске, возможно, не без влияния Ф. И. Табберта и его информаторов в различных уголках Урала и Сибири. Доктор использовал пленных шведов, в том числе и для проведения археологических раскопок и разведок и закупки древностей у местного населения [Пекарский, 1862, с. 356].

В письмах к губернатору А. М. Черкасскому 27 мая и 7 июня 1720 г. с просьбой о помощи в исследованиях Д. Г. Мессершмидт, ссылаясь на царский указ и мемориал И. Д. Блюментроста, впервые упомянул необходимость осмотра («во оглядания взятии») палеонтологических, археологических, этнографических памятников и образцов древней письменности местных народов с целью их графической фиксации и отправки в Санкт-Петербург с соответствующей ведомостью. Он подчеркивал, что ему необходимо «определено купно з другими моими посылками, тако же оныя и другия любопытности, которые в Сибирской губернии обрящутся, во оглядание взяти..., аще что тому

²² Сведения об обратном пути Ф. И. Табберта, отправленные К. Ф. Врееху в июле 1723 г., см.: Winter, 1953, S. 467–472.

подобных, к древности принадлежащих, вещи, якобы языческие шейтаны, великия мамантовы кости, древния калмыцкия и татарския письма и их праотческия писмена, также каменные и кружечныя могилныя образы и устройства тем же, аз оныя по обретении списал и рисунок прислать могу» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 16–16 об., 18 об.].

Перед самым отъездом доктора на Урал, 25 июня 1720 г. подъячий Г. Андреянов в Тобольске распорядился принять от доктора Д. Г. Мессершмидта «за печатью ящик» и запечатанное письмо для отправки в Санкт-Петербург [Там же, л. 20]. Речь идет об отправке IV-го рапорта в Аптекарскую канцелярию с рядом приложений. Рапорт содержал отчет о проделанной путешественником работе после отъезда из Москвы и планом будущих исследований, который значительно расширил первоначальные задачи экспедиции. Д. Г. Мессершмидт намеревался провести исследования в области географии, истории, этнографии и языков народов Сибири, подробно описать и зарисовать наиболее интересные минералы, растения, животных, памятники древности, собрать гербарий и коллекции артефактов, изготовить чучела и др. [Новлянская, 1970, с. 16–17].

IV-й рапорт в Медицинскую канцелярию был направлен Д. Г. Мессершмидтом после полугодового пребывания в Тобольске. Как свидетельствуют записи самого доктора, работу над ним он начал еще 26 декабря 1719 г. [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 21, л. 102–108; д. 22, л. 7]. Рапорт включал ряд объемных приложений, в том числе ежедневные (с 1 февраля по 25 июня 1720 г.) метеорологические наблюдения в Тобольске «*Ephemerides Baroscopicae*» [Там же, д. 20, л. 1–24 об.], очерк естественной истории «*Specimen Historiae Naturalis*» с описанием растений, собранных в окрестностях Москвы и Тобольска [Там же, д. 20, л. 26–31], географический очерк «*Specimen Geographicum*» [Там же, д. 20, л. 32–332 об.] с приложением карты путешествия от Москвы до Тобольска — «*Reise-Carte der gehaltenen Route von Moscow bis zur Siberischen Hauptstadt Tobolskoë und wass auf selbigen etwan nechstens zur Seiten lieget, entworfen in Tabolskoe A.R.S. MDCCXX*» [Там же, оп. 2, д. 1, размер 41x76 см], «Карты истинного положения Сибирской земли с возможно точным обозначением высоты полюса (широты) наиболее значительных городов, равно как и таких пунктов и мест, где по достоверным сведениям, находятся различные естественные богатства и куда в будущем можно было бы отправиться в дальнейшее путешествие» [Там же, оп. 1, д. 20, л. 32 об.–33; д. 36; Новлянская, 1970, с. 19, 174], таблицы градусов широты сибирских пунктов «*Latitudines Locorum in Sibiriae Regno insigniorum*» [Там же, д. 20, л. 36–37 об.], раскрашенные рисунки растений и птиц [Там же, д. 20, л. 38–45], два рисунка костей мамонта, выполненных в Тобольске в 1720 г. военнопленным Христианом Шмидтом [Там же, д. 20, л. 46–47], чертеж скалистого лабиринта в окрестностях города Кунгур «*Specimen Antiquarium et Subterraneum oder Abriß eines unweit der Stadt Kangur befindlichen felßigen Labyrinthes*» [Там же, д. 20, л. 49, 53 об.–54 — копия чертежа С. У. Ремезова²³], объяснения таблиц с рисунками артефактов, в том числе западноевропейских средневековых водолеев [Там же, д. 20, л. 50–52 об.], арабский календарь, копии некоторых неизвестных иероглифических знаков «*Specimen Philologicum Orientis Hyperborei oder Abschrift einiger unbekandten Hieroglyphischen Characteren*» [титульный лист и рисунки опубл.: Brentjes, 1998, Abb. 1–5] и др.

²³ Д. А. Ширина ошибается, утверждая, что Д. Г. Мессершмидт сделал описание и чертеж Кунгурской пещеры [Ширина, 1983, с. 10] — и то, и другое сам он сделать не мог, т. к. до Кунгура не доехал. Информацию об этом объекте он мог получить только от сотрудников Берг-коллегии — В. Н. Татищева и И. Ф. Блюера, скорее всего полученную через посредство Ф. И. Табберта.

По мнению М. Г. Новлянской, Д. Г. Мессершмидт изменил свой план исследований в надежде дожидаться указа властей о безоговорочной помощи ему и выделении помощников, поэтому отказался от первоначального намерения ехать в Томск и принял поездку по рекам Тоболу и Исети [Новлянская, 1970, с. 16]. На мой взгляд, изменение плана могло быть связано с другим — возможностью встречи с присланными Берг-коллегией на Урал В. Н. Татищевым и И. Ф. Блюером, поэтому его путь лежал на казенные горные и металлургические заводы Предуралья. Этой поездке в биографии Д. Г. Мессершмидта М. Г. Новлянской уделен один маленький абзац [Новлянская, 1970, с. 18–19], поэтому попытаемся по имеющимся документам показать ее важность для науки и для дальнейшей судьбы самого Д. Г. Мессершмидта.

2.3. Урал (26 июня – 30 декабря 1720 г.)

Указом 10 декабря 1719 г. все казенные заводы Урала, за исключением Каменского, были подчинены создаваемой Берг-коллегии для «ведения в оном деле о рудах и минералах» под президентством Я. В. Брюса [ПСЗРИ. Т. 5. № 3464]. Каменская слобода и завод Каменского дистрикта Тобольской провинции Сибирской губ. остался в ведении Сибирской губернской канцелярии в Тобольске. Управляли заводом земские комиссары, назначаемые губернской администрацией, Каменским — И. С. Мусин-Пушкин.

14 января 1720 г. президент Берг-коллегии Я. В. Брюс предложил направить в Сибирь для строительства заводов капитан-поручика артиллерии *Василия Никитича Татищева* (1686–1750) и бергмейстера *Иоганна Фридриха (Ивана Ивановича, Ивана Федоровича) Блюера* (Блеэр, Блиер, Блюэр; Bleyer; Blüher; 1674 – не ранее 1731). Уже 9 марта 1720 г. Петр I повелел В. Н. Татищеву: «в Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные рудные места построить заводы и из руд серебро и медь плавить, и для того тебе туда ехать с Берг-мейстером Блиэром, да с ним брег-шрейберу Ивану Патрушеву, да с Олонца штейгеру Гаврилу Штейнфельту и с ним двум человекам русским ученикам...» [Иванов, 1900, с. 31, приложение 2]. В. Н. Татищев, И. Ф. Блюер и сопровождавшие их лица отправились из Москвы в конце мая 1720 г. и прибыли в Кунгур 30 или 31 июля 1730 г. [Попов, 1861, с. 35; Юхт, 1985, с. 49–50]. В Кунгуре В. Н. Татищев, отвечавший за административно-финансовую сторону реализации поручения Берг-коллегии, открыл Горную канцелярию, благодаря чему город стал центром горнозаводского округа. И. Ф. Блюер осуществлял техническое руководство горнозаводскими работами (поиск, добыча, плавка руд) [Юхт, 1985, с. 47, 47].

Как известно, весной 1717 г. В. Н. Татищев был послан в Гданьск и Торунь, где он занимался вопросами обеспечения материальной части полковой артиллерии и обмундирования двух пехотных дивизий, и одновременно выполнял частные поручения Я. В. Брюса (закупка лимонных и апельсиновых растений, семян, вина, скульптур, книг для библиотеки патрона и для собственного книжного собрания) [Юхт, 1985, с. 46]. Именно из Данцига отправлено большинство его писем Я. В. Брюсу, из которых следует, что офицер провел в Померании четыре месяца (21 мая–27 сентября 1717 г.) [Татищев, 1990, с. 36–44]. Любопытный русский офицер наверняка не упустил возможность ознакомиться с прославленным Кабинетом натуралий И. Ф. Брейна, где он мог мельком видеть и Д. Г. Мессершмидта, с которым судьба его сведет уже в Сибири.

Отправленный на Урал с В. Н. Татищевым саксонский пробирный мастер И. Ф. Блюер, один из авторов проекта перестройки горного дела в России и один из создателей Берг-коллегии, приехал в Россию еще в 1699 г. Он являлся специалистом по поискам металлических руд, на протяжении двадцати лет проводил разведку минералов в разных районах России — в центральном и северном крае (Олонецкий край), на Кавказе (1715–1716), хорошо изучил Урал (1713, 1720 и позднее), дважды побывал в Сибири [Юхт, 1985,

с. 47–51]. И. Ф. Блюер мог быть очень полезен Д. Г. Мессершмидту как информатор, тем более что он являлся хорошим знакомым Ф. И. Табберта. Видимо, именно И. Ф. Блюер познакомил Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Табберта с В. Н. Татищевым, который по делам службы посетил сибирского губернатора кн. А. М. Черкасского в Тобольске.

Впервые И. Ф. Блюер мог повстречаться с Д. Г. Мессершмидтом в Санкт-Петербурге или Москве и предоставить ему информацию о природных достопримечательностях Урала и Сибири: в своих просьбах властям еще в Москве Д. Г. Мессершмидт просил выдать ему подорожную от Казани в Тобольск именно через Кунгур, но разрешения на это не получил.

Контакты доктора Д. Г. Мессершмидта с И. Ф. Блюером во время проведения экспедиции 1719–1727 гг. доказывают документы: бергмейстер 23 января 1721 г. расписался в получении от Д. Г. Мессершмидта пакета, адресованного в Санкт-Петербург «президенту медицинского факультета» И. Д. Блюментросту [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 22]. И. Ф. Блюер упомянут в дневнике Д. Г. Мессершмидта в записях от 6–7 сентября 1721 г. [Messerschmidt, 1962, S. 134–135], причем 9 января 1723 г. — вместе с В. Н. Татищевым [Messerschmidt, 1964, S. 5–6]. Позднее, во время командировки в Швецию по приказу Петра I (7 декабря 1724–12 апреля 1726 гг.), вскоре после своего приезда в Стокгольм В. Н. Татищев встретился с вернувшимся на родину Ф. И. Страленбергом (Таббертом) ²⁴ [Winter, 1953, S. 322; Юхт, 1971, с. 322–325]. Э. Винтер предположил, что именно В. Н. Татищев после возвращения Д. Г. Мессершмидта из Данцига в Санкт-Петербург 20 сентября 1731 г. рекомендовал доктора архиепископу Феофану Прокоповичу, который «приглашал его на врачебные консультации, чтобы тот мог зарабатывать себе на жизнь» [Винтер, 1971, с. 11]. К сожалению, подробности их знакомства по имеющимся материалам восстановить невозможно.

Поэтому понятно стремление Д. Г. Мессершмидта ознакомиться с уральскими заводами и встретиться с представителями Горного ведомства В. Н. Татищевым и И. Ф. Блюером, местопребыванием которых стал Кунгур. 11 июня 1720 г. датирована расписка Д. Г. Мессершмидта о получении им 24 мая казенных припасов для поездки в Приуралье: «кож, шесть юфтей; по два рубли юфть; холста сто аршин; по четыре денги аршин; четыре стопы бумаги пищей; по рублю по девяти алтын по три денги стопа. Шесть фунтов слюды; без цены. Дватцать фунтов воску; цена три рубли. Сто листов белого железа; без цены. Два меденика²⁵; да труба медные; без цены. Всего товаров, кроме того, что без цены, на дватцат два рубли на дватцать один алтын две денги» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 19]. 15 июня 1720 г. доктором подписана другая расписка, что по указу кн. А. М. Черкасского ему «отдан» «швецкой пленник хлапец Берент Иоан Шыц», «которой отпущен для искания трав, и на сей его росписке, Беренту, никуда не съехать и не збежать. А куды съедет или збежит, и ему, дохтору, ево, хлапца, сыскивать. А сыскав, явить в Тоболской канцелярии» [Там же, л. 19]. В тот же день 15 июня 1720 г. Д. Г. Мессершмидту была выдана подорожная «от Тоболска до Ялуторовской слободы; и по Тоболным и Исецким островам и слободам; и назад до Тоболска; давать дохтору Даниэлу Готлиб Мессершмитту на судно кормщиков двух, гребцов двенатцать человек. А где прилучитца сухой путь, дават подвод против вышеписанного без прогон (...) Да с ним же, дохтором, отпущен швецкой пленник, Иоан-Берент-Шиц, в котором он, дохтор, в Тоболской канцелярии росписался» [Там же, л. 19–19 об.].

²⁴ В письме к кабинет-секретарю И. А. Черкасову от 18 декабря 1724 г. из Стокгольма В. Н. Татищев писал: «Здесь подполковник Таборт историю сибирскую весьма с довольным обстоятельством совершил и ландкарту вскоре будет печатать» [Письма, 1990, с. 104].

²⁵ Медяник, медяк — медный котел или горшок, в котором грели воду.

26 июня 1720 г. экспедиция отправилась на струге по реке Тоболу до Ялutorовской слободы, где путешественник пробыл с 11 по 18 июля 1720 г. [Там же, д. 22, л. 18 об.—20]. «Здесь [я] оставался [на] несколько дней, чтобы осведомиться о могилах», — записал Д. Г. Мессершмидт [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 27, л. 7]. Видимо, в Ялutorовской слободе проживали бугровщики, обладавшие информацией об окрестных могилах и из-под полы продававшие древности, которые скупал путешественник.

18 июля 1720 г. доктор направился далее по р. Исеть в Исетскую слободу, где трудами В. Н. Татищева с 1723 г. стал работать железоделательный завод (позднее Екатеринбургско-Исетский завод). 2 августа в Исетском остроге Д. Г. Мессершмидт под расписку отдал исетскому крестьянину Ивану Чагину с товарищем использованное казенное судно и другое экспедиционное оборудование для доставки в Тобольск и сдачу под расписку шведу Я. Шенингу — «государев дощеник²⁶, а на нем снастей четыре ноги, один дроп²⁷, две бечевы, одна рвана, парус ветхой; а в нем сундук за печатью; а в нем семдесят листов белого железа²⁸; полкруга воску; проволоки три фунта; пять стоп бумаги без дести²⁹; решетка железная; двои ножницы; две лопатки железны; три трубы; холста; пипка³⁰ каменная ломана, серебром оправлена; два блюдца ценинных³¹; пять торелок ценинных, в том числе две ломаных; труба медная; четыре юфти³²; топор; коробок с мылом.

Два сундучка, а в них шесть жестяных флагов; две кожи в холсте зашиты и запечатаны; сетка птичья; семь оконниц³³ слюдяных; шесть холщевых; шесть сатинов; рогожа³⁴, а в ней всякие травы; две корчаги³⁵, подстав³⁶, сулейка³⁷ ломана; два лагуна³⁸; кадь³⁹; квашня⁴⁰; два ведра; жбанчик⁴¹ три старых, четыре доски тесаных, стул кожаной обит, селница⁴², пятьдесят пуд муки ржаной, и вышписанной скарб отдать ему, Ивану, в Тобольску шведскому пленнику Якову Шениху все сполна, а буде чего не отдаст, и за

²⁶ Дощаник, досчаник — речное перевозное плоскодонное судно с мачтой, или большая плоскодонная лодка, с палубой и полупалубами.

²⁷ Дроп — снасть для подъема паруса.

²⁸ Белое железо — листовое луженое железо для кровель, жесть.

²⁹ Десть (от *перс.* *dāstā* — рука, горсть) — русская единица счета писчей бумаги (1/20 стопы, 1 стопа = 20 дестей), равная 24 листам бумаги. Использовалась до введения метрической дести, равной 50 листам.

³⁰ Пипка (от *фр.* *pipe*) — курительная трубка.

³¹ Ценинный — майоликовый.

³² Юфть — сорт прочной толстой или мягкой кожи, получаемый особой обработкой при выделке шкур крупного рогатого скота, лошадей, свиней. Характеризуется значительной толщиной и водостойкостью, использовалась для изготовления обуви, в том числе сапог. В 1720 г. в Кунгуре были выделаны первые 140 кож, позднее здесь был открыт кожевенный завод, занимавшийся производством юфти. Возможно, юфть Д. Г. Мессершмидт получил из Кунгура от И. Ф. Блюера.

³³ Оконница — оконная рама, окно.

³⁴ Рогожа — грубая упаковочная ткань из мочальных лент.

³⁵ Корчага — большой хозяйственный глиняный горшок.

³⁶ Подстав — подпорка, подставка.

³⁷ Сулейка, уменшит. от сулея — плоская склянка, бутылка с горлышком, фляга для вина или масла, с широким горлом.

³⁸ Лагун — деревянный сосуд для жидкости в форме бочонка.

³⁹ Кадь — кадка, чан, обрубная посуда, в виде обрезка, пересека, полубочья большего объема, где хранили хлеб, крупу, муку.

⁴⁰ Квашня — деревянная кадка, кадушка для теста.

⁴¹ Жбанчик, жбан — высокая обрубная посуда в виде кувшина с навешенной крышкой, ручкой и рожком или носком, использовавшаяся для кваса и браги.

⁴² Сельница — плоско выделенное деревянное корыто для промывки и хранения продуктов или сито для просеивания муки и других хозяйственных нужд.

то на нем, Иване, взять вдвое, да с ним же послано пшенишной муки сусек⁴³ да сундучек за печатью, а в нем часы медные» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 20–20 об.].

Уже в Тобольске Д. Г. Мессершмидт составил расписку на немецком языке о сдаче на хранение, видимо, в Тобольскую губернскую рентерею (казначейство) какой-то археологической находки: «Что согласно указу, предоставленному во время моего путешествия через Исетский (завод) г-ном полевым комиссаром Дунканом, камешек кофейно-коричневого цвета, матовый и обломанный в форме полуовала, который нашел исетский житель в тамошних могилах, и после опрометчивого осмотра неверно высоко оцененный, Его Царскому Величеству в Санкт-Петербург был истребован и на хранение принят, настоящим я свидетельствую собственноручно. Дано в Тобольском 24 февраля 1721 г.» [Там же, л. 26; перевод с нем. Л. Д. Бондарь].

2 августа 1720 г. на коляске (Wagen) Д. Г. Мессершмидт выехал вдоль Исети на Каменский казенный железоделательный завод, основанный в 1701 г. по указу тобольского правления Сибирской губ. Здесь экспедиция провела более трех месяцев, с 15 августа по 22 ноября 1720 г., соответственно, Д. Г. Мессершмидт вполне мог контактировать и с В. Н. Татищевым, и с И. Ф. Блюером, которые находились в постоянных разъездах. 21 ноября 1720 г. в Каменке комендантом И. С. Мусиным-Пушкиным по требованию Д. Г. Мессершмидта была составлена увольнительная работнику Каменских заводов В. Кузнецову и сопровождавшему его драгуну для поездки до Кунгура и обратно «с письмами до господина майстера Блеэра». Речь, видимо, идет об отправке с оказией V-го рапорта в Аптекарскую канцелярию от 2 ноября 1720 г., который подписан Д. Г. Мессершмидтом в Каменском [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 20, л. 55–56 об.]. Доктор, видимо, планировал переправить его в Петербург при содействии бергмейстера И. Ф. Блюера.

Помимо письма к И. Д. Блюментросту, приложения к V-му рапорту Д. Г. Мессершмидта содержали резюме первого рапорта от 25 июня 1720 г. из Тобольска «*Summarische Spezifikation der in Tobolski d. 25. Juny A^o 1720 an die Pricass abgelieferten Depêche*» [Там же, д. 20, л. 57–57 об.], каталог сибирских птиц «*Avium in Sibiriae Regno observatarum Enumerationes*» от 4 ноября 1720 г. [Там же, д. 20, л. 58–65 об.] и др. В Каменке была составлена «Хорографическая карта пути по рекам Тоболу, Исети, Нейве, Нице, Туре и Пышме. Начерчена в Каменском металлическом заводе. 1 ноября 1720 г.» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 2, д. 8; Новлянская, 1970, с. 174].

Переправленные в Петербург материалы Д. Г. Мессершмидта сразу же были «пущены в дело» руководством Аптекарской канцелярии для налаживания международных связей с интеллектуальной европейской элитой.

Еще 22 декабря 1717 г. состоялось избрание Петра I в члены Парижской академии, но благодарственную грамоту царя за это избрание в 1721 г. отвез во Францию личный библиотекарь царя И. Д. Шумахер [Копелевич, 1977, с. 44]. В феврале 1721 г. он был отправлен в заграничную командировку для налаживания контактов с западно-европейскими учеными и приглашения их в будущую Академию наук, приобретения книг, инструментов и раритетов для императорских Библиотеки и Кунсткамеры [СПбФ АРАН, ф. 121, оп. 1, д. 1, л. 1–2]. На специально созванной 5 августа 1721 г. публичной ассамблее в Парижской АН под председательством президента аббата Ж. П. Биньона от имени Петра I И. Д. Шумахер представил письма царя и Л. Л. Блюментроста, а также новейшие научные материалы — часть сибирских орнитологических рисунков и описаний, полученных от Д. Г. Мессершмидта из Тобольска (из приложений к IV-му ра-

⁴³ Сусек — заком, сукром, отгороженный ларь в амбаре, житнице для ссыпки зернового хлеба или чан, кадь для хранения зернового хлеба.

порту от 25 июня 1720 г. и V-му рапорту от 2 января 1721 г.), и новейшую рукописную неопубликованную карту Каспийского моря [Пекарский, 1862, с. 49–51]. В отчете И. Д. Шумахера царю сказано: «...специмен Орнитологии или краткое описание в Сибири от доктора Мессершмидта усмотренных птиц, яко пробу, читали, которому учреждению и методу академия удивилась, и токмо желают, чтоб прочие части истории натуральной всех российских провинций такожде обязательно описать, и начальнейшие вещи красками, колико возможно будет, разделять и назначати повелевать, и академии объявлять, о котором она свое рассуждение давать и с российским государством в оных вещах справляться всегда тщиться будет (...) Сим ассамблея скончилась (т. е. закончилась. — *И. Т.*), егда сперва президент г-ну Делилю⁴⁴ карту (Каспийского моря. — *И. Т.*), а господину де Мару Дантенгу, специмен орнитологии начисто переделать велели, чтоб в мемории внести...» [Пекарский, 1862, с. 536]. Таким образом, новейшие научные материалы из России, прежде всего описание новых видов сибирских птиц, вызвали живой интерес французских ученых, призвавших царя продолжить естественнонаучное изучение России [Копелевич, 1974, с. 182–183; 1977, с. 48].

Но вернемся к поездке Д. Г. Мессершмидта на Урал. Из Каменки 22 ноября 1720 г. путешественник на санях отправился в Уктусский казенный горный завод, построенный в 1702 г. [Попов, 1861, с. 35] (ныне южная часть Екатеринбурга). К слову сказать, буквально через месяц, 23 декабря 1721 г. В. Н. Татищев с согласия царя назначил земского комиссара (управителя) со штатом чиновников на Уктусский завод, таким образом выведя предприятие из подчинения Сибирской губернской администрации, переподчинив его горному ведомству. Уктусский комиссар Т. Бурцов 29 ноября 1720 г. принял запечатанный пакет «от господина доктора Данила Андреевича» с обязательством послать его «на Кунгур к господину бергместеру Блиэру, и тот пакет того же числа послан с кунгурским подьячим Евдокимом Костроминым» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 20 об.–21].

Сам Д. Г. Мессершмидт до Кунгура не доехал, хотя просил подорожную туда еще в Москве, — этот город отсутствует в перечне посещенных путешественником мест. Через посредство Ф. И. Табберта доктор получил план и описание одной из пещер (*Grundriß des Labÿrinthes bey Kungur*), явно копию с плана С. У. Ремезова [Там же, д. 20, л. 53 об.–54; д. 22, л. 51]. Этот план русский картограф снял по поручению Петра I в 1703 г. В книге Ф. И. Страленберга он опубликован в виде гравюры. Известно, что благодаря Ф. И. Табберту доктор приобрел «целую коллекцию» русских чертежей Сибири и сибирских городов, представлявших собой копии с чертежей «Служебной чертежной книги» С. У. Ремезова и других его карт. М. Г. Новлянская убеждена [1966, с. 33; 1970, с. 171], что некоторые вещи, отправленные в Петербург вместе с IV-м рапортом от 25 июня 1720 г., принадлежали Ф. И. Страленбергу или были через него приобретены Д. Г. Мессершмидтом, в их числе немецкий перевод рукописи Абу-л-Гази «Родословия татар»⁴⁵, чертеж и описание Кунгурской пещеры

⁴⁴ Делиль Гийом (1675–1726), географ французского короля, основатель современной географии, старший брат академика Петербургской АН, «первого астронома» Ж. Н. Делиля.

⁴⁵ Рукопись в анонимном переводе на французский язык (подпись — криптоним D) «*Histoire généalogique des Tatars*» впервые опубликована в 1726 г. в Лейдене, русский перевод, выполненный В. К. Третьяковским, издан в 1768 г., немецкий перевод опубликован в Гёттингене через 60 лет [Abulgasi, 1780]. Х. Вермёлен ошибается, приписывая перевод Д. Г. Мессершмидту [Vermeulen, 2015, p. 620], т. к. в тексте французского издания прямо сказано, что пленные шведы, «люди просвещенные, купив татарскую рукопись этой “Истории” у одного бухарского купца, привезшего ее в Тобольск, перевели ее за свой счет сначала на русский язык, а затем с русского языка на различные другие языки», которые стали расходиться в списках [цит. по: Новлянская, 1966, с. 18, 22].

и копии «чудского» письма⁴⁶, воспроизведенные в его книге [Strahlenberg, 1730, S. 364–367 (Tab. XIII–XVI), табл. между S. 372–373].

Кунгурская ледяная пещера на правом берегу р. Сылвы — уникальный геологический памятник, крупнейшая карстовая пещера в Европейской части России и седьмая в мире гипсовая пещера по своей протяженности — ее длина 5700 м, она имеет 58 гротов и 70 подземных озер. В том же 1720 г. пещеру посетил В. Н. Татищев, который составил ее описание и при повторном посещении в 1736 г. составил ее план (ныне утрачен) [Архипова, 2003]. Судя по записям Д. Г. Мессершмидта [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 20, л. 57 об.], именно из погребений и жертвенных мест Кунгурской пещеры происходят «остяцкие шайтаны», «металлические резные статуи», в их числе акваманил в виде рыцаря на коне [Там же, д. 20, л. 50], изготовленный в Гильдесгейме в начале XIII в. [Brentjes, Vasilievsky, 1989, S. 170; Борисенко, Худяков, 2005, с. 37, рис. 6], монеты, геммы и пр.

С Кунгуром связано и начало палеонтологических исследований в России. В 1720 г. В. Н. Татищев услышал от местных жителей, что в Кунгурской пещере водится зверь размером больше слона, осмотрел в окрестностях «рвы», которые местные жители считали «ходом сего зверя». Находки крупных костных остатков и целых мерзлых трупов мамонтов породили легенды о громадном подземном существе, которое проделывает огромные ходы (пещеры), из-за чего земля проваливается, причем если зверь увидит солнечный свет, то умрет. Другие обыватели считали, что гигантские кости — это останки слонов армии Александра Македонского [Архипова, 2007; Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 61]. Сведения о находках костей огромного животного в Сибири отражены в книгах Н. Витсена и И. Э. Идеса, с которыми был знаком В. Н. Татищев.

Во время пребывания в Тобольске у губернатора А. М. Черкасского В. Н. Татищев осмотрел фрагмент черепа мамонта, стал собирать кости и сумел получить два клыка (бивни), часть головы и череп; севернее Тобольска он «по разным местам видел разные кости онного зверя» — «зубья коренные, ребра, голени и прочее...». В. Н. Татищев понял, что останки этих крупных животных сохранились в промерзлых грунтах, их находили на поверхности в долинах рек, где земля быстрее оттаивала [Архипова, 2007]. В 1724 г. Петр I, которому В. Н. Татищев подарил один из бивней, повелел «губернатору князю Долгорукову объявить в народ довольное денежное награждение, ежели кто целых костей собранием, а по малой мере голову с принадлежащими частями сыщет из разных мест и в Москву, ...также и в Академию наук привезено будет»⁴⁷. На основе собранных материалов В. Н. Татищев написал на латинском языке статью «Сказание о звере мамонте, о котором обыватели сибирские сказуют якобы живет под землею, с их о том доказательствами и другие о том различные мнения», опубликованную в «Acta literaria Sveciae Upsaliae publicata» (Vol. II) (1725) и «Acta Germanica» в Лондоне (1743) [Татищев, 1979, с. 36–50]. Статья в XVIII в. так и не была издана в России, но оказалась первым в мировой научной литературе исследованием о вымершем млекопитающем [Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 62].

Д. Г. Мессершмидта не меньше, чем В. Н. Татищева интересовали кости мамонта [Новлянская, 1970, с. 168–170]. Он первым понял, что мамонт является родственником слона [Соколов, Парнес, 1993, с. 54–69]. Как уже было отмечено, 25 июня 1720 г. при

⁴⁶ По мнению А. И. Андреева, рисунок «чудского письма», опубликованный Ф. И. Страленбергом, был составлен С. У. Ремезовым, что очевидно из сопоставления иллюстраций в книге и рукописей Д. Г. Мессершмидта [Андреев, 1960, с. 148].

⁴⁷ Только в 1799 г. в дельте Лены была найдена туша мамонта с сохранившейся шерстью. Стараниями зоолога М. Ф. Адамса скелет был доставлен в Санкт-Петербург, в 1808 г. впервые в мире смонтирован и выставлен на публичное обозрение в музее Петербургской АН (т. н. мамонт Адамса в современном Зоологическом музее Зоологического института РАН) [Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 66].

IV-м рапорте в Аптекарскую канцелярию Д. Г. Мессершмидт отправил два рисунка костей мамонта, выполненных пленным шведом Х. Шмидтом. Кости были найдены на Индигирке и привезены в Тобольск. В книге Ф. И. Страленберга приведены сведения о находках костей мамонта С. У. Ремезовым близ оз. Чаны в Барабинской степи и Д. Г. Мессершмидтом на берегу р. Томь в 1721 г. по дороге из Томска в Кузнецк [Strahlenberg, 1730, S. 394–395; Новлянская, 1970, с. 168–169]. В 1823 г. в инструкции, выданной Иркутской земской конторой, одному из «разведчиков» Д. Г. Мессершмидта, дворянину Ивану Толстоухову предписывалось «где найдены будут мамонтовы роги [бивни. — И. Т.], приложить крайнее сыскание, чтоб кость до последнего члена того зверя, буде возможно, собрать все в целости» [Пекарский, 1862, с. 358, 359].

Известно, что XIV-й рапорт И. Д. Блюментросту от 15 февраля 1724 г. из Иркутска включал рукопись «*Ossium, diluvianorum animalis, vulgo dicti Mammoth Sibiricum, ... adumbration ichnographica*», где доктор описал и привел данные о весе привезенных в Иркутск с р. Индигирки зубов, костей и черепа мамонта, найденных в мае 1722 и январе 1724 г., а также сведения о раскопках останков мамонта по донесению на латинском языке ссыльного поляка М. Волоховича. Д. Г. Мессершмидт окончательно убедился, что это кости древнего слона. Доставленные в Иркутск костные останки «удивительного зверя» зарисовали два приданных путешественнику иконописца [Пекарский, 1862, с. 358; Messerschmidt, 1964, S. 195; Новлянская, 1970, с. 65, 169]. Сведения об этих находках и два зуба Д. Г. Мессершмидт переправил И. Ф. Брейну в Данциг. Полученную из Сибири информацию натуралист использовал в своих выступлениях на заседаниях Литературного общества Данцига в 1722 и 1728 гг., а также в статье, иллюстрированной шестью рисунками, опубликованной в 1737 г. в «*Philosophical Transactions*» Лондонского королевского общества [Vermeulen, 2015, p. 121]. Эти рисунки позднее были переизданы Дж. Брейном (1741) и стали «отправным материалом» для открытия Ж. Кювье (1796), окончательно доказавшего, что мамонт — вымерший вид слона [Jahn, 2002, S. 891; Стародубцева, Алексеев, 2015, с. 66]. Таким образом, и В. Н. Татищева, и Д. Г. Мессершмидта можно считать родоначальниками палеонтологии как науки не только в России, но и в мире [Uschmann, 1982, S. 171; Jahn, 1995, S. 215; Vermeulen, 2015, S. 121–122].

Но вернемся к поездке Мессершмидта на Урал. 10 декабря 1720 г. Д. Г. Мессершмидт двинулся из Уктусса в обратный путь в Тобольск. В то же день в Красномыске (Красномысской слободе) под расписку была возвращена лошадь, предоставленная в подводы «под лекарем Даниелем» для возврата хозяину [Там же, л. 21]. Путешественник возвращался через Каменский завод и Исетскую слободу, 17–24 декабря 1720 г. вновь остановился в Ялуторовской слободе в поисках могильных вещей и 30 декабря доехал до Тобольска [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 27, л. 1–1 об., 9; Новлянская, 1970, с. 17–18].

Во время путешествия Д. Г. Мессершмидт приобрел себе русского подростка. 21 декабря 1720 г. в Ялуторовской слободе неграмотный крестьянин Степан Григорьевич Путиццов (в изданном дневнике Д. Г. Мессершмидта и у М. Г. Новлянской — Путицев) подписал заемную кабалу при трех свидетелях, что он «занял на оплату себе государевых податей в проезде, у дохтора Даниела Готлиб Мессершмита, денег двенадцать рублей серебряных московских прямых без приписи», за что заложил своего родного 15-летнего сына Ивана «вечно, и оному сыну моему Ивану за те вышеписанные заемные денги, жит у него, Даниела дохтора, вечно во всяком послушании, и покорении, не пить, и не бражничать, и никаким воровством не вороват. А ему, Даниелу, сына моего Ивана держать у себя, поит и кормит, и одевать, и ото всякаго дурна унимать, и

наказывать по вине смотря, по своему рассмотрению; а в болшей вине и грацким наказанием как он, доктор, поволит. А мне, Степану Путимцову, и никому до сына моего Ивана, кроме ево, доктора, дела нет» [Там же, л. 21–21 об.]. Три года спустя Д. Г. Мессершмидт продал возмужавшего юношу в Иркутске 11 февраля 1724 г. посадскому человеку с прибылью для себя — за 16 руб. [Messerschmidt, 1964, S. 205; Пекарский, 1862, с. 359].

2.4. Тобольск — Томск (31 декабря 1720 – 26 мая 1721 г.)

16 августа 1720 г. датирована третья инструкция Аптекарской канцелярии, полученная путешественником 7 января 1721 г. в Тобольске, когда он вернулся из поездки на Урал. За неделю до того, 2 января 1721 г. Д. Г. Мессершмидт подписал VI-й рапорт в Аптекарскую канцелярию [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 21, л. 76; д. 22, л. 7]. По возвращении в Тобольск путешественник начал работу над очередным VII-м рапортом, который датирован 10 января 1721 г. [Там же, д. 21, л. 127; д. 22, л. 7]. В тот же день доктор доложил кн. А. М. Черкасскому о результатах поездки на Урал и своих дальнейших планах, что по указу царя и приказу губернатора «был я в Ысецких слободах... И ныне надлежит мне ехать в низовые города, в Тару, в Томской, в Енисейской, и далее, вкруг до границы Сибирской губернии; и тамо обыскать всяких куриоситетов...». Он просил дать указы местным властям о подводах, подорожной и пр. [Там же, д. 32, л. 21 об.–22].

Менее чем через неделю, 16 января Д. Г. Мессершмидт вновь написал кн. А. М. Черкасскому с просьбой дать указы «во вес принадлежащий путь», чтобы: «1) Ежели в котором городе обретатися буду и ведомости получю о каких любопытных местах, дабы мне оных мест ведомцов и вожей давати самому мне оглядати для лутчаго обыскания; 2) ... ежели какой человек угодный от здешняго города или на том городе немецкий пленник обрящется и со аптекарскими вещми удобное обхождение знает, дабы оног писмено за поруками к моему отправлению и услугу с собою взяти. А от здешняго национ таковыя спомогатели не обрящутся (...)». Далее он просил указ губернатора местным комендантам в городах Сибирской губ. — Томске, Енисейске, Иркутске — о выплате ему жалованья «без задержания» с января каждого года по прошествии года в текущем и в следующих годах [Там же, л. 22–22 об.; Пекарский, 1862, с. 353]. 17 января 1721 г. Д. Г. Мессершмидт сообщил А. М. Черкасскому, что «угодного человека между здешними пленниками, именем Якова Шеннига, порутчика, обрел, котория со обтекарскими вещми и насаждении удобное обхождение знает, дабы оног писменно за моею порукою к моему отправлению и услуге с собою взяти» [Там же, л. 22 об.–23]. 21 января 1721 г. доктор получил из рентереи (казначейства) Тобольской губернской канцелярии положенное годовое жалованье 500 руб. «на сей 1721 год 3 генваря месеца до последнего числа декабря», о чем составил расписку [Там же, л. 23–23 об.].

27 января 1721 г. Д. Г. Мессершмидт вновь написал А. М. Черкасскому, впервые упомянув Ф. И. Табберта (Страленберга) и Д. Капелла, о необходимости: 1) своевременной выдачи жалованья в будущем путешествии, мотивируя это тем, что «при мне бывающия люди, которые на моем убытке содержатся, нужду бы не терпели, и в моем отправлении помешки бы не было»; 2) сообщил о невозможности взять в путь поручика Якова Шеннига — «за немощию и худостию тела сего пути снести не может», поэтому просил на его место определить немецкого пленного «ундер афицера именем Капель», который к «собранию аптекарских насаждений и трав удобен будет и путешествовати со мною хочет». 3) «Понеже в моем отправлении главшейшия и нужнейшия вещи суть в физических и математических пременений климатов и погоды некия усмотрения учинити, тако я к тому моему делу швецкаго пленника обор афицера именем Иван Филиппович Таберт приспросил, который мне весма спомогати будет. И ежели Ваше

княжеское сиятельство благоволит оных пленников со мною отпустить за моею порукою, или поволит, чтоб еще они своих братьев порукою по себе дали. 4) Доношу Вашему сиятельству: отпускаю от себе единого пленного хлапца (Б. И. Шиц. — *И. Т.*), которого преж отселе при себе имел, и в того место желаю иного молодого человека, которой 16 лет есть, именем Шулман, рисовать и знаменить нарочито умеет, а в росписи с пленниками не написан, того ради прошу, чтоб ему изволение дати со мною ехать. 5) Понеже мне в Сибирской губернии ведомо, что чрез великия степи опасно ездити, о том прошу Ваше сиятельство, дабы изволити в городах господам камендантом указом приказати, чтоб им, ежели возможно для нужнейшаго нападения, неколико служилых людей для обороны и провожания давати. 6) Ежели я в котором городе остановлюся и проведу приличныя места к делу моему и пожелаю сам ехать для оглядания или кого от моих служителей пошлю, дабы такой указ в города камендантом послать, чтоб ведомцов и вожей тех мест нам давати. 7) Двое драгун, которые определены мне из Питербурга, а мундиром и жалованьем велми оскудали, того ради... молю, дабы они мундиром, тако же и жалованьем здес и тамо в городах награждены были. 8) Когда в коем городе управление дела моего получу, прошу, дабы камендантом свободные и пространные мне квартиры давати, чтобы во управлении утеснения не было. 9)... ежели где в городах и в приказах и на иных местах прилучатся обретенныя впросто лещакия корения и менералныя вещи, которых здешния жители не знают, к чему угодны и употреблятися могут, и такие бы вещи господам комендантом мне объявлять, чтоб мне их знать и испытат, чему они угодны будут. 10). Такие вещи попадутца, которых надлежит в крепком вине зберегати и о том указ послать, что им дать мне вино, колико ко употреблению надлежит, и ежели бы не нужно было, не пожелал бы просити, понеже мне лейб медикус писал, чтоб я какими ни есть мерами собирал и управлял, в чем бы Его Царскому Величеству напрасного убытку не было, и когда нужда в деле надлежати будет, чтоб мне с роспискою без задержания. 11) Посему же мое прошение до Вашего княжеского сиятельства, дабы 14 подводами награжден был за не менее того с моими вещми и с людьми мне обратиться невозможно....» [Там же, л. 23 об.—24 об.].

Прошение было благосклонно встречено А. М. Черкасским, который 13 февраля 1721 г. издал указ местным властям о содействии Д. Г. Мессершмидту в его путешествии по Сибири — своевременной выплате жалованья, предоставлении «свободных и пространных» квартир, выдаче «крепкого вина» для сохранения ценных находок («давать ему с ценою и с роспискою и о том в Тоболск писат. А те денги зачтены будут в положенное число в Аптекарскую канцелярию»), предоставлении 14 подвод, выделения охраны экспедиции в опасных районах («давать ему служилых людей, сколько пристойно»). Князь предписал сообщать о всех действиях экспедиции и властей в Тобольскую канцелярию [Там же, л. 24 об.—25 об.].

13 февраля 1721 г. в Тобольске Д. Г. Мессершмидту была выдана подорожная, подписанная кн. А. М. Черкасским: «От Тоболска до Тары, до Томска и до других Сибирской губернии городов, куды путь надлежит, и назад давать дохтору Мессершмиту, которому повелено Имянным Царского Величества указом искать корения и манералных вещей, и при нем швецким двум афицером, и под салдат, и под людей ево ямских четырнатцать подвод, имая прогонные денги по Его Царского Величества указу, а где ямских подвод нет, давать государевы лошади» [Там же, л. 25 об.].

Ученый стал готовится к отъезду. Его расписка 24 февраля 1721 г. свидетельствует о получении им из рентереи прогонных денег в размере 10 руб. 8 коп. на 14 подвод от Тобольска до Тары [Там же, л. 26].

Через три дня, 27 февраля 1721 г. в Тобольске путешественник составил расписку в приеме в услужение двух шведских арестантов на время поездки по низовым городам Сибирской губ.: «... по требованию дохтора Мессершмита отданы ис Тоболской губернской канцелярии швецкия арестанты: обор афицер Иван Филиппец Табберт и ундер афицер Данила Капель — с роспискою на ево, дохтора Мессершмита, пороль, которым повелено быть при нем, дохторе, для искания разных материалов, а как он, дохтор, возвратитца из низовых Сибирской губернии городов, и тех швецких арестантов ему, дохтору, объявить в Тоболской губернской канцелярии, а ежели он по приезде своем... (их) не объявит, и в том, дохтор, восприимет суть, как о том Его Царское Величество указы повелевают» [Там же, л. 26–26 об.].

1 марта 1721 г. экспедиция в составе — Д. Г. Мессершмидт, два пленных шведа — Ф. И. Табберт (Страленберг) (Strahlenberg, Philipp Johann Tabbert von) (помощник начальника, который с 1 марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. вел дневник экспедиции) и Иоганн Даниил Капелл (Capell, Kapell) (квартирмейстер), 16-летний воспитанник школы К. Ф. Врееха Карл Густав Шульман (Schulman Karl Gustav; 1702–1765) (рисовальщик), Петер Кратц (Krahtz Peter) (слуга, охотник и переводчик), Андрей Геслер Невинг (Häsler Newing Andres) (денщик и повар), 15-летний крепостной слуга И. С. Путимцов, конвой из трех драгун — на 14 санях выехала из Тобольска в Томск и проследовала вдоль реки Иртыш [Новлянская, 1970, с. 22–23]. Экспедиция проследовала через Ишимский острог (4–5 марта), передохнула в Таре (9–11 марта), пересекла Барабинскую степь и 24 марта 1721 г. достигла Чаусского острога и слободы Томского дистрикта (ныне Колывань Новосибирской обл.). Как отмечено в дневнике, жители слободы занимались могильным промыслом, сбиваясь в артели [Messerschmidt, 1962, S. 76–77].

25 марта 1721 г. датирована челобитная пленного шведа Ивана Данилова, т. е. квартирмейстера И. Д. Капелла, который подвергся нападению и получил отказ в постое. Из текста следует, что 24 марта И. Д. Капелл, заранее отправленный Д. Г. Мессершмидтом искать квартиру, обратился за содействием к приказчику, дворянину А. С. Кругликову о найме к приезду доктора квартиры у дворянина Дмитрия Лаврентьева. А. С. Кругликов послал своего денщика Я. Золотарёва с письмом к Д. Лаврентьеву, в котором предлагал к приезду доктора «опростать» квартиру, но получил отказ — «на квартиру де я не пушу, и двор де у меня не постоялой». И. Д. Капелл сам пошел к Д. Лаврентьеву и зачитал ему царский указ, но тот ему ответил — «сего де указу я не слушаю и на квартиру к себе стоят не пушу. А после того собрал к себе на квартиру томских детей боярских, которые едут ис Томска в Тоболеск с книгами: брата своего Петра Лаврентьева, Федора Панова да драгуна Филипа Жеравлёва и иных многих, а как по имени зовут, того он не знает, а прежде де ево, Иванову, приезду оным Петру Лаврентьеву с товарищем квартера была отведена. А собрав де он, Дмитрей, их же к себе на квартиру и ево, Ивановы, возы на улицу выволокли и драгуна де ево, докторова, Данила приезжева оныя Лаврентьев Петр Иванов с товарищи били дважды и шпагу у него отняли». Челобитная была составлена на следующий день в судной избе «в Чауске» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 26 об.–27].

26 марта 1721 г. экспедиция двинулась далее через Умреевский и Уртамский остроги и 30 марта прибыла в Томск, где пробыла более трех месяцев, до 5 июля [Новлянская, 1970, с. 25–26]. Уже из Томска 6 апреля 1721 г. Д. Г. Мессершмидт отправил донесение коменданту Томской приказной палаты В. Е. Козлову о произошедшем в Чаусском остроге инциденте: «А при том были свидетели, которыя у возов приставлены от прикащика Алексея Кругликова, караульщики — руския люди четьри человека, а хто

имяны, того я не ведаю, и от сыску оного Дмитрия Лаврентьева в Томске, и о допросе в непослушании указу, и в бою драгуна, и в отъеме с него шпаги, камендант Василий Елизарьевич, что укажешь» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 27].

Из Томска члены экспедиции совершали отдельные поездки с научными целями, в том числе для фиксации памятников археологии. Комендант Томской приказной палаты В. Е. Козлов, радушно встретивший и удобно разместивший Д. Г. Мессершмидта, использовал административный ресурс для содействия целям экспедиции. В Томске по требованию Д. Г. Мессершмидта дважды публично призывали местное население содействовать экспедиции («публиковать в народе указ») и приносить раритеты (помимо прочего: «могильные всякия древния вещь, шейтаны медные и железные и литые обрасцы... и зверинные и калмацкия глухия зеркала»), которые покупали за счет казны («за те могильные вещи дана будет плата немалая») [Там же, д. 32, л. 27 об., 18 апреля 1721 г.].

Однако призывы властей ожидаемого результата не принесли [Новлянская, 1970, с. 28]. 26 мая 1721 г. Д. Г. Мессершмидт обратился к В. Е. Козлову с требованием о выделении подвод отряду экспедиции, который должен был заниматься «прискиванием» (проведением археологических раскопок) и покупкой древностей у местного населения. Доктор ссылался на указ, что ему велено «в сибирских городах приискивать и покупать древния могильные вещи». Для «прискивания и покупки древних вещей посылается от меня ис Томска в Томский и в Кузнецком уезде во все деревни швецкия пленники Иоган Цемер [прапорщик Я. Цеймерн. — *И. Т.*] да Питер [П. Кратц. — *И. Т.*], да с оными пленники посылается для указыванья пути... казачей сын Алексей Колмогоров, и надлежит им дать ис Томска и по деревням по подводчику...» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 27 об.—28]. В тот же день В. Е. Козлов дал им подорожную: «отпущены ис Томска в Чауской острог и в присутствующие к тому острогу, в деревни, и в Кузнецкой присуд, для покупки древних найденных вещей, швецкия пленники Яган Цемер да Питер, которые посылаютца от господина дохтора Месершмита, по ево требованию, да со оными пленники для указывания пути и над ними караулу томской казачей сын Алксе́й Колмогоров». Одновременно В. Е. Козлов приказал А. Колмогорову «ис Томска Томского уезду в Чауской острог и в присутствующие к тому острогу деревни, и в Кузнецкой уезд» вместе со шведскими пленными отправиться «для приискивания и покупки древних могильных вещей и всяких разных цветов камня, а дорогою до Чауского, смотреть тебе над ними, чтоб они куды не ушли, а русския люди какова дурна над ними не учинили, а с Чеуша в Кузнецкой уезд взять тебе московского списка у дворянина Алексея Кругликова для караула и бережения оных же пленников... казаков двух человек... Едучи по дороге за оными шведскими пленниками смотреть тебе накрепко, чтобы они русским людям и иноземцам обид и разорения... никому не чинили» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 28–28 об.].

В. С. Соболев верно подметил, что «по мере продвижения экспедиции в глубь России при подготовке... писем в местные органы власти лаконичный текст царского указа постоянно “творчески” изменялся и дополнялся» [Соболев, 2013, с. 175], т. е. круг задач, стоявших перед экспедицией, по сравнению с указом Петра I от 15 ноября 1718 г. со временем искусственно увеличивался и усложнялся не только инструкциями Аптекарской канцелярии, но и самим Д. Г. Мессершмидтом. Так, в письме коменданту Томской приказной палаты В. Е. Козлову от 18 апреля 1721 г. Д. Г. Мессершмидт просил помощи в сборе интересующих его натуралий и артифициалей, в том числе «...трав и цветов, корения и всякой птицы лесные и полевые и водные и певчие мужеска и женска живые или стреленые и пленицами ловленые и всякия зверей большия и малыя, чтоб пара мужеска и женска и всякия рыбы ...и всякой цвет зем-

ли... лазорево было, и желто, и черно, и камень и всякого цветцу и всякой руды золото, серебрено, медно, железно, селитры и соли, всякого цвету змеи и ящерицы, лягушки тако могильныя всякие древния вещи шейтаны медные и железные и литые обрасцы... и зверинныя и калмацкия глухия зеркала ...» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 32, л. 27–27 об.].

Расширение сферы исследований стало результатом того, что «экспедиция столкнулась с такими невиданными по меркам Западной Европы природными богатствами Сибири и с таким большим объемом ценнейшего исторического и этнографического материала, что пришлось срочно, по ходу самого путешествия, перестраиваться и постоянно уточнять цели и задачи» [Соболев, 2013, с. 176]. В результате задачи экспедиции на ее последних этапах охватили *семь отраслей научного знания* (география, филология, этнография и археология, минералогия, биология и медицина), каждая из которых требовала целого коллектива исследователей, о чем с досадой и возмущением писал путешественник [Messerschmidt, 1966, S. 194; Jahn, 1989, S. 125; 1995, S. 213]. Но Д. Г. Мессершмидт весь этот объем исследований выполнял один, поэтому его недомогательство, раздражительность и усталость условиями проведения экспедиции год от года накапливались — ему приходилось выполнять функции рисовальщика, картографа, чучельника, фиксировать погоду, измерять широту, собирать растения, минералы, артефакты, осуществлять вскрытие пойманных зверей и птиц и т. п.

ГЛАВА III. СУДЬБА БИБЛИОТЕКИ И АРХИВА Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

Главным источником информации о биографии «великого ученого в области естественной истории» (по характеристике Г. Ф. Миллера [2006, с. 522]) и проведении экспедиции Д. Г. Мессершмидта является его архив. Помимо экспедиционных коллекций и части рукописных полевых материалов Д. Г. Мессершмидта, в 1728 г. пополнивших Кунсткамеру и Конференц-архив, в Библиотеку Петербургской АН поступили его рукописи, которые были систематизированы и переплетены самим Д. Г. Мессершмидтом [Новлянская, 1970, с. 157]. К сожалению, не все рукописи ученого попали в Академию наук. В протоколе Конференции 22 ноября 1737 г. записано, что по требованию библиотекаря И. Д. Шумахера нотариусу Х. Тидеману было поручено скопировать сочинения Д. Г. Мессершмидта, находившиеся у его вдовы, и вернуть их обратно [Протоколы, 1897, с. 440].

Библиотека путешественника включала книги по биологии, медицине, анатомии, географии, истории, философии и музыке. Часть ее была приобретена Академией наук у его петербургских родственников — жены (с 17 марта 1728 г.⁴⁸) *Бригитты Хелены Бёклер* (Böckler Brigitta Helena; 1712–?), сопровождавшей Д. Г. Мессершмидта в Данциг в 1729 г. и вернувшейся с ним в Петербург в 1731 г., и единственной дочери, которая на 1765 г. «жила в достатке» в Петербурге⁴⁹ [МИАН, 1887, с. 734; Вернадский, 2002, с. 282]. 170 книг, отобранных адъюнктами И. Ф. Бремом и Х. Крузиусом, были приобретены за 169 руб. 70 коп. (в среднем по одному рублю за книгу) за счет внебюджетных средств академической Книжной лавки в 1741 г. [СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 1, д. 257 (перечень книг библиотеки

⁴⁸ См.: Новлянская, 1970, с. 155; Steller, 2000, S. 344. П. П. Пекарский назвал другую дату свадьбы Д. Г. Мессершмидта — 1729 г. [Пекарский, 1862, с. 361] и допустил ошибку, неверно указав девичью фамилию жены — Блеклер [Пекарский, 1870, с. 590, прим. 2].

⁴⁹ В Санкт-Петербурге Д. Г. Мессершмидт «женился на одной девушке, твердо убежденный, что она являлась к нему во сне в бытность его в Соликамске. Женщина эта, живая и необузданного характера, была совершенным контрастом с своим меланхолическим и преданным науке мужем» [Пекарский, 1862, с. 361].

Мессершмидта, поступивших в АН); МИАН, 1887, с. 728–734; Беляева, 2001]. Сведения о рукописях и книгах Д. Г. Мессершмидта имеются в дополнениях, написанных от руки, в «Камерном каталоге» 1742 г. и представлены в каталоге 1768 г. Библиотеки Петербургской АН [Исторический очерк, 1956, с. 258; История, 1964, с. 71]. Другая часть библиотеки Д. Г. Мессершмидта оказалась в Московском университете [Вернадский, 2002, с. 282].

Академик Г. Ф. Миллер, протоколировавший заседания комиссии по приему кол-лекции Д. Г. Мессершмидта в 1727 г., отметил, что сам собиратель был отстранен от участия в ней [МИАН, 1890, с. 150; Миллер, 2006, с. 574]. Документы о принятии его вещей, хранятся как в фонде Д. Г. Мессершмидта [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 42. 5 л.], так и в фонде Г. Ф. Миллера [Там же, ф. 21, оп. 1, д. 3. 15 л.]. В фонде Г. Ф. Миллера представлена также биографическая записка о Д. Г. Мессершмидте, использованная им в «Истории Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге» [Там же, д. 105/б. 5 л.], и выдержки из его рапортов в Медицинскую канцелярию [Там же, оп. 5, д. 59. 169 л.].

В своей «Истории Академии наук» Г. Ф. Миллер писал, что «в похвалу г(осподи)ну д(октору) Мессершмидту надо добавить, что он не только был прилежным собирателем, но и описывал, (на уровне, присущем) настоящему ученому, вновь открываемые произведения природы из всех ее царств. Он был наделен также талантом классифицировать их в соответствии с принятыми тогда (принципами). В определенной мере можно считать его также литератором. Он знал греческий и еврейский языки, и вообще у него были способности к иностранным языкам. Пока он довольно долгое время находился у монгольской границы, он выучил также монгольский язык; (нанял себе) в преподаватели тангутского ламу и занимался (с ним еще и) тангутским языком. Со своего путешественного маршрута он часто посылал в Медицинскую канцелярию донесения, описания и рисунки. Впрочем, до Академии они не доходили. Как кажется, *чиновники Медицинской канцелярии не в полной мере понимали ценность (его посылок и потому не полностью сохраняли) их* (выделено мной. — И. Т.). Книга же, которую господин Мессершмидт написал во время путешествия и которую он называл “*Isis sibirica*” (“Сибирская Изида” (лат.)⁵⁰. — И. Т.), была одновременно (с сохраненной частью присланных им) вещей передана в Академию и все еще существует в академической библиотеке. Книга эта содержит перечень всех отмеченных им произведений природы и притом также имен, которые он слышал от (представителей) сибирских народностей применительно к этим вещам. Монгольские и тангутские названия даны в графике этих народов. Для некоторых предметов даны также описания и рисунки. Для других, описания и рисунки которых уже были присланы ранее, он дает только ссылки на более ранние донесения, откуда видно, сколь высоко надо ценить эти донесения. В книгу включен также (раздел) «*Hodogeticum sibiricum*» («Сибирский путеводитель» (лат.). — И. Т.), то есть указатель мест, где он был хотя бы один день или мимо которых он проезжал, без описаний или измерения расстояний. Равным образом приложен указатель более чем 300 полуденных солнечных высот, отмеченных Мессершмидтом по пути, и соответственно высоты полюса, которые он вычислил с помо-

⁵⁰ Рукопись под названием «*Isidis Sibiricae Xenium, seu rerum naturalium triplicis Regni e Sibiria gremio depromptarum et curiosarum quarundam sylloge... exhibitum a D. G. Messerschmidt Gedan. Doctore, Medico per Sibirias Missionario. Petropoli d. 22 Novembr. 1727*», включающую списки собранных Д. Г. Мессершмидтом естественноисторических коллекций, см.: СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 23. 33 л. Но судя по контексту, Г. Ф. Миллер имеет в виду приложение к второй части «*Physico-Medicinalis*» его основного труда «*Sibiria perlustrata*», который дополнен разделом «Дар Сибирской Иисиды» (*Isidis Sibiricae xenium*) — каталог богатейших собраний, привезенных Д. Г. Мессершмидтом в Петербург (Там же, д. 22).

щью тех инструментов, которыми располагал. Написанная им «*Historia avium*»⁵¹ («История птиц» (лат.). — *И. Т.*) в восьми томах ин-октаво, а также его путевой дневник поступили в Академию только после его смерти, однако так и не были никогда востребованы» [МИАН, 1890, с. 151–152; Миллер, 2006, с. 575–576].

Картографические материалы Д. Г. Мессершмидта стали немедленно копироваться при подготовке Генеральной карты России и карт для первого атласа Российской империи (издан в 1745 г.) в Географическом департаменте Петербургской АН. В протоколах департамента 29 ноября 1735 г. помечено, что геодезист Степан Арсеньев «продолжал копировать карту разных путей из Москвы в Тобольск, составленную Мессершмидтом» и закончил копирование 10 декабря. 2 декабря 1735 г. записано: «Мы получили из академической Канцелярии особую карту окрестностей рек Тобола, Исети, Невы и т. д. г-на Мессершмидта 1720 г.», которую 3 декабря начал копировать геодезист Корчевников и продолжил копировать Арсеньев 10 декабря 1735 г. 6 февраля 1736 г. в протоколе записано, что «г-н Делиль⁵² послал к г. Мессеру⁵³ две карты путешествия г. Мессершмидта (вместе) с копиями, которые мы с них сняли, чтобы он нанес на них надписи... Мордвинов⁵⁴ раскрашивал карту Страленберга» [цит. по: Невская, 2000, с. 164, 165, 166, 174].

Судьба Д. Г. Мессершмидта оказалась тесно переплетена с жизнью другого замечательного немецкого пиетиста и исследователя Сибири — *Георга Вильгельма Стеллера* (Steller Georg Wilhelm; 1709–1746). Г. В. Стеллер, учившийся в университетах Виттенберга (1729–1731) и Галле (1731–1734), приехал в Петербург через Данциг в 1734 г. и сразу был вхож в дом Д. Г. Мессершмидта. В их доверительных беседах, видимо, окрепло желание молодого врача и натуралиста своими глазами увидеть Сибирь и самому описать неизвестные науке уголки северо-востока Евразии. Возможно, благодаря протекции Д. Г. Мессершмидта Г. В. Стеллер устроился врачом к Феофану Прокоповичу, затем выполнял задания Медицинской канцелярии и Академии наук по каталогизации естественнонаучных коллекций, вскоре, в 1737 г. стал адъюнктом натуральной истории и ботаники Петербургской АН и в том же году был включен в состав Академического отряда Второй Камчатской экспедиции, куда он вызвался ехать сам. Незадолго до отъезда в экспедицию Г. В. Стеллер женился на вдове Д. Г. Мессершмидта Бригитте Хелене [Пекарский, 1870, с. 590, прим. 2]. «...Стеллер вступил в брак в надежде, что жена будет сопровождать его в путешествии; но она находила более удовольствия остаться в Петербурге окруженною своими обожателями» [Пекарский, 1870, с. 590, прим. 2]. Уязвленный ученый навсегда простился с семьей 13 апреля 1738 г. в Москве⁵⁵, направляясь в Казань тем же самым речным путем, как

⁵¹ Видимо, имеются в виду рукописи «*Avium in Sibiriae regno observatarii enumerationes methodo inter ornithologos recepta consignatae*» с описанием орнитологических коллекций (СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 24. 10 л.), «*Avium in Sibiriae regno*» с описаниями и рисунками птиц, а также «*Index polyglottos avium per Sibiriae Regnum observatarii*» с латинскими, русскими, татарскими и немецкими названиями птиц (Там же, д. 25. 30 л.) и 10-томная «*Ornithologicon Sibiriae*», из которой до нас дошло лишь 9 томов (Там же, дд. 8–15).

⁵² Делиль Жозеф Никола (Осип Николаевич) (1688–1768), французский астроном, географ, профессор астрономии (1725) Петербургской АН.

⁵³ Мессер Иоганн Христоф (ум. 1752), канцелярист в Академии наук.

⁵⁴ Мордвинов Дмитрий, геодезист.

⁵⁵ Содержание Бригитты Хелены Стеллер оплачивалось из экспедиционного жалованья ее мужа, которое выплачивал Сибирский приказ в Москве, о чем свидетельствуют документы за подписью президента Петербургской АН И. А. Корфа и руководителя Канцелярии И. Д. Шумахера: «Понеже доношением посланного в Камчатскую экспедицию адъюнкта Стеллера жены его Брегитты Элены объявлено, что после поески (поездки. — *И. Т.*) ево обещано от него ей, Стелерше, для оставления ее в Москве из жалованья

и Д. Г. Мессершмидт в 1719 г., во многом повторяя маршрут предшественника [Steller, 2000; 2001; Steller, Fischer, 2009]. Как известно, Г. В. Стеллер прославился как первый европейский исследователь природы Камчатки (автор «Описания земли Камчатки») и Аляски и первооткрыватель ряда ныне вымерших видов животных (к примеру, Стеллеровой коровы) и редких растений. Вместе с В. Берингом он пережил кораблекрушение и зимовал на Беринговом острове, похоронил командора и вернулся в Иркутск в 1745 г., по пути в Санкт-Петербург из-за внезапной болезни скончался в Тюмени. После смерти второго мужа его легкомысленная вдова Бригитта Хелена в третий раз вышла замуж за преподавателя корпуса императорских пажей Фрейеслебена (Freiesleben) [МИАН, 1890, с. 153; Новлянская, 1970, с. 157; Миллер, 2006, с. 576].

Сохранилась опись бумаг Г. В. Стеллера, которые после его смерти привез в Петербургскую АН его спутник во время исследования Камчатки академический живописец И. Х. Беркхан, составленная академиком С. П. Крашенинниковым в 1747 г. Из нее следует, что путешественник брал с собой в экспедицию «разные записки, наблюдения и географические карты на лоскутках покойного доктора Мессершмидта»; при этих бумагах оказалась «жалованная грамота на пергаменте Детлофа Матиса» [Пекарский, 1870, с. 605, 616].

В первой четверти XIX в. в связи со специализацией научных дисциплин часть рукописей Д. Г. Мессершмидта была передана из Архива Конференции и Библиотеки Академии наук в Азиатский музей и Императорский Ботанический сад. Возможно, к концу XVIII или началу XIX в. относятся хранящиеся в фонде ученого выдержки из дневника с 1 марта 1721 по 31 декабря 1724 гг. — «Tagebuch von Messerschmidts Sibirischen Reise» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 7. 99 л.], которые переписаны неизвестной рукой и явно готовились к печати [Архив, 1933, с. 165; Винтер, Ушман, Ярош, 1969, с. 51]. На рукописи стоит круглая печать с двуглавым орлом и надписью «Библиотека Императорского Ботанического сада». В Архив АН СССР она поступила из Библиотеки Ботанического института АН СССР в 1932 г.

С основанием Азиатского музея Петербургской АН в 1819 г. его первый директор академик Х. Д. Френ провел отбор из Конференц-архива и Библиотеки АН «бумаг, относящиеся к познанию языков, стран и народов Азии», включая материалы Д. Г. Мессершмидта, Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера и П. С. Палласа. В их числе были переводы Я. Кера и Ф. И. Страленберга на немецкий язык рукописи «Родословия тюрок» Абу-л-Гази, а также ряд рукописей Д. Г. Мессершмидта «Vocabularium polyglotton Tataricum adornatum a D. G. M. in itineribus per Sibiriam et circumjacentem Tattariam Magnam ab A. 1720 usque in ann. 17..» [современный шифр: СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 35. 27 л.], разрозненные листы рукописей с надписью на одной из обложек «Messerschmidtiana ad linguas populorum Sibiria pertinentia» [Там же, д. 39. 175 л.] и другой с обложкой «Messerschmidtiana», содержащей рисунки «старых сибирских надписей» [Там же, д. 36. 28 л.]⁵⁶ [Dorn, 1846, S. 27, 121 (№ 67–69); История, 1990, с. 142–143].

ево на пропитание ее по 200 рублей в год, о чем во Академию и аттестаты присланы от пастора Николая Вентера и доктора Дамьяна Синанеи. Того ради по указу Ея Императорскаго Величества Академия наук приказали в Сибирский приказ послать промеморию, которую требовать для такой ее необходимой нужды на пропитание выдавано было из онаго приказа на счет мужа ее жалованья по двести рублей в год, которые вычитатся имеют в тех местах, откуда он, Стеллер, жалованья получать будет. Чего ради господам профессорам послать известие. Генваря 29-го дня 1740-го году» [МИАН, 1887, с. 303; Штеллер, 1998, с. 83. См. также: МИАН, 1887, с. 165, 642–643].

⁵⁶ Согласно архивной описи, это приложения к IV рапорту: «а) Карта [Д. Г. Мессершмидта] местностей между частью р. Енисея и верхней Оби и Иртыша; таблица восточных (?) календарей; б) Словарные материалы, среди них копии иероглифов, нарисованных в каменной пещере».

Следует учитывать, что и в XVIII, и в XIX вв. рукописями академических собраний — Архива Конференции, Библиотеки, Азиатского музея, Ботанического сада и др. — ученые соответствующих специальностей пользовались порой бесконтрольно: нередко брали под расписку и уносили домой нужные рукописные материалы или даже брали их с собой в экспедиции [Тункина, 2016, с. 71–72, 367–367]. Такая практика привела к безвозвратной утрате нескольких неопубликованных работ Д. Г. Мессершмидта — целого ряда карт его собрания и 10-го тома «*Ornithologicon Sibiriae*» с записями с 30 июля 1723 г. по 22 апреля 1724 г., который в 1828 г. был утерян палеонтологом и эмбриологом академиком Х. Г. Пандером (1794–1865). Об этом сообщил Конференции президент С. С. Уваров, который уведомил министра народного просвещения А. С. Шишкова, что академик Х. Г. Пандер «взял из академической библиотеки, среди прочих трудов, неопубликованную рукопись Мессершмидта “*Ornithologica Sibirica*” vol. in 8⁰» и «*Journal de Savants*» за 1692 год, но их не вернул, сообщив, что он их «потерял». Министр предложил Конференции принять эффективные меры для того, чтобы «эти два труда были возвращены господином Пандером как можно скорее». Секретарь Конференции П. Н. Фус доложил, что переговорил с Х. Г. Пандером, который «уже делает все возможное, чтобы возместить год [французского «Журнала ученых». — *И. Т.*], которого недостает. Что касается потерянной рукописи, Конференция вынесла решение, что он должен чем-то соответствующим по значимости передать в дар академическому Музею. Это ему даст право на индульгенцию от Академии. Тем не менее утрата этого манускрипта не становится менее чувствительной. Конференция постановила сообщить об этом президенту в рапорте» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 1, д. 79, л. 59 об. (протокол заседания Конференции 23 апреля 1828 г. § 188); Новлянская, 1970, с. 160–161, прим. 90]. Том «Сибирской орнитологии» так и не был найден, и никакой дар не смог заменить потери бесценного оригинала, навсегда утраченного для науки.

Через три года, в 1831 г. в р. Лене был потоплен шестой том дневника Д. Г. Мессершмидта, взятый из Библиотеки АН виленским ученым *Егором Николаевичем Фусом* (1806–1854), прикомандированным Академией наук в качестве астронома к XI-й русской духовной миссии в Китай (1830–1832 гг.) [Баер, 1872, S. 12, Anm. 1; Литвинов, 1909, с. 178–179]. Однако само существование этого тома дневника биограф Д. Г. Мессершмидта М. Г. Новлянская поставила под сомнение [Новлянская, 1970, с. 161–162] на том основании, что в описи бумаг путешественника, составленного им самим в Иркутске 5 июня 1725 г. [Messerschmidt, 1968, S. 111] указаны дневники только за 1721–1725 гг. При той пунктуальности, которой отличался Д. Г. Мессершмидт, вряд ли бы он не зафиксировал свое путешествие из Тобольска на Уральские горные заводы и обратно: без дневника он не смог бы составить подробный подневный маршрут своего пути, зафиксированный в «*Ephemerides Itinerariae Geographicae*» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 27] и составить описание маршрута экспедиции с 1719 по 1727 г. в «*Hodogeticum*», который включен в его главную рукопись «*Sibiria perlustrata*» [Там же, д. 22, л. 16–55 об.]. Вполне возможно, что он отправил рукопись первого тома дневника за 1720 год в Санкт-Петербург вместе с Ф. И. Таббертом, которому он полностью доверял и называл «мой любезный сердечный друг» [Напольских, 2001, с. 111].

О существовании еще одного тома дневника сказано в предисловии к первому тому «Полного собрания ученых путешествий по России». Анонимный автор, видимо, непременный секретарь АН Н. И. Фус, вспоминая задачи, поставленные Петром I по изучению и картографированию России, первыми исследователями Сибири называет

Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга: «Журнал первого, составляющий *шесть томов в рукописи* [выделено мной. — *И. Т.*], хранится и доныне в Библиотеке Академии» [Полное собрание, 1818, с. VII].

Зоолог Ф. Ф. Брандт оставил краткую биографию исследователя Сибири и описание оставшихся в рукописи работ Д. Г. Мессершмидта [Brandt, 1832, S. 101–104]. Академик К. М. фон Бэр к 200-летию со дня рождения Петра Великого в составе краткого очерка географического изучения России в начале XVIII в. опубликовал сведения о биографии путешественника и краткий список рукописей Д. Г. Мессершмидта, хранящихся в Академии наук [Ваг, 1872, S. 11–13]. С дневниками Д. Г. Мессершмидта, хранившимися в Библиотеке Императорской АН, ознакомился востоковед-тюрколог и археолог, академик *Василий Васильевич (Фридрих Вильгельм) Радлов* (Radloff Friedrich Wilhelm; 1837–1918), оставивший свои пометы об их содержании (перечень археологических памятников Сибири с указанием страниц) на чистых листах путевых записок. Он впервые издал в русском переводе выдержки из дневников Д. Г. Мессершмидта и из книги Ф. И. Страленберга, навсегда вошедшие в золотой фонд отечественной археологической литературы [Радлов, 1888, с. 1–19].

Век спустя все рукописи Д. Г. Мессершмидта были возвращены в единый Архив РАН, в 1922 г. объединивший архивы административных органов Академии наук, Конференции, Правления, всех отделений, а также личные фонды членов академии и других выдающихся ученых. После «академического дела» и последовавшей за ним реформы архивного дела в АН СССР (1929–1931) в 1931–1932 гг. в академическом архиве был создан личный фонд Д. Г. Мессершмидта. В нем были собраны рукописные материалы путешественника, полученные из различных учреждений Академии наук — Кабинета инкунабулов и Рукописного отделения Библиотеки АН СССР (поступления 16 марта 1916 г., 1 мая 1930 г.), Библиотеки Ботанического сада/Ботанического института АН СССР (21 марта 1932 г.), Института востоковедения (бывшего Азиатского музея) АН СССР.

Концентрация рукописных, изобразительных и картографических материалов в академическом архиве и публикация краткого обзора фонда [Архив, 1933, с. 164–165; Каталог, с. 166–169] способствовала возобновлению внимания специалистов к неопубликованным материалам одного из первых исследователей Сибири. Фонд Д. Г. Мессершмидта был зарегистрирован в Архиве АН СССР под № 98 и суммарно описан по основным группам, затем к июлю 1939 г. обработан *Верой Федоровной Гнучевой* (1890–1942), известной своими книгами по истории экспедиционной деятельности Петербургской АН в XVIII–XIX вв. и Географического департамента Академии наук XVIII в. [Гнучева, 1940]. Сегодня фонд № 98 в СПбФ АРАН состоит из двух описей: опись 1 «Материалы экспедиции по Сибири» (1696–1729, 1964) включает 66 дел⁵⁷; опись 2 «Картографические материалы экспедиции Д. Г. Мессершмидта» (1720–1726 гг.) — 25 дел⁵⁸.

Главную ценность фонда представляют дневники путешествия в Сибирь в пяти томах на немецком языке [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, дд. 1–5]. Все, что представляло научный интерес, записывалось в «*Diarium*», демонстрируя глубокую образованность и широкий научный кругозор автора.

Передвижения Д. Г. Мессершмидта с 1718 по 1727 гг. тщательно зафиксированы в его рукописях. Самый подробный маршрут содержит «*Ephemerides Itinerariae Geographicae*» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 27, л. 1–74 об.], «*Sibiria perlustrata etc.*» [Там

⁵⁷ В оцифрованном виде опись 1 см.: <http://www.isaran.ru/?q=ru/opis&guid=3BC05A56-E94D-CA7B-9CF8-C56CF646AB03&ida=2>.

⁵⁸ В оцифрованном виде опись 2 см.: <http://www.isaran.ru/?q=ru/opis&guid=911C7CEB-5210-759F-45D2-FA68A6CF7632&ida=2>.

же, д. 22, л. 16 об.–55 об.], описание маршрута экспедиции с 1 марта 1719 г. (отъезд из Санкт-Петербурга) по 27 марта 1727 гг. (возвращение в северную столицу) представлено в «Hodogeticum seu Consignationes susceptorum per Sibirias etc.» [Там же, д. 22, л. 16–55 об.] и др. Благодаря этим документам возможно реконструировать поездки Д. Г. Мессершмидта с точностью до дня.

До нас дошли переплетенные в два тома донесения («Relationes») в Аптекарскую/Медицинскую канцелярию, отправлявшиеся на всем протяжении путешествия Д. Г. Мессершмидта (с I-го рапорта от 13 апреля 1719 г., из Москвы, по XXII-й от 2 марта 1727 г., из Москвы). Рапорты написаны на немецком языке и, как правило, включают массу приложений [Там же, дд. 21, 32, 36–37]. Сохранились также «извлечения из рапортов и полученных инструкций» и копии рапортов [Там же, д. 21, л. 74–172], а также другая научно-организационная переписка по экспедиции, которая включает рукописи Г. Стеллера и И. Г. Гмелина [Там же, д. 20–21].

При работе с фондом исследователям очень поможет перечень рапортов, инструкций и указов «Tableau der Fonctions = Correspondence», составленный самим Д. Г. Мессершмидтом [Там же, д. 22, л. 7–8].

Важнейшими источниками об организации и проведении экспедиции являются русскоязычные документы [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, дд. 31–34, 43], в том числе переплетенный «журнал» писарских копий официальных документов экспедиции на русском языке. Его крайние даты — 15 ноября 1718 г. по сентябрь 1728 г. [Там же, д. 32. 202 л.; Пекарский, 1862, с. 351–353, 356–359; Новлянская, 1970, с. 161; Соболев, 2012; 2013]. «Журнал» включает копии всех русскоязычных документов экспедиции — в дневнике путешественника он именуется «acta curialia russica» [Messerschmidt, 1962, S. 266, 267; Мессершмидт, 2012, с. 105]. «...Несмотря на сухость подобного рода материалов, в этом собрании есть не мало любопытных черт, характеризующих и время, и положение ученого, занимавшегося в отдаленном крае наблюдениями и исследованиями чисто научными», — подчеркивал П. П. Пекарский [1862, с. 351].

Д. Г. Мессершмидт, не знавший русского языка, в ходе поездки вынужден был кое-как его выучить, причем, видимо, не только элементарный разговорный, но и в минимальном объеме письменный. В дневнике экспедиции периодически встречаются записи отдельных слов на кириллице, а не только латиноязычная транскрипция топонимов, имен собственных и каких-либо терминов. 2 апреля 1722 г. доктор сообщал сибирскому губернатору, что по указу царя о возврате шведских пленных на родину ему придется в мае «отпустить» Ф. И. Табберта и К. Г. Шульмана в Тобольск. «Да мне же дан из Тобольска от Вашей светлости прусской земли прирождением Петр Матвеев сын Крац, и онаго Петра Матвеева удержал я у себя, для того что русского языку я не знаю, и переводчика при мне иного никого нет, кроме онаго Краца» [Пекарский, 1862, с. 357].

При временном отсутствии переводчика по каким-либо причинам Д. Г. Мессершмидт зачастую сам вынужден был составлять и копировать русскоязычные документы, которые он предусмотрительно тщательно собирал, копировал и пронумеровывал, а уже в Санкт-Петербурге отдал в переплет. 19 мая 1722 г. Ф. И. Табберт записал в экспедиционном дневнике, что «господин доктор в отсутствие русского переводчика вынужден был сам писать по-русски ответ, с чем все-таки справился» [Messerschmidt, 1962, S. 219; Мессершмидт, 2012, с. 69]. 13 июля 1722 г. Д. Г. Мессершмидт отметил, что получил два указа из Енисейской канцелярии и Красноярского приказа. «Так как я в русском языке очень слаб и должен был вести переговоры через переводчика, я весь день изучал содержание указа. После этого я сделал копию с него, чтобы потом перевести его лучше и составить ответ как следует, вследствие этого день был потерян». 15 июля док-

тор записал, что вынужден был занести собственноручно в журнал «*acta curialia russica*» свой ответ от 14 июля, причем заставил малограмотного служивого Федора Озарева читать по складам каждое слово, чтобы при письме Д. Г. Мессершмидт не смог перепутать буквы [Messerschmidt, 1962, S. 266–267; Мессершмидт, 2012, с. 104, 105].

«Журнал» русскоязычных документов включает копии царских указов, предписаний центральных и местных органов власти, рапорты Д. Г. Мессершмидта в Аптекарскую (Медицинскую) канцелярию, сибирскому губернатору и в местные органы управления и др. Поэтому утверждение биографа Д. Г. Мессершмидта М. Г. Новлянской, что немецкий ученый «не имел никаких правительственных распоряжений, которые предписывали бы местной администрации оказывать ему помощь и содействие во время его путешествия по стране» [Новлянская, 1970, с. 10], на мой взгляд, является некорректным, во всяком случае на первом этапе его исследований — это доказывают процитированные документы. Они позволяют проследить, как изменялись и уточнялись задачи многолетней экспедиции по мере продвижения вглубь территории России, содержат сведения об обширной собирательской работе ученого, способах передвижения в ходе экспедиции и вариантах доставки корреспонденции и собранных коллекций в Петербург. Эти материалы, безусловно, требуют скорейшего ввода в научный оборот.

В фонде представлены неизданные научные труды Д. Г. Мессершмидта, в частности, по орнитологии [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, дд. 17, 24, 24], в их числе огромный труд о сибирских птицах — девять томов рукописи «*Ornithologicon Sibiriae*» [Там же, дд. 8–16], а также материалы по ботанике [Там же, д. 19, 29, 30], сибирской ихтиологии [Там же, д. 18. 49 л.], географии [Там же, дд. 26–28, 36], минералогии [Там же, дд. 29–30], метеорологические наблюдения, данные барометрических измерений и пр., записи и рисунки по лингвистике [Там же, дд. 35–37, 39], археологии [Там же, д. 37] и т. д.

Особый интерес представляет главный труд Д. Г. Мессершмидта, и по сей день остающийся неизданным, — «*Sibiria perlustrata, etc.*» («Описание Сибири»). Рукопись датирована 1728 г. и посвящена автором императору Петру II [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22. 394 л.]. В этом итоговом труде Д. Г. Мессершмидт систематизировал и обобщил результаты своих сибирских исследований в разных областях науки. Его полное название в русском переводе «Описание Сибири, или Реестр образцов трех царств природы, наблюдаемых в течение восьмилетнего путешествия по Сибири, Киргизии, Тунгусии, Самоедии, Бурятии, Даурии и т. д., вместе с Даром Сибирской Исиды, или Каталогом почти 1800 естественнонаучных предметов, извлеченных и доставленных из глубины Сибири, сопровождаемое некоторыми рисунками: к этому прилагаются памятники неизвестной доселе древности и подземные памятники, вырытые из старинных погребальных курганов преимущественно Киргизии, схематично зарисованные и кратко описанные; с маршрутом, или погодными записями Сибирского путешествия, помещенной во вводной части труда и проиллюстрированной: некоторыми таблицами с описаниями местности и разными другими изображениями и кроме того, широтами 332 мест и т. д. Трудом и усердием Даниила Готтлиба Мессершмидта из Гданьска, доктора медицины, до сих пор скитавшегося по Сибири» [Басаргина, 2013, с. 288].

Рукопись структурирована на три части: первая — материалы по физической географии (*Geographico-Physicus*); вторая — растительный и животный мир, минералы (*Physico-Medicinalis*), с описаниями новых сибирских видов, дополненный разделом «Дар Сибирской Исиды» (*Isidis Sibiricae xenium*) — каталог богатейших собраний, привезенных Д. Г. Мессершмидтом в Петербург; третья озаглавлена «*Philologico-Historico-Monimentario et Antiquario-Curiosus*» («Любопытные филолого-исторические памятники и древности»). Она содержит записи слов языков народов Сибири, сведения о некото-

рых восточных рукописях, а также фиксацию памятников археологии Сибири. Из упомянутых в оглавлении 58 рисунков в рукописной книге приведены только 35, из которых изданы лишь отдельные листы [Басаргина, 2013].

Отдельной темой исследования историков географии и картографии должно стать выявление русских и иностранных источников картографических материалов, отложившихся в фонде Д. Г. Мессершмидта. Карты и наброски планов главным образом собраны в описи 2. Многие материалы являются копиями русских картографических документов, в том числе крайнего Востока Азии от Амура до Камчатки и Чукотки. Ряд последних А. И. Андреев приписал С. У. Ремезову [Андреев, 1965, с. 32–44]. При знакомстве с рукописными картами фонда становится очевидно знакомство Д. Г. Мессершмидта, скорее всего через посредство Ф. И. Табберта, с картами тобольского картографа (на ряде карт в латинской транскрипции им были скопированы надписи с русских карт). До нас дошли копии чертежей и карт других информаторов Д. Г. Мессершмидта, прежде всего иностранцев на русской военной службе. Среди них карта «Якутского уезда», возможно, полученная им от армейского лейтенанта Берга [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 2, д. 9], схематический чертеж от 4/15 февраля 1726 г. р. Оби с Иртышом, где показаны Самаров-Ям (ныне часть Ханты-Мансийска) и Белогорский городок, составленный с какого-то русского (?) первоисточника и упоминанием лейтенанта Рудольфи [Там же, д. 16] и др. Изучение карт из фонда Д. Г. Мессершмидта в последние годы начали новосибирские специалисты по истории картографии, составляющие сводный каталог дореволюционных карт Сибири, а также заведующая отделом картографии Библиотеки РАН О. А. Красникова.

ГЛАВА IV. «МЕШОК С ЗОЛОТОМ»: ИЗУЧЕНИЕ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА В XVIII – НАЧАЛЕ XXI В.

4.1. Попытки издания рукописей Д. Г. Мессершмидта в XVIII–начале XXI вв.

Немецкий биограф Д. Г. Мессершмидта Э. Винтер был убежден, что возвращение Д. Г. Мессершмидта из Данцига в Санкт-Петербург 20 сентября 1731 г. было крайне невыгодно академикам Петербургской АН, которые приступили к изучению собранных путешественником материалов, «сидели на этом мешке с золотом и пользовались этим богатством» [Винтер, 1971, с. 11]. Издатели дневников первооткрывателя Сибири, суммарно характеризуя его архивное наследие, отметили, что «многие поколения исследователей, рылись, как в копиях, в этих документах, однако почти ничего из научных достижений Мессершмидта не было опубликовано под именем автора» [Винтер, Ушман, Ярош, 1969, с. 51].

Еще при жизни Д. Г. Мессершмидта его языковедческие материалы стал изучать филолог, историк и востоковед-синолог, профессор греко-римских (1725) и восточных (1734) древностей, академик *Готлиб Зигфрид* (в латинском варианте *Теофил Зигфрид*) *Байер* (Bayer Gottlieb (Theophil) Siegfried; 1694–1738). Основной сферой его интересов была синология, причем после переезда в Россию дополнительные сведения о Китае он получал от шведа, русского дипломата Лоренца Ланга, переписывался с Ф. И. Страленбергом после возвращения его в Швецию, поддерживал отношения с Феофаном Прокоповичем, которому посвящен его главный труд «*Museum Sinicum*» (Petropli, 1730–1731). Востоковед занялся в Петербурге маньчжурским, монгольским (калмыцким), «тангутским» (тибетским), «браминским» (санскрит), китайским языками [История, 1990, с. 51–55]. Его также заинтересовал дравидский язык, причем с 1730 г. он интен-

сивно переписывался по этому вопросу со своим учителем, французским ориенталистом, лингвистом М. В. де Лакрозом, профессором Французского коллежа в Берлине. В их переписке основное внимание сосредоточено на рукописи Д. Г. Мессершмидта «на 8 листах тонкой бумаги, посвященной браманским, тангутским и монгольским знакам письменности» [Винтер, 1971, с. 11]. Этот сюжет отражен в отдельной работе Г. З. Байера на латинском языке [Bayer, 1732; 1735], представленной Конференции 8 декабря 1730 г. [Протоколы, 1897, с. 34]. Он же перевел на латинский язык главу «Родословной тюрков» Абу-л-Гази, включающую экскурс в грамматику тюркских языков [Пумпян, Федосеева, 1993, с. 26–27].

Подготовку к изданию ботанических материалов Д. Г. Мессершмидта в соответствии с распоряжением академического руководства начал швейцарский ученый, ботаник и врач, академик (с 1733 г.) *Иоганн Амман* (Amman Johann; 1707–1741), приехавший в Петербургскую АН для реализации «лучшей на всем свете возможности обнаружить какие-либо редкие натуралии из Сибири и из всей России» [Driessen-van het Reve, 2006, р. 246–247; Дриссен-ван хет Reve, 2015, с. 253]. Он стал хранителем коллекции растений Кунсткамеры, помощником (заместителем) И. Д. Шумахера и занялся систематизацией гербариев своих предшественников из сборов Д. Г. Мессершмидта, И. Г. Гмелина и Г. В. Гейнцельмана [Пекарский, 1870, с. 493, 497]. Эти материалы были изданы под названием «*Stirpium Rariorum in Imperio Rutheno sponte provenientium icones et descriptiones*» (Рисунки и описания встречающихся в Российской империи диких редких растений). Для этого ботанического труда в 1739 г. по рисункам «редчайших трав», исполненным в том числе в экспедиции Д. Г. Мессершмидта, в Гравировальной палате Петербургской АН были гравированы 35 таблиц [Гравировальная палата, 1985, с. 14, 203, 206]. Книга включает сведения о 285 сибирских растениях. И. Амманом были опубликованы лишь эксцерпты в латинском переводе из немецкоязычных текстов дневника Д. Г. Мессершмидта — описания 123 видов растений [Ammani, 1739; Новлянская, 1970, с. 165], а также исследование Д. Г. Мессершмидта о бактрийском верблюде [Ammani, 1747]. Издание «Сибирской орнитологии» Д. Г. Мессершмидта, которое планировал И. Амман, не состоялось из-за кончины ученого в 1741 г. [Новлянская, 1970, с. 167].

Биограф Д. Г. Мессершмидта М. Г. Новлянская соотносит первые попытки руководства Академии наук издать дневники и другие неопубликованные труды путешественника с началом 1769 г., но, судя по протоколам Конференции АН, этот вопрос на заседаниях не обсуждался. Конференц-секретарь И. А. Эйлер запросил мнение находившегося в экспедиции крупнейшего естествоиспытателя, академика *Петера Симона Палласа* (Pallas Peter Simon; 1741–1811) о возможности издания материалов Д. Г. Мессершмидта. В ответном письме от 28 мая 1769 г. П. С. Паллас рекомендовал воздержаться от публикации из-за трудностей, связанных с воспроизведением рисунков, пострадавших от частого использования дневника: «Я просмотрел его, насколько мне позволило краткое время, за месяц до моего отъезда. Во всяком случае он содержит множество важных сведений и даже много более полезных описаний, чем большая часть описаний путешествия Гмелина⁵⁹. Однако требуется искусное перо и большое терпение, чтобы подготовить хорошие и пригодные для печати выдержки из этого дневника» (СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 3, д. 39, л. 53; Цит. по: Новлянская, 1970, с. 167–168).

Много позднее П. С. Паллас в собственном журнале «*Neue Nordische Beiträge*» издал фрагменты текста дневника Д. Г. Мессершмидта за 1723, 1724 и 1725 гг. [Pallas, 1782]. Публикацию дневниковых записей предваряет биография Д. Г. Мессершмидта, сведения о его рукописях в Петербургской АН и маршруте экспедиции в Сибирь [Ibid,

⁵⁹ Речь идет о кн.: Gmelin, 1751.

S. 97–104]. За 1723 г. опубликованы фрагменты о путешествии водой от Мангазеи (Турханска) вверх по Нижней Тунгуске (против течения) с 24 июня по 20 сентября 1723 г. [Ibid, S. 105–121]. Главную часть в публикации занимает описание Даурии 1724 г.: «D. Daniel Messerschmidts Reise in Daurien im Jahr 1724» [Ibid, S. 121–130] — путешествие водой от Читинского острога к Нерчинску с 26 июня до 22 июля 1724 [Ibid, S. 121–124]; путешествие из Нерчинска через степь к Аргунскому заводу с 14 августа по 6 сентября 1724 г. [Ibid, S. 124–130], путешествие по степи из Аргунского или Нерчинского завода к оз. Далай-Нор с 6 до 17 сентября 1724 г. [Ibid, S. 130–135], от Далай-Нора к Читинскому острогу на р. Ингода с 18 сентября 1724 г. до 25 января 1725 г. [Ibid, S. 135–147]. За 1725 г. опубликованы записи о пути по течению р. Кеть до впадения ее в Обь у Нарыма с 16 августа по 22 сентября [Ibid, S. 147–152], путешествии водой по Оби от Нарыма до Иртыша с 24 сентября до 19 октября [Ibid, S. 152–159]. Издание П. С. Палласа осуществлено по не вполне точным эксерптам, сделанным померанским немцем *Иваном Ивановичем (Иоганном Готтлибом) Георги* (Georgi Johann Gottlieb; 1729–1802), химиком, медиком, этнографом и путешественником, тогда адъюнктом по химии (1776), затем ординарным академиком (1783) Петербургской АН. «Выдержки, сделанные мною из его (Мессершмидта. — *И. Т.*) дневника, находятся в “Neue nordische Beiträge”», — писал И. И. Георги [Georgi, 1797, S. 52].

Необходимость публикации экспедиционных материалов Д. Г. Мессершмидта вновь обсуждалась в Академии наук 21 февраля 1818 г. 12 января 1818 г. президентом Петербургской Академии наук был назначен С. С. Уваров, который выдвинул инициативу по изданию на русском языке «Полного собрания путешествий членов Академии наук по России». Так как большинство академиков XVIII в. являлись немцами, их труды публиковались и в России, и в Европе на немецком языке. Русская общественность имела довольно смутное представление о достижениях и важнейших научных заслугах академических экспедиций Петербургской АН, поэтому С. С. Уваров предложил издать русские переводы основных книг, охватив три периода, — с 1733 по 1755, с 1768 по 1775, с 1780 по 1795 гг. Книги предполагалось издавать с примечаниями, объяснениями и дополнениями, каждая публикация должна была предваряться биографией ученого-путешественника, стоявшего во главе экспедиции. Для реализации проекта был создан Издательский комитет, состоящий из редактора — минералога и химика академика В. М. Севергина, и двух академиков-помощников — анатома, физиолога, медика П. А. Загорского и естествоиспытателя, переводчика А. Ф. Севастьянова. Комитет под руководством президента должен был составить хронологию экспедиций, отобрать нужные книги, сделать переводы текстов путешествий, которые еще не публиковались на русском языке, поправить стиль, держать корректуры и издать тома «Полного собрания ученых путешествий по России». Для проверки географических наименований и их современных названий С. С. Уваров рекомендовал за справками обращаться к астроному, академику В. К. Вишневскому. Президент просил академиков сообщать редактору свои замечания, которые могли бы улучшить издание.

Секретарь Конференции АН Н. И. Фус предложил сначала издать план-проспект серии, которая могла бы распространяться по подписке, с целью представить новый издательский проект общественности и оценить приблизительный тираж, чтобы не понести больших издержек на типографские расходы. Конференция одобрила эти предложения с условием, что проект следует отложить до выхода в свет первого тома — до тех пор, пока издание не привлечет внимание публики и не разойдется первый том, а также предложить его библиотекам с соответствующими скидками. Конференция распорядилась, чтобы Издательский комитет приступил к подготовке

серии, а также, чтобы Конференц-архив предоставил редактору Издательского комитета все необходимые документы о путешествиях, которые обнаружатся и которые Комитет сочтет полезным.

На том же заседании Конференции академик А. Ф. Севастьянов зачитал свои предложения о составе серии. Он считал, что стоит начать с путешествия С. П. Крашенинникова, «было бы также хорошо перевести путешествие Стеллера, опубликованное в “*Neue nordische Beiträge*”, и записки о путешествии Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (предшествующего всем прочим путешествиям)». «Все прочие путешествия, которые г-н Севастьянов предлагает перевести, уже включены в план, составленный президентом», — записано в протоколе [СПбФ АРАН, ф. 1. оп. 1, д. 69, л. 37 об.–39, § 88–89; оп. 1а (1818), д. 29, л. 28–29, § 88–89]. Таким образом, А. Ф. Севастьянов предлагал перевести опубликованные эксерпты П. С. Палласа и И. Г. Георги из рукописей Д. Г. Мессершмидта [Pallas, 1782], но его предложение не было принято — во-первых, путешествие Д. Г. Мессершмидта формально не было академическим; во-вторых, хронология его экспедиции не вписывалась в предложенные С. С. Уваровым рамки, ограниченные началом Второй Камчатской экспедиции В. Беринга в 1733 г. В результате серия «Полное собрание ученых путешествий по России» открылась изданием «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова [Полное собрание, 1818].

Почти 90 лет спустя, осознавая необходимость издания материалов Д. Г. Мессершмидта, 6 октября 1901 г. Конференция (Общее собрание) Императорской АН рассмотрела докладную записку директора Геологического музея АН академика Ф. Б. Шмидта и филолога-ираниста, библиотекаря II Отделения Библиотеки АН академика К. Г. Залемана, подготовленную геологом и палеонтологом, старшим ученым хранителем Геологического и Минералогического музея Императорской АН *Иннокентием Павловичем Толмачевым* (1870–1951). В записке дана характеристика работ Д. Г. Мессершмидта «для географии, особенно исторической, для археологии и естественной истории Сибири» и высказано мнение о целесообразности издания полевых материалов, хранящихся в Библиотеке АН, которые были доступны «в рукописи только очень небольшому числу лиц» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 1(1901), д. 211, л. 53–53 об. ОС. § 137; л. 66–67; приложение 3]. В качестве примера И. П. Толмачев привел тот факт, что к 1860-м гг. из 32 определений широт, сделанных в 1722 г. Д. Г. Мессершмидтом по течению Нижней Тунгуски, было «исправлено» местоположение только одного пункта, причем значительное число пунктов, координаты которых были определены путешественником, так и не были проверены другими исследователями. Следовательно, вычисления Д. Г. Мессершмидта спустя полтора века оказались единственными, в их числе подробно описанные им пункты в Ачинском и Минусинском округах Енисейской губ. [Там же, л. 66 об.].

3 ноября 1901 г. академики Ф. Б. Шмидт и К. Г. Залеман доложили Общему собранию Императорской АН, что в бумагах Д. Г. Мессершмидта ими «найден много новых материалов, по рассмотрении которых и будут представлены соображения об издании этих памятников» [Там же, л. 69 об.]. По поручению академика К. Г. Залемана была «начата переписка» первого тома дневника Д. Г. Мессершмидта, «чтобы не давать в типографию подлинную рукопись» [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 1 (1919), д. 241, л. 115 об.]. Именно к этому периоду — началу XX в. — относятся каллиграфические копии путевых дневников, подлинники которых включают двенадцать переплетенных тетрадей объемом около 3 тыс. страниц [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, дд. 43–56], сохранившиеся в фонде Д. Г. Мессершмидта. Однако смерть академиков Ф. Б. Шмидта в 1908 г. и К. Г. Залемана в 1916 г. поставила точку на планах издания.

Наибольшую активность в изучении рукописного наследия Д. Г. Мессершмидта в начале XX века проявили ботаники. К примеру, Д. И. Литвинов в своей знаменитой «Библиографии флоры Сибири» представил рефераты рукописей Д. Г. Мессершмидта [Литвинов, 1909, с. 177–181]. В юбилейном трехтомном издании «Императорский Санкт-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования (1713–1913)» В. И. Липский [Ч. 1, с. 77–79] и Г. А. Надсон [Ч. 2, с. 94] по рукописям проанализировали ботанические исследования Д. Г. Мессершмидта.

До революционного 1917 г. И. П. Толмачев смог опубликовать единственную статью об экспедиции Д. Г. Мессершмидта, проследив его маршрут по р. Томи и на Уйбатскую степь [Толмачев, 1909]. Свое ходатайство об издании рукописей пионера сибирских научных исследований, впервые обнародованное в 1901 г., он возобновил в голодном и холодном Петрограде, во время Гражданской войны, 5 февраля 1919 г. на заседании Отделения физико-математических наук РАН. В то время ученый являлся руководителем Комиссии по изучению и практическому использованию производительных сил Севера в Москве. Новую записку И. П. Толмачева доложил временно исполняющий обязанности директора Геологического и минералогического музея, президент РАН А. П. Карпинский (Толмачев первым браком был женат на дочери А. П. Карпинского). Автор обратил внимание коллег на тот факт, что летом 1918 г. революционные потрясения привели к гибели эвакуированного из Петрограда в Ярославль архива Главного Гидрографического управления. Эта трагедия, по убеждению И. П. Толмачева, должна заставить ученых задуматься о первостепенности издания архивных первоисточников по истории науки: «Печальные события последнего времени не дают той уверенности, какая была раньше, в действительной сохранности наших собраний и заставляют желать скорейшего издания наиболее ценных памятников». И. П. Толмачев предлагал расширить проект и приступить «к планомерному изданию первоисточников — старинных географических и естественно-исторических материалов», находящихся в распоряжении Академии наук и ее учреждений, и просил административное руководство РАН добиться выделения денежных средств как на издание, так и на подготовительную работу с учетом того, что следует обязательно оплатить работу редакторов, корректоров, составление научных комментариев и пр. Присутствовавший на заседании неменный секретарь РАН С. Ф. Ольденбург доложил, что рукописи Д. Г. Мессершмидта тогда находились в эвакуации в Саратове⁶⁰, и просил удостовериться, сняты ли копии со всех томов дневника, так как «набор, очевидно, не может производиться с оригиналов». Непременный секретарь подчеркнул, что при всей важности издания материалов Д. Г. Мессершмидта «нельзя ожидать их скорого издания при современной типографской разрухе». Отделение постановило передать записку И. П. Толмачева Издательской комиссии РАН [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 1 (1919), д. 241, л. 115 об.—116: 2 засед. ФМО. 5 февр. 1919 г. § 70].

Однако Гражданская война, и, как следствие, тяжелейшее экономическое положение России в целом и Академии наук в частности сделало публикацию невозможной. К тому же в начале 1920-х гг. инициатор издания И. П. Толмачев переехал во Владиво-

⁶⁰ В связи с продвижением немецких войск к Петрограду в годы Первой мировой войны наиболее ценные материалы Рукописного отделения Библиотеки, Архива Конференции, Азиатского музея РАН, Археографической комиссии и Петроградского университета 10 октября 1917 г. в четырех вагонах товарного поезда были эвакуированы в Саратов (всего 310 ящиков весом 2500 пудов). Документы из Саратова были частично возвращены в Петроград лишь 19 декабря 1920 г., причем их возврат продолжался вплоть до лета 1921 г. [Тункина, 2016, с. 415–418].

сток, работал в Дальневосточном геологическом комитете, а в сентябре 1922 г. эмигрировал в Питтсбург (США), где занял должность ученого хранителя Музея Карнеги и стал профессором геологии Питтсбургского университета.

В 1926 г., после возвращения академика В. И. Вернадского в Ленинград из заграничной командировки, возобновила свою работу Комиссия по истории знаний (КИЗ) АН СССР, созданная им в 1921 г. Комиссия разработала программу изучения истории отечественной науки [В.И. Вернадский, 2013]. На базе КИЗ в 28 февраля 1932 г. был создан Институт истории науки и техники АН СССР, правопреемником и продолжателем деятельности которого является Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. 21 декабря 1931 г. на заседании КИЗ с докладом «История изучения леса в Академии наук» выступил *Владимир Павлович Таранович* (1874–1941), библиограф-китаист, юрист, экономист и историк науки. В послереволюционные годы он являлся научным сотрудником Комиссии по изучению естественных производительных сил РАН/АН СССР и с 1924 г. Института народного хозяйства, преподавателем высших торгово-промышленных курсов и научным сотрудником Лесного музея АН СССР. Исследования документов в Архиве РАН по ранней истории российской науки привели В. П. Тарановича к теме изучения экспедиционной деятельности Академии наук, становления востоковедческих штудий, а также переписки российских академиков с зарубежными учеными, в частности с пекинскими иезуитами в XVIII в. В своем исследовании об истории академических экспедиций в Сибирь и их роли в развитии лесных знаний он вновь поднял вопрос о необходимости издания рукописного наследия Д. Г. Мессершмидта [Таранович, 1933, с. 177–178; Таранович, 2013, с. 487–488].

Однако историки естествознания ограничились лишь призывами к публикации рукописей Д. Г. Мессершмидта. Трудоемкую работу по копированию и переводу текстов на русский язык в 1935 г. взяли на себя сотрудники старейшего академического учреждения — Института антропологии, археологии и этнографии (Кунсткамеры) АН СССР, куда поступили коллекции Д. Г. Мессершмидта. Переводчиками с немецкого и латинского языков выступили юрист и библиограф *Екатерина Александровна Лаппа-Старженецкая* (1884/1886?–1971), переводчица *Елизавета Васильевна Лаврова-Болдырева* (1871–1942), мать востоковеда А. Н. Болдырева (1896–1941), предисловие к первому тому должен был написать лингвист, этнограф-сибиревед, тунгусовед Ян (Яков) Петрович Алькор (настоящая фамилия Кошкин, 1900–1938), вводную статью — директор Библиотеки АН СССР Иннокентий Иванович Яковкин (1881–1949). Как издание вне плана и серии к печати была подготовлена рукопись перевода «Д. Мессершмидт. Путешествие по Сибири. Т. 1» («объем 25 а. л., около 340 стр. оригинала, 5 карт, цветные 3 или 5 карт, 30 черно-белых илл., с приложением рапортов объемом 3 п. л.»). Согласно паспорту рукописи, она была представлена на утверждение Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР директором Музея антропологии и этнографии академиком И. И. Мещаниновым, рецензентом выступил географ, будущий академик Л. С. Берг. Работа должна была поступить в РИСО к 1 января 1937 г. [СПбФ АРАН, ф. 18, оп. 2, д. 803, л. 1, 11]. Но в годы сталинского террора издание не состоялось — в 1937 г. был арестован Я. П. Алькор, и незавершенный проект был закрыт [Тункина, 2013, с. 241–242]. «Подготавливаемое с 1935 г. Институтом этнографии АН СССР издание дневников Мессершмидта приостановилось на первом томе, который уже несколько лет лежит в рукописи», — писал А. И. Андреев [1965, с. 40, сн. 33].

Первоначальный план издания был гораздо шире и включал целых *три тома*. *Первый том* планировался объемом 42 а.л. и должен был включить:

1. Вступительные статьи.
2. Перевод «Журнала путешествия из Тобольска, столицы Сибири, через Тару, Томск и дальше по Сибирскому царству» (1 марта 1721 г.— 16 июня 1723 г., записи в дневнике вел Ф. И. Табберт, перевод сохранился в архиве МАЭ).
3. Рапорты Д. Г. Мессершмидта в Медицинскую канцелярию с I до XII.
4. Письма Д. Г. Мессершмидта за период с 1716 по 1718 г. (переписка с лейб-медиком Р. К. Арескиным, письма И. Ф. Брейна).
5. Документы на русском языке, относящиеся к периоду пребывания Мессершмидта в России (официальные документы по отправке Д. Г. Мессершмидта в Сибирь, переписка с И. Д. Блюментростом, Л. Л. Блюментростом, И. Д. Шумахером, рапорты, доношения, промемории, переписка с Медицинской канцелярией и губернаторами во время сибирской экспедиции).

Том должен был включать научные комментарии и указатели и иллюстрироваться рисунками и картами.

Второй том объемом 48,5 а. л. должен был включить:

1. Продолжение «Журнала путешествия»: от Мангазеи (16 июня 1723 г.) до «подведения итогов путешествия».
2. Подробные описания животных и сводки работ по месяцам.
3. Рапорты Мессершмидта в Медицинскую канцелярию с XIV по XVI.
4. Документы, относящиеся к этому периоду путешествия.
5. Указатели, рисунки и карты.

В состав *третьего тома* предполагалось включить:

1. Продолжение перевода «Журнала путешествия» вплоть до 31 декабря 1726 г.
2. Материалы, относящиеся к этому периоду путешествия и к дальнейшему пути от Климова до Москвы и Санкт-Петербурга, документы по аресту коллекций Медицинской канцелярией и передаче их в Кунсткамеру (переписка Г.Ф. Миллера, И. Шеффера, К. Я. Гельвига и др. с Д. Г. Мессершмидтом).
3. Подробный маршрут (в оригинале), таблица с 332 названиями пунктов путешествия и другие приложения.
4. Комментарии и указатели, в качестве иллюстраций — карты.
5. Статьи специалистов с описанием наследия Д. Г. Мессершмидта [Копанева, 2015, с. 100–101].

Неизданные переводы дневников с 1930-х гг. хранятся в Научном архиве Музея антропологии и этнографии (Кунсткамере) им. Петра Великого РАН [НА МАЭ РАН, ф. К-III, оп. 1, дд. 4–9]. Сохранились переводы части рукописи дневника Мессершмидта (машинопись), рапортов и писем, которые должны были войти в первый и частично во второй том, оставшиеся в рукописном виде в ученических тетрадах. Полностью отсутствует научный комментарий, т. к. инициаторы издания А.И. Андреев и С.В. Бахрушин занимались подготовкой к печати «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера [Миллер, 1937–1941].

Сегодня неизданные переводы из архива МАЭ РАН готовит к печати Н. П. Копанева, автор статьи об этом нереализованном проекте и серии исследований о Д. Г. Мессершмидте. Для завершения начатой в 1935 г. работы необходима археографическая подготовка текстов, а также составление научного комментария и системы указателей [Копанева, 2015, с. 103].

В 1960 г. Институт истории естествознания и техники АН СССР и Германская АН в Берлине (в 1972–1989 гг. — АН ГДР) приступили к совместному изданию путевого дневника Д. Г. Мессершмидта (январь 1721–декабрь 1726 гг.) на языке оригинала в пяти томах, в серии «*Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas*» [Messerschmidt, 1962–1977], «правда, в сокращенном виде и без учета всего наследия Мессершмидта» [Винтер, 1971, с. 14]. Инициатору проекта историку-слависту и крупнейшему историку науки, бывшему ректору Галле-Виттенбергского университета (1948–1951), профессору Берлинского университета им. А. Гумбольдта (1950–1966) академику *Эдуарду Винтеру* (1896–1982) помогали специалисты из разных городов ГДР, в том числе славист, сотрудник сектора истории славянских народов Института истории Германской АН в Берлине *Гюнтер Ярош* (1914–1991), историки естествознания, профессор зоологии Иенского университета *Георг Ушман* (1913–1986) и ботаник *Дорис Поссельт*. На начальном этапе содействие проекту оказывал директор Института истории естествознания и техники АН СССР в 1956–1962 гг., химик и историк науки, профессор Н. А. Фигуровский (1901–1986). В фонде Д. Г. Мессершмидта сохранились материалы для этого издания — машинописные копии дневников с правкой и корректуры берлинского издания [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, дд. 57–66]. Здесь же хранится переписка Г. Яроша по изданию за 11 августа–14 декабря 1964 гг. и письма без даты [Там же, д. 63].

Э. Винтер вспоминал, что в 1956 г. по совету заведующей читальным залом Архива АН СССР в Ленинграде М. В. Крутиковой он впервые ознакомился с рукописным наследием Мессершмидта [Винтер, 1971, с. 13] и понял необходимость его скорейшего издания. Истории подготовки к печати дневников Д. Г. Мессершмидта посвящен ряд публикаций [Uschmann, 1963; Винтер, Ушман, Ярош, 1969; Винтер, 1971]. Первая часть публикации дневника содержит содержательное предисловие с биографией Мессершмидта и краткой характеристикой его вклада в науку, подписанное двумя авторами — Э. Винтером и Н. А. Фигуровским [Winter, Figurovskij, 1962], но в действительности написанное только первым из них [Jahn, 1995, S. 212], публикацию текста дневника с 1 марта 1721 г. (путь из Тобольска до Тары) до 9 октября 1722 г. (путешествие из Саянского острога по Енисею к Красноярску); указатели имен и географических названий, рис. 1–9 (из них рис. 1–6 с рисунками археологических памятников Южной Сибири) и карту с реконструкцией путешествия Мессершмидта 1721–1722 гг. [Messerschmidt, 1962]. Вторая часть содержит текст с 1 января 1723 г. (второе пребывание в Красноярске) по 6 мая 1724 г. (дальнейшее пребывание в Удинске), рис. 10–31, карту с реконструкцией путешествия 1723–1724 гг. [Messerschmidt, 1964]. Третья часть включает дневник 7 мая 1724 г. (путь из Удинска в Западную Даурию) — 23 февраля 1723 г. (зимовка в Читинске), рис. 32–46, карту реконструкции путешествия 1724–1725 гг. [Messerschmidt, 1968]. Четвертая часть включает текст дневника 24 февраля 1725 г. (путь на санях от Читинска к Удинску) — 10 ноября 1725 г. (путь на санях к Самарову-Яму), рис. 47–58 и карту с реконструкцией пути 1725 г. [Messerschmidt, 1968]. Заключительная пятая часть, посвященная 250-летию возвращения Д. Г. Мессершмидта из сибирского путешествия, вышла из печати в год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Она включает указатель содержания всех пяти частей, в хронологическом порядке записей путешественника, публикацию подготовленного Г. Ярошем текста дневника за 11 ноября 1725 г. (Самаров-Ям, ныне Ханты-Мансийск) — 12 апреля 1726 г. (переправа через р. Усолка (у Д. Г. Мессершмидта — р. Солка) по дороге в Соликамск, столицу Пермского края). Соответственно, в этом издании неизданным остался текст дневника о возвращении путешественника в Европейскую Россию: за 13 апреля–13 декабря 1726 г. (пребывание в Соликамске), 14 декабря

1726 г. — 4 января 1727 г. (путь из Соликамска в Хлынов (ныне Киров) на р. Вятке), 5–31 января 1727 г. (дорога из Хлынова в Москву), 8–27 марта 1727 г. (возвращение в Санкт-Петербург) [Messerschmidt, 1977, S. 117]. Том содержит составленные Г. Ярошем и К. Шёльцель общие указатели ко всем пяти частям издания дневника — имен и географических названий, но, как показывает опыт их изучения, оба указателя далеко не полные. Пятый том заключает рис. 59–60 с изображениями карт из архивных рукописей путешественника и современная карта с реконструкцией поездок Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Табберта по Сибири [Messerschmidt, 1977].

Как следует из анонса в первой части, первоначально издание научного наследия Д. Г. Мессершмидта планировалось не в пяти, а в десяти частях: в шестую часть должна была войти публикация «*Sibiria perlustrata*» на латинском, немецком и русском языках, в 7–8 части — комментарии и выдержки из других трудов Д. Г. Мессершмидта, в часть 9 — научная биография и оценка специалистами его трудов в различных областях науки, в часть 10 — общие указатели, карты и рисунки. Но этот план был реализован менее, чем наполовину — был опубликован только дневник, да и то не полностью. «В сотрудничестве с опытным картографом профессору Ушману удалось полностью воссоздать на карте весь путь следования Мессершмидта, — пишет Э. Винтер. — В своей кандидатской диссертации Ушман отобразил результаты ботанических исследований, полученные экспедицией и отразившиеся в дневнике Мессершмидта, и дал весьма сложный перечень названий по долинныевской классификации. Эта работа объемом не менее 600 страниц свидетельствует о добросовестности и всеобъемлющих познаниях Мессершмидта-коллекционера. То же самое следовало бы сделать и с материалами по зоологии, этнографии и, прежде всего, языковедению, собранными Мессершмидтом. Поистине важная задача!» [Винтер, 1971, с. 14]. По плану инициатора проекта последняя, пятая часть должна была включать статьи, оценивающие вклад Д. Г. Мессершмидта в различные области знания, а также указатели, карты и иллюстрации из наследия ученого. Однако исследовательских статей, раскрывающей содержание научной работы путешественника, она не содержит.

Немецкое издание дневников отличает ряд существенных недостатков — несмотря на то, что текст Д. Г. Мессершмидта является «интересным памятником научного немецкого языка начала 18 века» [Напольских, 2001, с. 12], транскрибирование оригиналов и археографическая обработка текста источника в берлинских публикациях далека от современных научных требований — немецкий и латинский текст подвергнут основательной редакторской правке и адаптированы для удобства читателей, причем немецкая орфография оказалась максимально приближена к современной. Издатели оговорили свое редакторское вмешательство: они разбили повествование на абзацы, выделили подзаголовки по пунктам следования экспедиции, вынесли в приложения фонетические варианты написаний нелатинских имен собственных и топонимов, а в тексте унифицировали их, приведя в соответствие с современным написанием. Следует отметить, что многие рисунки, ссылки на которые содержатся в тексте дневника, не были обнаружены и воспроизведены публикаторами, хотя они представлены в других делах фонда Д. Г. Мессершмидта (значительная их часть приложена к рапортам, включена в качестве иллюстраций к «*Sibiria perlustrata*» или составляет отдельные дела). Сравнение рукописи и публикации, особенно последних томов, доказывает, что издание было осуществлено со значительными купюрами по сравнению с первоисточником. Издателями были опущены фрагменты текстов последних лет экспедиции, отображающих духовную рефлексию уставшего и морально истощенного путешественника. Именно поэтому берлинские публикации дневников, к сожалению, не

могут считаться полноценным критическим научным изданием материалов Д. Г. Мессершмидта. Тем не менее, ввод в научный оборот дневников на немецком языке (1962–1977) вернул широкой общественности имя забытого на 250 лет подвижника науки [Тункина, 2013, с. 242–243].

Продолжением немецкого пятитомника стала книга члена-корреспондента РАН В. В. Напольских «Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта: Дневниковые записи, декабрь 1726» [Напольских, 2001]. В этой публикации немецкий текст издан по рукописи, с русским переводом и качественным научным комментарием. В. В. Напольских ввел в научный оборот незначительный фрагмент — т. н. «удмуртскую» часть дневника [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 5, л. 350–373 об.], где описывается пребывание Д. Г. Мессершмидта в Соликамске и путь от Соликамска до верховьев Обвы (21–31 декабря 1726 г.), но дневниковые записи с 13 апреля по 21 декабря 1726 г. (Соликамск-Обва) [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 5, л. 1–349 об.] остаются неопубликованными. По нашим сведениям, рукопись дневника 1726 г. сегодня готовится к печати В. Хинцше (Галле) по машинописной копии 1960-х гг. на языке оригинала, сохранившейся в Архиве Берлинско-Бранденбургской АН [Тункина, 2013б, с. 243].

Публикация З. Д. Титовой (1919–2009) «Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг.» [Путешествие, 2003] впервые ввела в научный оборот русские переводы фрагментов дневника путешествия из Тобольска через Тару, Томск и далее по Сибири. Перевод также осуществлен по отдельным листам рукописей, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Главное внимание З. Д. Титовой как переводчика было посвящено отбору и публикации этнографических материалов в контексте описания народов Сибири XVIII в. — барабинских татар, енисейских остяков-кетов, остяков (хантов), живущих по берегам р. Оби и ее притоков, бурят, обитавших на берегах р. Анчи, тунгусов (эвенков), по местам кочевий которых Д. Г. Мессершмидт путешествовал три года.

Наконец, русский перевод эксцерптов из первого тома дневника экспедиции Д. Г. Мессершмидта был издан в 2013 г. в Абакане по немецкому изданию 1962 г., с сохранением основных недостатков этой публикации [Мессершмидт, 2012]. В издание включены записи Ф. И. Табберта о путешествии в Абакан к Д. Г. Мессершмидту, затем от Абакана до Красноярска, оттуда до Енисейска и обратно с 29 ноября 1721 г. по 12 мая 1722 г., и Д. Г. Мессершмидта с 13 мая по 9 октября 1722 г. (Красноярск — Кемчуг — Чулым — Ачинский острог — Божье оз. — Абакан — Саянский острог — Красноярск), сделанные во время поездки по территории современных Красноярского края и Республики Хакасия. Инициатором публикации выступил хакасский археолог В. П. Балахчин. Перевод выполнила сотрудник исторического факультета Томского университета Е. А. Ким. Книга издана за счет средств Министерства культуры Хакасии и ориентирована на широкие круги читателей — в выходных данных она позиционируется как «научно-популярное издание», что объясняет лакуны в тексте и отсутствие полноценных научных комментариев. Так, переводчиком были опущены вычисления широты и рассуждения автора на латинском языке, в том числе ботанические записи [Там же, с. 97, 137, 157].

Очевидно, что научное изучение творческого наследия ученого-энциклопедиста Д. Г. Мессершмидта по прошествии почти 300 лет с момента начала его экспедиции до сих пор находится на начальном этапе. Из статьи в статью, из книги в книгу кочуют одни и те же, порой ошибочные, сведения о жизни и деятельности путешественника и оставленных им материалах. Причина такого положения — пугающая воображение специалистов обширность научного наследия подвижника науки, а также незнакомство

современных исследователей с немецкой палеографией и латинским научным языком XVIII в. Следствием этого стала неопубликованность большей части архива Д. Г. Мессершмидта. Как и сто лет назад, его рукописи доступны и изучаются лишь ограниченным числом читателей академического архива в Петербурге.

Для современных историков науки представляется насущной задачей выявление документов Д. Г. Мессершмидта, которые отложились не только в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, но и в фонде Медицинской канцелярии, возглавляемой ее президентом И. Л. Блюментростом, братом первого президента АН Л. Л. Блюментроста (ныне в РГАДА), а также поиск его рисунков и документов в архиве Института Франции в Париже, архивах Галле и Берлина (переписка с деятелями немецкого пиетизма и учеными, оставшиеся неопубликованными комментарии и статьи специалистов к пятитомному изданию дневников в архиве Академии Леопольдины в Галле и архиве Берлинско-Бранденбургской АН в Берлине, где хранится личный фонд Эдуарда Винтера), Земельной библиотеки в Готе (письма Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга к И. Ф. Брейну), а также его родины Гданьска. Дальнейшим шагом должно стать максимально полное введение в научный оборот сохранившихся в архивах научных материалов. Такие издания должны быть подготовлены совместно специалистами по истории науки из России и Германии — ботаниками, зоологами (энтомологами, орнитологами, ихтиологами и пр.), медиками, метеорологами, астрономами, географами, геологами, палеонтологами, картографами, минералогами, археологами, этнографами, лингвистами, историками, архивистами, востоковедами и сибиреоведами.

Трудоемкая работа по расшифровке рукописного наследия Д. Г. Мессершмидта не так давно возобновлена благодаря энтузиазму и бескорыстному служению на благо науки академика Гёттингенской Академии наук *Вернера Лефельдта* (Werner Lehfeldt), называющего себя «внештатным сотрудником» сокровищницы рукописного наследия ученых многих стран мира — Санкт-Петербургского филиала Архива РАН. В 2012 г. он приступил к транскрибированию латинских, немецких и русских текстов и переводу немецкоязычных рапортов, переписки и трудов Д. Г. Мессершмидта на русский язык. Эта работа продвигается медленно — Д. Г. Мессершмидт употреблял целый ряд неизвестных сегодня слов, выражений и оборотов, которые сегодня неизвестны. В. Лефельдт, считая унификацию текстов Д. Г. Мессершмидта излишней, старается передать их как можно ближе к оригиналу, рассматривая их как памятник немецкого научного языка первой четверти XVIII в. При передаче текста он соблюдает все авторские особенности в написании слов и выражений, употребление или неупотребление точек после цифр, не стремится унифицировать ненормированное написание прописной и строчной букв, и т. д.

К настоящему времени В. Лефельдтом транскрибированы и переведены первые семь рапортов, отправленные из Москвы и Тобольска, начата расшифровка «*Sibiria perlustrata*» — завершено транскрибирование латинского посвящения, списка корреспонденции «*Tableau der Fonctions = Correspondence*», сжатого изложения содержания сочинения «*Sibiria Perlustrata*» — «*Idea operis*», описания маршрута экспедиции с 1719 г. по 1727 г. «*Hodogeticum (Consignationes hodogeticæ per Sibiriam)*». Выполнена транскрипция следующих рукописей: «*Ephemerides Itinerariæ Geographicæ*» (подробное описание маршрута от Санкт-Петербурга до Тобольска), служебной переписки Д. Г. Мессершмидта с Аптекарской канцелярией, представителями столичной и местной власти на первом этапе экспедиции, дошедшей до нас на русском и немецком языках, метеорологических наблюдений «*Ephemerides Baroscopicae*», очерка естественной истории «*Specimen Historiæ Naturalis*», географического очерка «*Specimen Geographi-*

cum», «*Latitudines Locorum in Sibiriae Regno insigniorum*» (измерения градусов широты сибирских мест), резюме первого рапорта из Тобольска от 25 июня 1720 г. «*Summarische Spezifikation Der in Tobolski d. 25. Juny A^o 1720 an die Pricass abgelieferten Depêche*», каталога сибирских птиц «*Avium in Sibiriae Regno observatarum Enumerationes*», и др. Эти материалы планируется включить в первый том сборника документов о сибирской экспедиции Д. Г. Мессершмидта (Санкт-Петербург—Москва—Тобольск), который планируется издать как в серийном издании трудов Гёттингенской АН (ФРГ), так и в России. Куратором проекта со стороны СПбФ АРАН выступает Е. Ю. Басаргина.

К расшифровке и комментированию текстов привлечен интернациональный коллектив ученых: тюрколог, профессор Университета Георга-Августа в Гёттингене *Михаэль Кнүппель* (Michael Knüppel), историк медицины, профессор Института истории медицины и науки им. К. Зюдова Лейпцигского университета *Ингрид Кестнер* (Ingrid Kästner), филолог, профессор Института современных языков Упсальского университета в Швеции *Ингрид Майер* (Ingrid Maier), ботаник, специалист по истории ботаники XVIII в., доктор биологических наук *А. К. Сытин* (Гербарий Ботанического института РАН в Санкт-Петербурге), археолог и этнограф, профессор Института истории СПбГУ, доктор исторических наук *Д. Г. Савинов* и др.

Безусловно, постепенный ввод в научный оборот экспедиционных материалов путешественника может занять несколько десятилетий, но эта работа просто необходима для адекватного понимания научным сообществом вклада, внесенного Д. Г. Мессершмидтом как первооткрывателя, в различные области фундаментального научного знания и изучения им территории России.

4.2. *Messerschmidtiana*

Сегодня в мировой науке Д. Г. Мессершмидт по праву считается ученым — первооткрывателем Сибири [Jahn, 1994, S. 217; Egerton, 2008, p. 39]. Если бы не издание его дневников на немецком языке (1962–1977), закончившееся ровно через 250 лет после его возвращения в Санкт-Петербург из Сибири, о нем вряд ли бы вообще узнали широкие круги ученых разных специальностей. Сработал бы «эффект Матфея», открытый Робертом Мёртоном — распределение признания и забвения в научном сообществе соответствует высказыванию в «Евангелии от Матфея» — «Имущему да умножится, у неимущего да отнимется». Соответственно, известные ученые получают непропорциональное научное признание, а малоизвестные постепенно забываются.

Собранные Д. Г. Мессершмидтом коллекции и документальные материалы имели огромное значение для подготовки и проведения Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга. Их в большей или меньшей степени использовали и частично опубликовали участники ее академического отряда, прежде всего историк Г. Ф. Миллер, ставший первым биографом путешественника-натуралиста [МИАН, 1890, с. 58, 147, 150–153, 395, 408, 410, 454; Миллер, 2006, с. 522, 574–576]. Перед отъездом во Вторую Камчатскую экспедицию Г. Ф. Миллер детально ознакомился с документами Д. Г. Мессершмидта [Элерт, 1999, с. 20, 54, 61]. Страницы его трудов по истории, археологии, этнографии и языкам Сибири наполнены ссылками на рукописи Мессершмидта, причем широко использованы замечания последнего на опубликованный в 1730 г. труд Ф. И. Страленберга [Миллер, 2009; Miller, 2010].

Г. Ф. Миллер явно не желал для своих трудов повторения судьбы научного наследия предшественника, поэтому опасаясь за рукопись «Истории Сибири» 14 сентября 1746 г. написал административному руководству Академии наук: «великое мое побуждение будет к прилежанию, ежели я увижу, что мои описания ученому, а паче Россий-

скому государству в пользу в печать изданы будут, дабы мне не остаться в сомнении, в котором я поныне нахожусь, что *мои труды токмо червям на пищу или другим людям, которые оными после меня пользоваться будут, в похвалу служить имеют, так, как сделалось с описаниями покойного доктора Мессершмидта* (выделено мной. — И. Т.). А у меня столько к печатанию приготовлено, что один пресс в год того не напечатает» [СПбФ АРАН, ф. 21, оп. 1, д. 16, л. 8–9 об.; Андреев, 1937, с. 77].

Другие участники Второй Камчатской экспедиции — естествоиспытатель И. Г. Гмелин и историк И. Э. Фишер — также использовали рукописи Д. Г. Мессершмидта [Dokumente, 2004; Steller, Fischer, 2009]. Как писал И. Г. Гмелин в предисловии к первому тому издания своего путешествия [Gmelin, 1751, S. [18–20] нумерованных страниц предисловия], обследование Сибири следовало плану, который был выработан Д. Г. Мессершмидтом, а в состав экспедиции были включены лица, «способные не только к совершению путешествий, но и к тому, чтобы принести известную пользу в деле землеописания, осветить историю дотоле неизвестных стран, через которые лежал путь, и населяющих их народов и точно изучить естественную историю, познания в которой необходимы для сознательного знакомства с страной, и вообще узнать все, что имеет научный интерес» [Цит. по: Бахрушин, 1937, с. 8–9]. Руководство Петербургской АН обязало И. Г. Гмелина включить в его труд «*Flora Sibirica*» описание растений, которые доктор Мессершмидт «наблюдал в Сибири» [Пекарский, 1870, с. 447].

«Результатами экспедиции Мессершмидта пользовались... при подготовке всех других научных экспедиций XVIII века, — подчеркивал Э. Винтер. — Об этом свидетельствуют Фальк, Георги, Паллас, хотя они, как и их предшественники Мюллер, Гмелин, Байер и Штеллер не всегда признают заимствования из путевого журнала Мессершмидта, очевидно, из честолюбия» [Винтер, 1971, с. 12].

Рукописные труды Д. Г. Мессершмидта штудировали участники физических академических экспедиций периода 1768–1774 гг. Все эти экспедиции проводили комплексные междисциплинарные исследования природы и человека, во многом следуя методике научных исследований, предложенной Д. Г. Мессершмидтом [Vermeulen, 2015, S. 307–308; Головнев, Киссер, 2015]. В числе участников отряда И. Г. Георги был шведский путешественник и натуралист, ученик Карла Линнея *Иоганн Петер Фальк* (Falck Johann Peter; 1732–1774), который обследовал Астраханский и Оренбургский край, Западную Сибирь, Южный Урал и Казань. Во время экспедиции адъютанта *Ивана Ивановича Лепехина* (1740–1802) на Волгу, Урал, Север Европейской России и к Ледовитому океану (1768–1773 гг.) Конференция рассматривала его рапорты и 14 марта 1769 г. просила профессоров анатомии и физиологии К. Ф. Вольфа и профессора ботаники И. Гертнера изучить в Библиотеке АН рукописные дневники Д. Г. Мессершмидта и высказать консолидированное мнение по поднятым И. И. Лепехиным вопросам [Протоколы, 1899, с. 672].

Академик П. С. Паллас, отправляясь в физическую экспедицию в Оренбургский край и Сибирь (1768–1774 гг.), месяц штудировал рукописные дневники Д. Г. Мессершмидта. Г. Ф. Миллер, навсегда уезжая в Москву, под предлогом работы над историей Академии наук увез их с собой, о чем 2 ноября 1767 г. сообщили Конференции (Общему собранию) Петербургской АН. Секретарь Конференции Я. Я. Штелин обязался написать Г. Ф. Миллеру с требованием возвратить дневники [Протоколы, 1899, с. 624]. Историк все же вернул рукописи в Академию наук, но предварительно скопировал некоторые документы Д. Г. Мессершмидта и В. Н. Татищева из академических собраний. Так, в портфелях Г. Ф. Миллера в Российском государственном архиве древних актов хранятся «Известия Мессершмидта о путешествии в Сибирь 1719–1727 г. и маршрут Миллера с 1733 по

1743 гг.» [РГАДА, ф. 199, оп. 1, д. 150, ч. 1, № 4], «Примечание Татищева на книгу Страленберга: о калмыках, о болгарях, о народах сарматских, о Тамане и Тумене, о роксоланах, о Белой и Червонной России» [Там же, д. 46, № 13; опубл.: Попов, 1861, с. 586–589].

В рапортах из Симбирска в Академию наук от 14 февраля и 9 марта 1769 г. академик П. С. Паллас просил, «если возможно», прислать ему третью и четвертую части (Hodegetico) дневника Д. Г. Мессершмидта, «Описание Сибири» И. Г. Гмелина, «Сибирскую историю» И. Э. Фишера: «Это необходимые для меня книги, и я не думаю, что мне в этом откажут, тем более что я потребовал для себя от Академии всего-навсего четыре книги, а не целую походную библиотеку» [Научное наследие, 1993, с. 68, 70]. 16 марта 1769 г. новый конференц-секретарь Петербургской АН И. А. Эйлер известил П. С. Палласа, что книги будут высланы, за исключением рукописных дневников Д. Г. Мессершмидта, поскольку «оригинал представляет большую ценность» [Научное наследие, 1993, с. 208].

«Великие труды Палласа и его ближайших современников и последователей заставили забыть про рукописи Мессершмидта, издание которых казалось теперь уже излишним, так как его маршруты были отчасти повторены новыми путешественниками», — писал И. П. Толмачев почти 200 лет спустя [СПбФ АРАН, ф. 1, оп. 1 (1901), д. 211, л. 66]. Его вывод был справедлив лишь отчасти, но для большинства разделов естественнонаучного и гуманитарного знания публикация неизданных материалов Д. Г. Мессершмидта оставалась по-прежнему актуальной.

Интерес к дневникам Д. Г. Мессершмидта всегда сохраняли востоковеды и лингвисты. Через посредство академика Г. Ф. Миллера немецкий востоковед-китаист, адъюнкт азиатских языков и словесности (с 1804 г.), затем экстраординарный академик (1807–1817) Императорской Санкт-Петербургской АН *Генрих Юлий Клапрот* (Klaproth Heinrich Julius; 1783–1835) получил выдержки из дневников. В своем труде «Asia polyglotta» [Klaproth, 1823. S. VIII] он «с благодарностью упоминает о данных из путевого журнала Мессершмидта, предоставленного ему Мюллером... Однако именно здесь видно, что на первом месте стоит “заслуженный” ученый Мюллер, а “добросовестный” Мессершмидт где-то позади. Миллер достиг того, к чему стремился» [Винтер, 1971, с. 12–13].

Рукописи Д. Г. Мессершмидта активно использовались академиками многих специальностей — к ним обращался путешествовавший по Сибири географ и зоолог А. Ф. Миддендорф [1860, с. 55], историк науки П. П. Пекарский [1862, с. 350–362] и многие другие ученые, высоко оценившие вклад первооткрывателя Сибири в различные области науки. Так, естествоиспытатель В. И. Вернадский подчеркивал, что определения широт, сделанные Д. Г. Мессершмидтом, «(32 пункта по Нижней Тунгуске), которые были новы не только в эпоху Палласа (1782), но и во времена Миддендорфа (1860), являлись основой карты. Ошибки в его определениях достигают 1–5° — для его времени и средств допустимая ошибка. Дневниками Мессершмидта... пользовались все экспедиции в Сибирь, ездившие в XVIII и XIX вв. И сейчас эти дневники имеют не только исторический интерес: Мессершмидт посетил такие места, где после него не бывала нога ученого.... Значение этого первого ученого — путешественника по России — до сих пор недостаточно оценено. Надо надеяться, что письма и дневники Мессершмидта дождутся издания и правильной оценки» [Вернадский, 2002, с. 282–283].

Для отечественной науки толчком к пересмотру оценки личности Д. Г. Мессершмидта и его вклада в изучение Сибири стали книги историка географии *Марии Григорьевны Новлянской* (1892–1985). Выпускница Высших женских (Бестужевских) курсов в Петрограде по специальности «история и литература» (1916) и французского отделе-

ния Государственного педагогического института иностранных языков (1938), она до Великой Отечественной войны преподавала в средних и средне-специальных учебных заведениях. В эвакуации М. Г. Новлянская оказалась в Казани, где стала работать секретарем-стенографисткой в Президиуме АН СССР (1942–1943). С 1945 г. она уже младший научный сотрудник Комиссии по истории физико-математических наук АН СССР, последующая ее жизнь связана с Ленинградским отделением Института истории естествознания и техники АН СССР (1953–1976). В 1959 г., в возрасте 67 лет, она наконец-то защитила кандидатскую диссертацию.

Еще в дореволюционные годы под влиянием своего учителя А. И. Андреева М. Г. Новлянская увлеклась историей географии, ставшей основной темой ее исследований в 1950–1970-х гг. Она написала две книги о И. К. Кирилове и его «Атласе Всероссийской империи» [Новлянская, 1958; 1964]. С началом международного проекта издания путевых дневников Д. Г. Мессершмидта М. Г. Новлянская вместе с немецкими коллегами стала изучать архивный фонд путешественника, участвовала в расшифровке рукописей, но ее вклад в работу отражен в составе коллектива составителей только 4-го и 5-го томов [Колчинский, 2013, с. 46, 96, 206]. Тем не менее ее научные фундированные биографии Д. Г. Мессершмидта и Ф. И. Страленберга, написанные с широким привлечением архивных документов, стали настольными книгами для нескольких поколений исследователей. В них М. Г. Новлянская представила емкую характеристику архивного наследия данцигского естествоиспытателя, хранящегося в академическом архиве [Новлянская, 1966; 1970, с. 157–163]. Согласно ее подсчетам, Д. Г. Мессершмидт первым из ученых описал 149 полезных ископаемых, 1290 растений (из них 359 растут только в России), 257 животных [Новлянская, 1970, с. 159]. Немецкий биолог Ильзе Ян уточнила, что Д. Г. Мессершмидт в сводной 10-томной рукописи «*Ornithologica Sibirica et Tatariae*» впервые представил систематическую классификацию и описание 265 видов птиц, в которой представлены рисунки птиц и яиц, до сих пор опубликованные лишь частично [Jahn, 1989, S. 113].

В большей или меньшей степени полноты (от одной строки до нескольких абзацев или строк) исследования Д. Г. Мессершмидта упоминаются в работах по истории различных регионов Сибири [История, 1968, т. 1, с. 14, 187; т. 2, с. 153–165; Кызласов, 1969; 1986; Башкатова, 1987; История, 1993, с. 195–246; Быконя, 1997; Ким, 2004; Потапов, 2007; Dahlmann, 2009], источниковедению и историографии [Андреев, 1960; 1965, с. 32–44; Мирзоев, 1963, с. 13–19, 38–39; 1970, с. 46–57; Башкатова, 1977; Эрлих, 2003; 2005а; 2005б, с. 30, 41–42, 73], в региональных сибирских энциклопедиях, в исследованиях о жизни немцев и шведов-лютеран в Сибири [Jahn, 1995; Hübner, 2008; Шебалдина, 2005] и т. д., и т. п.

Деятельность Д. Г. Мессершмидта нашла краткое отражение в обобщающих трудах по истории Академии наук [Таранович, 1933, с. 177–178; 2013; История, 1958, с. 24, 25, 63, 104, 109, 112, 369, 409; Летопись, 2000, с. 22, 63, 64, 70], монографиях, сборниках документов и статьях о ее экспедиционной деятельности [Гнучева, 1940, с. 25–30; Андреев, 1946; Winter, 1962; Winter, Figurovskij, 1962; Jarosch, 1966; Ярош, 1968; Ширина, 1983, с. 6–15; Ширина, Иванов, 1994; Jahn, 1995; Posselt, 1977; Heesen, 2000; Steller, 2000; 2001, Documente, 2004; Kolchinsky, 2004; Egerton, 2008; Hübner, 2008; Steller, Fischer, 2009; Müller, 2010; Ломоносов, 2011, с. 12–17; 2014, с. 12–17], истории естествознания и медицины в России [Рихтер, 1820; 2014; История, 1957; Uschman, 1963; Развитие, 1977; Вернадский, 2002, с. 281–286, 289–291; Колчинский, Сытин, Смагина, 2004, с. 30–32], в работах о географии петровского времени и истории географических исследований той эпохи [Лебедев, 1950; Греков, 1960; Зиннер, 1968; 1973; Вопросы,

1975; Гуляева, 2002], истории геологии [Обручев, 1931, с. 11–12], минералогии, палеонтологии (палеозоологии) [Uschman, 1982; Jahn, 2002; Стародубцева, Алексеев, 2015; Борисяк, 2016, с. 297], биологии, в том числе зоологии [Jahn, 2002], териологии [Соколов, Парнес, 1993, с. 54–69], орнитологии [Jahn, 1989; 1995], ботаники [Литвинов, 1909, с. 177–181; Липский, 1913, с. 77–79; Сытин, 2014].

Имя Д. Г. Мессершмидта неразрывно связано с историей востоковедения [Wittram, 1957; История, 1990, с. 48, 59, 82, 143], лингвистики [Бондарь, 2013; Bondar, Bischoff, 2013; 2014], этнологии и этнографии [Андреев, 1939; Титова, 1978; Хамарханов, 1986; Головнёв, Киссер, 2015, с. 60–61; Vermeulen, 2015, р. 87–130]. Историко-этнографические исследования З. Д. Титовой опираются на изученные ею документы личного фонда Д. Г. Мессершмидта [Титова, 1978; 1995]. Анализу последних посвящена ее неопубликованная докторская диссертация «Источники XVIII в. на западноевропейских языках по изучению коренных народов Сибири и Северо-Востока» [Титова, 1989]. Ряд работ освещает этнографо-лингвистические штудии Д. Г. Мессершмидта, в том числе по финно-угроведению [Напольских, 1998; 2001; Напольских, Библиография; Терюков, 2008; 2011; и др.], тунгусоведению [Василевич, 1965; 1969] и другим языкам народов Севера.

Целый ряд исследований посвящен спутнику Д. Г. Мессершмидта — Ф. И. Страленбергу (Табберту) [Катанов, 1903; Jarosch, 1966; Ярош, 1968; Ramer, Sidwell, 1997; Bondar, Bischoff, 2014] и его известной книге [Strahlenberg, 1730; переизд: 1975]. Тридцать лет назад опубликован ее русский перевод, выполненный В. Н. Татищевым, и его замечания к тексту Ф. И. Страленберга [Страленберг, 1985–1986]. Как известно, первоначально книга Ф. И. Страленберга была задумана как подробный комментарий к его карте Сибири, но в процессе работы над текстом план издания был изменен — комментарий к карте вошел как отдельный подраздел введения. В предисловии сказано, что автор «ожидал возвращения одного... друга, который провел в тех отдаленных странах больше времени, чем я, с тем, чтобы он мог эту мою работу принять на себя, так как он как ученый мог бы ее, вероятно, лучше исполнить. Однако, не имея известий от него и не видя никаких работ, которые были бы выпущены им в свет, он сам решил приступить к написанию книги» [цит. по: Новлянская, 1966, с. 72]. Очевидно, речь идет о Д. Г. Мессершмидте, имя которого не названо, ведь ему было запрещено публиковать собранные в Сибири коллекции.

По достаточно смелому предположению А. И. Терюкова, «Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг одно и то же лицо, а книга, вышедшая в 1730 г. под именем последнего, есть сочинение первого, в крайнем случае, это их совместный труд, написанный во время пребывания в Сибири. Но это гипотеза, которая требует дальнейшей разработки» [Терюков, 2008; 2011, с. 65]. Основанием для такого революционного вывода стало предположение, что не имевший фундаментальной научной подготовки и не обладавший необходимым объемом знаний в различных областях науки, не знакомый со специальной научной литературой шведский капитан Ф. И. Табберт просто а priori не мог являться одним из создателей урало-алтайской теории и классификации языков, показавшей их родственные связи и типологическое сходство. Похожая радикальная идея была высказана еще в 1997 г. [Ramer, Sidwell, 1997].

А. И. Терюков считает ошибочным взгляды многих отечественных и зарубежных ученых, рассматривающих Ф. И. Страленберга в качестве самостоятельного исследователя, первооткрывателя Сибири. На его взгляд, в России того времени был один человек, знакомый с генетической классификацией языков Г. В. Лейбница — Д. Г. Мессершмидт [Терюков, 2008; 2011, с. 65]. С этим утверждением можно поспорить — как

минимум три члена Петербургской АН той эпохи были с ней знакомы — востоковед Г. З. Байер и историк Г. Ф. Миллер, математик и блестящий латинист Х. Гольдбах. Как установил В. В. Напольских, в дневниках Мессершмидта представлена практически аналогичная классификация народов уральской языковой семьи. Можно согласиться с его выводом, что эти вопросы неоднократно обсуждались путешественниками во время совместного сибирского путешествия [Напольских, 2001, с. 18, 129].

Д. Г. Мессершмидт по праву считается «отцом» археологии Сибири. Он методически собирал сведения о «могильных вещах», хлопотал у сибирских властей, чтобы ему доставляли всякие «к древности принадлежащие вещи», проводил первые раскопки курганов с научной целью, изучал их устройство, графически фиксировал находки, причем явно зачастую по археологическим комплексам, которые попадались ему в руки от «бугровщиков» и местного населения. Скорее всего, вещи из одного комплекса, попадавшие доктору в руки, он старался расположить на одной таблице «Sibiria perlustrata».

Именно Д. Г. Мессершмидт открыл для науки рунические надписи (средневековую письменность енисейских хакасов VII–XIII вв.), в том числе на Уйбатском памятнике, стоявшем на равнине р. Бирь (Бюрь). Путешественник описал и графически зафиксировал такие знаменитые памятники, как Куртуякская статуя в Абаканских степях, Томская писаница и др.

В биографии Д. Г. Мессершмидта М. Г. Новлянская и вслед за ней целый ряд ученых повторяют ошибочные утверждения комментаторов берлинского издания дневника об утрате многих оригиналов рисунков, выполненных в экспедиции 1719–1727 гг. К сожалению, составители не до конца проверили наличие или отсутствие рисунков в составе личного фонда путешественника. Утраты, конечно, были, особенно в кораблекрушении, в которое угодил корабль, плывший из Петербурга в Данциг в 1729 г., и при пожаре Кунсткамеры 1747 г. (сгорели рисунки Георга Гзеля, который выполнял акварельные рисунки с экспедиционных набросков растений и птиц), но все же значительная часть рисунков Д. Г. Мессершмидта сохранилась. Так, во многих работах констатируется, например, утрата рисунков Уйбатского памятника на равнине р. Бирь (Бюрь) в Хакасии, гравюра которого издана в книге Ф. И. Страленберга [Strahlenberg, 1730, Abb. 21]. Между тем рисунки Уйбатской стелы представлены в разных вариантах в фонде Д. Г. Мессершмидта, и один из них публикуется в настоящем издании (Табл. XVI, 1). Рисунки и наброски путешественника не искажены последующим гравированием, поэтому крайне важны как первая графическая фиксация текстов этих эпиграфических источников. Уже в наше время было установлено, что Д. Г. Мессершмидт первым описал и графически зафиксировал стелу окуневской археологической культуры раннебронзового века с нанесенной на нее 13-строчной древнетюркской надписью (на четырех плоскостях), которая до сих пор является наиболее крупным памятником средневековой рунической письменности хакасов VII–XIII вв. Сегодня стела хранится в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартянова [Борисенко, Худяков, 2005, с. 71]. Известно, что Д. Г. Мессершмидт первым зафиксировал три памятника енисейской рунической письменности Южной Сибири, тюркскую языковую принадлежность которой установили и расшифровали в последнем десятилетии XIX в. датский профессор В. Томсен (1893) и русский академик В. В. Радлов (1894–1895). Их открытие принесло в мировую науку осознание того, что тюркские народы раннего средневековья обладали письменной культурой, что показало перспективы новых направлений изучения культурной истории Евразии [Кызласов, 2002].

Коллекции Д. Г. Мессершмидта, поступившие в Кунсткамеру [Летопись, 2014, с. 19, 27, 28, 31, 68, 73, 411], суммарно охарактеризованы в работах Т. В. Станюкович [1953, с. 12, 32–35], Т. К. Шафрановской [1967], Н. П. Копаневой [2006; Копанева, 2006; 2012], Й. Дриссен-ван хет Реве [2015]. Они частично запечатлены в чернильных набросках самого Д. Г. Мессершмидта и акварелях К. Г. Шульмана, который с марта 1721 г. по 28 мая 1722 г. являлся художником экспедиции. Часть привезенного Д. Г. Мессершмидтом собрания отражена в акварельных рисунках 1725–1760 гг. экспонатов Кунсткамеры, большей частью хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, Государственном Эрмитаже и Государственном Русском музее [Нарисованный музей, 2003–2004].

Еще в 1728 г. Конференция АН постановила издать каталог «курьезных» вещей Кунсткамеры, иллюстрированный гравюрами, для чего была начата их зарисовка художниками Рисовальной и Гравировальной палат Академии наук. Сохранились акварельные рисунки коллекций Кунсткамеры, дающие представление об экспозиции Музея как до катастрофического пожара 1747 г., так и о поступлениях конца 40-х — середины 50-х гг. XVIII в. [Шафрановская, 1965; Нарисованный музей..., 2003–2004]. В 1774 г. описание редкостей было поручено академику С. К. Котельникову, однако рукопись его каталога до сих пор не обнаружена. Часть рисунков «золотых редких старинных вещей» после издания первого музейного каталога 1741–1745 гг. была гравирована, но так и осталась неизданной. В пожаре Кунсткамеры 1747 г. сильно пострадали и впоследствии были большей частью уничтожены медные гравировальные доски с изображениями археологических собраний Кунсткамеры, поэтому оттиски с них уже в первой половине XIX в. считались чрезвычайно редкими [Тункина, 2016а, с. 272]. Но благодаря графической фиксации экспонатов, выполненной в первой половине XVIII в. учениками Рисовальной палаты Петербургской АН, сегодня возможно реконструировать не только археологическое собрание самого Д. Г. Мессершмидта, но и первые коллекции Кунсткамеры [Копанева, 2006; Копанева, 2012].

Археологическая и эпиграфическая часть наследия Д. Г. Мессершмидта, включая открытые им петроглифы и памятники рунической письменности, после публикаций переводов В. В. Радлова [1888] привлекла внимание А. А. Спицына [1906], С. И. Руденко [1962], Э. Б. Вадецкой [1973, с. 95–97; 1980], Ю. Г. Белокобыльского [1982, с. 5–10; 1986, с. 10–24], Д. Д. Васильева [1983], И. Л. Кызласова [1994], И. В. Кормушина [1997], М. П. Завитухиной [2000], А. И. Мартынова [1983, с. 33–37; 2001], В. И. Матющенко [1992, с. 10–12; 2001, с. 13–15, 19], И. Г. Федорова [2010] и многих других исследователей. Его экспедиционная деятельность нашла отражение в общих работах по истории отечественной археологии [Формозов, 1986, с. 20–28; Лебедев, 1992, с. 56–57; Клейн, 2014, с. 145–159]. В монографии А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова «Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVII–XIX вв.» характеристике археологических материалов, собранных Д. Г. Мессершмидтом, посвящен отдельный параграф [Борисенко, Худяков, 2005, с. 67–85], написанный явно «из вторых рук», без личного знакомства с подлинными рисунками и рукописями, хранящимися в его личном фонде. Однако это исследование полезно тем, что в нем собраны библиографические данные о современной научной атрибуции ряда археологических памятников и отдельных артефактов, описанных Д. Г. Мессершмидтом, и их дальнейшей судьбе.

Показательно, что никто из современных отечественных специалистов по археологии Сибири, за исключением академика А. П. Окладникова в 1948 г., не изучал личный фонд Д. Г. Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН с целью выявления и научной атрибуции сохранившихся рисунков памятников археологии Сибири. Первыми за эту работу взялись немецкие ученые, в частности, уроженец Галле,

выпускник и профессор Галле-Виттенбергского университета им. Мартина Лютера, археолог и историк-востоковед *Бурхард Брентъес* (Brentjes Burchard; 1929–2012). Он посвятил Д. Г. Мессершмидту несколько исследований и издал ряд рисунков с собственной интерпретацией и датировкой изображенных памятников [Brentjes, 1987; 1988 (1985); 1988; 1993; 1998; Brentjes, Vasilievsky, 1989, S. 20, 23, 88, 91, 160, 161]. Главный вывод его исследований — Д. Г. Мессершмидт внес значительный вклад в развитие археологии Сибири и поднял изучение археологических памятников на научную высоту, отвергнув типичную для антикварного периода практику разграбления могил и создания коллекций археологических курьезов. Он был первым, кто не искал сокровищ, а собирал археологические памятники из камня, керамики, бронзы, меди, золота, которые систематически документировал. Его полевая графическая документация собрана в рукописи «*Curiosa Sibiriae*» — третьей части «*Sibiria perlustrata*». Удостоверившись, что многие изобразительные материалы фонда Д. Г. Мессершмидта в виде гравюр опубликованы как иллюстрации в книге Ф. И. Страленберга, Б. Брентъес был убежден, что пленный швед скопировал часть материалов и большинство рисунков Д. Г. Мессершмидта, вывез их из России и издал от своего имени [Brentjes, 1988, S. 138].

Действительно, многие рисунки в фонде Д. Г. Мессершмидта фиксируют артефакты из погребений — амулеты, сосуды, предметы домашнего быта и культа, украшения, инструменты, оружие, конскую сбрую и пр. Так, в археологическом разделе рукописи «*Sibiria perlustrata*» Д. Г. Мессершмидт ограничился пояснительными подписями к таблицам, которые требуют интерпретации и комментирования с позиций современной науки [Tunkina, 2015; Тункина, 2016]. За эту трудоемкую работу взялся виднейший петербургский специалист по археологии и этнографии Сибири, профессор кафедры археологии Института истории СПбГУ Д. Г. Савинов [Тункина, Савинов 2015].

Следует отметить, что все экспедиционные наброски, рисунки и акварели имеют не только чисто историографическое, но и актуальное научное значение — по документам фонда можно проследить места раскопок и покупок многих артефактов, описанных Д. Г. Мессершмидтом, а также происхождение других — ботанических, орнитологических, минералогических и прочих — коллекций, поступивших в Кунсткамеру. Рисунки археологических памятников из личного фонда Д. Г. Мессершмидта имеют исключительную научную ценность — по заключению Д. Г. Савинова, они зафиксировали все этапы развития древних и средневековых культур Минусинской котловины, петроглифы, каменные изваяния и курганные плиты, отдельные западные и восточные импорты. Д. Г. Мессершмидт четко распределял артефакты по функциональному назначению и, чисто интуитивно, по хронологическим периодам и даже по археологическим культурам, представления о которых появились в археологии Сибири лишь два века спустя [Теплоухов, 1929].

Предварительным итогом изучения археологических материалов Д. Г. Мессершмидта является предлагаемая вниманию читателей книга, а именно вторая часть, написанная Д. Г. Савиновым. В ней приведена атрибуция археологических материалов, полученных экспедицией главным образом во время путешествия по Западной и особенно Южной Сибири в 1721–1722 гг. Вне поля зрения археолога-сибироведа остается фиксация памятников западноевропейского искусства, оказавшихся в поле зрения Д. Г. Мессершмидта. Читателю следует учесть, что из-за ограничений объемного характера в настоящем издании публикуется лишь часть экспедиционных рисунков. Задача следующего этапа работы — научная атрибуция и издание в альбомном формате графических рисунков и акварелей всех памятников археологии Урала и Сибири, имеющихся в фонде Д. Г. Мессершмидта.

ЧАСТЬ II. ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ СИБИРИ В МАТЕРИАЛАХ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

ГЛАВА I. ИСТОЧНИКИ

Говоря об археологической части научного наследия южносибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта, следует иметь в виду наличие двух групп источников: письменных и археологических.

Первая — это свидетельства самого Д. Г. Мессершмидта, в первую очередь, его дневник, который велся непрерывно с первого до последнего дня экспедиции. Дневник Д. Г. Мессершмидта состоит из пяти объемистых томов, содержащих в себе свыше 3000 страниц мелкого рукописного текста на немецком языке. Начинается дневник с 1 марта 1721 г., то есть с момента отправления Д. Г. Мессершмидта из Тобольска в Томск, и кончается 31 декабря 1726 г. в г. Хлынове (позднее Вятка — Киров), на пути его в Москву [Новлянская, 1962, с. 235]. «Впереди ему предстояла дорога, идущая уже по территории Европейской России, исследование которой не входило в его Программу» [Новлянская, 1970, с. 145].

Следует отметить необычную форму ведения дневника в 1721–1722 гг.: во время совместного с Ф. И. Таббертом путешествия Д. Г. Мессершмидта по Западной и Южной Сибири все записи в нем было поручено делать Ф. И. Табберту, который сам себя неизменно именовал в третьем лице («капит. Табберт»), а Д. Г. Мессершмидта — «г-н доктор». Иногда встречается обезличенное местоимение «мы». Возможно, это могло каким-то образом послужить позже моральным основанием Ф. И. Страленбергу при публикации некоторых материалов их совместной экспедиции.

Первая запись, принадлежащая самому Д. Г. Мессершмидту, относится ко дню отъезда Ф. И. Табберта (28 мая 1722 г.): «После того как я (Мессершмидт) представил ему (то есть Табберту — Д. С.) полные письменные инструкции...» и т. д. [Мессершмидт, 2012, с. 72]. С Ф. И. Таббертом Д. Г. Мессершмидт отправлял в Петербург рапорт и важнейшие материалы всей предшествующей части экспедиции. С этого момента начинается его действительно одинокое путешествие, растянувшееся еще на несколько лет.

Из записей в дневнике проступают черты характера двух исследователей: Д. Г. Мессершмидта — более мягкого, рассудочного и взрывного; Ф. И. Страленберга — более решительного, способного к принятию быстрых решений. Впрочем, так и должно было быть, учитывая образование и профессиональные качества того и другого. М. Г. Новлянская приводит интересный эпизод, вносящий дополнительные штрихи к портрету Д. Г. Мессершмидта как человека гордого и самолюбивого. Когда в Тобольске, после ареста всех его материалов, Д. Г. Мессершмидт был препровожден к сибирскому губернатору кн. М. В. Долгорукову, «ему не было разрешено даже переодеться с дороги, и он должен был, по его словам, идти к общему посмешищу “в шлафроке, без парика и шпаги”» [Новлянская, 1962, с. 235]. Значит, были при нем

парик и шпага! К этому времени, то есть к концу путешествия, «он почти потерял зрение, в 42 года, по собственному признанию, выглядел почти стариком, сделался чрезвычайно подозрительным и болезненно раздражительным» [Там же, с. 239]. Неоднократно отмечалось, что «Мессершмидт, по свидетельству современников, человек мягкий, но сумрачный и малообщительный» [см., например, Ким, 2012, с. 8]. Впрочем, такая оценка скорее относится уже к концу его многотрудного путешествия.

Иное представление, судя по имеющимся сведениям, можно составить о характере Страленберга/Табберта. Так, 3 января 1722 г. говорится, что «господин доктор послал к приказчику и потребовал 3 лошади, чтобы поехать на могильник (около г. Абаканска. — Д. С.). Он стал чинить всяческие препятствия, пока к нему не пошел капт. Табберт и убедительно (sic! — Д. С.) объяснил ему приказания господина доктора» [Мессершмидт, 2012, с. 28]. Или: уже после окончания раскопок именно «капит. Табберт был у приказчика и потребовал у него сделать аттестат в связи со смертью и похоронами Каппела» [Там же, с. 35]. Есть и другие примеры подобного рода.

Наиболее полные переводы дневника Д. Г. Мессершмидта (это можно считать его общепринятым наименованием) в интересующем нас плане предпринимались дважды: 1) выборка и перевод всех сведений, относящихся к археологическим исследованиям, сделанным в Западной и Южной Сибири, и помещенных в Приложении к I тому «Сибирских древностей» В. В. Радловым [Радлов, 1888]; 2) современный адаптированный перевод дневниковых записей, касающихся южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта (Томск — Абакан — Красноярск). Перевод текста и комментарии Е. А. Ким [Мессершмидт, 2012]. В них также представлены сведения о сделанных в это время археологических открытиях, как бы дублирующие переводы В. В. Радлова. Но в ряде случаев степень их наполненности фактическими данными (информативности) различны. Кроме того, у В. В. Радлова приводятся сведения, касающиеся периода пребывания Д. Г. Мессершмидта в Тобольске и Томске, отсутствующие у Е. А. Ким. Поэтому оба перевода используются нами «параллельно» как равноценные и дополняющие друг друга.

В 1962–1968 гг. Германской Академией наук было осуществлено наиболее полное издание дневников Д. Г. Мессершмидта в 5 томах; из них первой, западно-южносибирской части путешествия, посвящен том I [Messerschmidt, 1962]. Однако в настоящей работе используются главным образом переводы Радлова–Ким. И не столько в силу своей доступности, сколько из-за возможности приводить целиком выдержки из этих записей, то есть не давать еще одного переосмысления текста оригинала, а говорить сразу, хотя и в переводе, языком первоисточника.

Вторая группа источников — это собственно археологические материалы, собранные Д. Г. Мессершмидтом в 1721–1722 гг., главным образом на территории Южной Сибири. Сама коллекция раритетов Д. Г. Мессершмидта — различного рода находки из раскопок бугровщиков, купленные у крестьян отдельные ценные изделия и т. п. — погибла практически полностью во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. и дошла до нас только по их графическим воспроизведениям. Известно, что «со многих его, доктора Мессершмидта, планов и курioзных вещей гравировальщик Унфорцагт снимал копии» [Радлов, 1894, с. 137]. В Приложении к неопубликованной рукописи Д. Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata», то есть «Описание Сибири», они составляют как бы отдельную часть «Curiosa Sibiriae» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22; Басаргина, 2013].

Помимо этого, при написании данной работы использованы рисунки из дневника Д. Г. Мессершмидта за 1721–1722 гг. [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 1] и иллюстративные приложения к X-му рапорту в Медицинскую канцелярию [СПбФ АРАН, ф. 98,

оп. 1, д. 37], а также «Документы по делу арестованных привезенных Даниилом Готлибом Мессершмидтом из Сибирского путешествия коллекций, 1727 г.» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 42]. Особое значение имеют подписи к иллюстративному приложению к X-му рапорту Д. Г. Мессершмидта [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 37], сделанные полатыни и окончательно удостоверяющие его открытия некоторых наиболее известных памятников (среди них — каменное изваяние с руническими надписями (Табл. XVI) и Томская писаница (Табл. XV), открытые Д. Г. Мессершмидтом). Некоторые материалы привезенной Д. Г. Мессершмидтом археологической коллекции, хранившейся в Кунсткамере, были зарисованы академическими художниками и представлены в акварельных рисунках Кунсткамеры, однако полного совпадения с таблицами из «*Sibiria perlustrata*» в них нет ¹.

Несмотря на трагическую гибель коллекции Д. Г. Мессершмидта в огне пожара Кунсткамеры в 1747 г., нельзя сказать, чтобы собранные им археологические материалы оставались неизвестными. Отдельные наиболее яркие вещи были опубликованы Ф. И. Страленбергом в его знаменитой книге «*Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asiae*» [Strahlenberg, 1730], то есть еще при жизни Д. Г. Мессершмидта. Среди них загадочные бронзовые шайтаны, приобретенные где-то в Западной Сибири, т. н. «кубок Мессершмидта» (Табл. VIII), предположительно найденный в одном из ограбленных курганов около Красноярска, бронзовое зеркало с куфической надписью и др. [Strahlenberg, 1730, Tab. III, IV, IX, XX]. Позднее отдельные вещи из собрания Д. Г. Мессершмидта, а точнее — их изображения, публиковались неоднократно. Больше всего в этом отношении повезло т. н. «кубку Мессершмидта» с замечательной сценой конной охоты, предположительно X–XI вв. [Евтюхова, 1948, рис. 85; Грязнов, 1961, рис. 6; Король, 2008, табл. III, IV; Копанева, 2006, с. 79; и др.]. Существует две или три копии этого изображения, но они очень мало отличаются друг от друга, что говорит об их близости к оригиналу. Однако в целом богатейшее собрание раритетов, привезенных Д. Г. Мессершмидтом после многолетнего путешествия в Петербург, особенно учитывая потерю оригиналов, остается невостребованным. Хотя в этом отношении уже кое-что сделано.

Пожалуй, первым кто по-настоящему оценил значение коллекции Д. Г. Мессершмидта, был В. В. Радлов, который, наряду с переводом археологических «сюжетов» из дневника Д. Г. Мессершмидта, включил многие вещи из приобретенных Д. Г. Мессершмидтом артефактов в свой альбом «Сибирских древностей» [МАЭ, ф. 5041]. Листы из альбома В. В. Радлова с подборкой средневековых материалов, в том числе из таблиц к «*Sibiria perlustrata*», опубликованы в книге по средневековой торевтике кочевников Евразии Г. Г. Король [2008, Приложение 10]. Там же в качестве заставки использована листовидная подвеска, предположительно с фигурой «белочки» (хотя в данном случае скорее речь идет о кошащем хищнике, ориентировочно IX–X вв.) из находок Д. Г. Мессершмидта.

После В. В. Радлова к этим материалам долгое время по-настоящему никто не обращался, хотя репродукции отдельных предметов эпизодически встречаются в литературе. Так, в одной из книг А. А. Формозова по истории русской археологии в числе других иллюстраций приведены глиняный сосуд таштыкской культуры (III–V вв.) и отдельные вещи скифо-сарматского времени из коллекции Д. Г. Мессершмидта, представленные в акварелях экспонатов Кунсткамеры из академического архива [Формозов, 1986, рис. на с. 27, 28]. В его же книге «Очерки по первобытному искусству» приведена металлическая бляха с композицией «Люди в лодке», явно привезенная Д. Г. Мес-

¹ Подробнее см.: Копанева, 2006; Нарисованный музей, 2003.

сершмидтом из Западной Сибири, и ее аналогия из собрания МГУ, без какой-либо атрибуции [Формозов, 1969, рис. 40]. Можно привести также книгу Е. И. Лубо-Лесниченко по китайским зеркалам из Минусинской котловины, в которой среди других зеркал Танской эпохи представлен фрагмент зеркала с изображением *цилиндра* из коллекции Д. Г. Мессершмидта [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 54, рис. 24], а также рисунок иранского зеркала XI–XIII вв. с куфической надписью из книги Ф. И. Страленберга [Там же, с. 104, рис. 99].

Однако в целом продолжало господствовать самое общее представление о собрании сибирских древностей Д. Г. Мессершмидта. В качестве примера можно привести слова Т. К. Шафрановской, хотя она и не ставила перед собой задачи их как-то классифицировать: «В собрании Д. Г. Мессершмидта имелись бронзовые клевцы, найденные в сибирских погребениях, кинжалы, наконечники стрел, железные стремяна, металлические фигурки, украшения, бронзовые зеркала, глиняная посуда» [Шафрановская, 1965, с. 155]. Но к какому времени и к какой культуре могли относиться эти находки, в данном случае (поскольку речь идет о несохранившихся коллекциях Кунсткамеры) не представлялось важным.

Новый этап в обращении к научному наследию Д. Г. Мессершмидта и специально к собранной им археологической коллекции связан с исследованиями Ю. С. Худякова. В совместной монографии с А. Ю. Борисенко, отметив, что «всестороннего анализа и атрибуции этих материалов не производилось», авторы пишут о том, что «среди приобретенных им (Мессершмидтом. — Д. С.) находок в Западной и Южной Сибири были вещи скифского и хуннского времени, средневековые зеркала, бронзовые водолеи», проиллюстрировав это рядом таблиц из альбома «*Curioso Sibiriae*» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 72, рис. 16–20]. Такое разделение по эпохам и в ряде случаев — с указанием конкретных археологических культур, знаменует собой качественно новый уровень обращения с этим материалом. При этом дается подробный анализ (по приложенным таблицам) отдельных находок скифского, хуннского времени и раннесредневековых. Об изделиях скифского времени высказывается предположение, что «вероятнее всего, они попали в коллекцию Д. Г. Мессершмидта от бугровщиков в степном Алтае и Прииртышье», а орнаментированные предметы поясной гарнитуры (кыргызские или кимакские) он мог приобрести у бугровщиков в Приобье или на Енисее» [Там же, с. 75, 77].

В монографии А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова отмечается, что «наиболее информативным можно считать издание таблиц из альбома Д. Г. Мессершмидта в книге Б. Брентьеса и Р. С. Васильевского. На этих таблицах художники рисовальной палаты интуитивно показывали археологические находки, схожие по материалу изготовления, стилистически и функционально» [Там же, с. 74]. Это высказывание вызывает известное недоумение. Во-первых, совершенно очевидно, что подборка и порядок расположения вещей в таблицах к рукописи, посвященной Петру II, от которого могла зависеть дальнейшая судьба ученого, не могла производиться произвольно «художниками рисовальной палаты», а отражают видение самого Д. Г. Мессершмидта. И как будет ясно в дальнейшем, для своего времени это видение было удивительно точным. Во-вторых, это те же несколько таблиц, взятые выборочно из «*Sibiria perlustrata*», которые были приведены в монографии А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова. Почему же их надо считать «наиболее информативными»?

Популярная книга Б. Брентьеса и Р. Васильевского «*Schamanen-Krone in Weltraum Kunst der Nomaden Nordasiens*» (букв. перевод: «Шаманские короны в мировом пространстве искусства кочевников Северной Азии») вышла в Германии в 1989 г. [Brentjes, Vasilievsky, 1989]. Она действительно чрезвычайно широка по охвату фактического ма-

териала, собственно коллекции Д. Г. Мессершмидта в ней уделено немного места. Следует отметить, что здесь дается несколько более точных атрибуций, в частности, арабских надписей на двух западносибирских амулетах; определение китайских зеркал Ханьского времени; высказано предположение о возможном уйгурском происхождении т. н. «кубка Мессершмидта». Вместе с тем, есть и весьма сомнительные определения; например, отнесение к позднеатагарскому времени материалов таштыкской культуры или определение принадлежности некоторых поясных и уздечных наборов сельджукам [Brentjes, Vasilievsky, 1989, S. 20, 23, 88, 91, 160, 161].

С методической точки зрения совмещение двух названных видов источников — письменных и археологических (имеются в виду изобразительные отображения материалов коллекции Д. Г. Мессершмидта) — наиболее перспективное направление в подобного рода исследовании. Об этом же пишет в своей небольшой, но очень интересной статье о восстановлении коллекции Д. Г. Мессершмидта Н. П. Копанева: «Если мы применим принцип сопоставления разных источников и сведем их вместе, то получим интереснейшую картину того, что же привез из Сибири в Петербург Мессершмидт» [Копанева, 2006, с. 78]. К сожалению, до сих пор этого сделать никому не удавалось, хотя совершенно очевидно, что необходима самая тщательная пообъектная атрибуция каждого из предметов, некогда входивших в коллекцию Д. Г. Мессершмидта. И главным источником здесь остаются сохранившиеся чудом рисунки, если не всех, то, во всяком случае, многих вещей из коллекции Д. Г. Мессершмидта. Что касается каменных изваяний, наскальных изображений и рисунков на каменных плитах, то многие из этих памятников сохранились до сих пор и о них будет сказано особо.

ГЛАВА II. ВИДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ, ОТКРЫТЫХ Д. Г. МЕССЕРШМИДТОМ

Если рассматривать путешествие Д. Г. Мессершмидта по Западной и Южной Сибири с точки зрения исполнения им задач археологической части этого уникального всестороннего мероприятия (1720–1722 гг.), то оно достаточно четко делится на три периода, каждый из которых обладает своей спецификой.

Первый период — Тобольск — Томск. Первые шаги по составлению коллекции раритетов (или «куриозов»). К сожалению, изображений большей части собранных (или приобретенных) в это время вещей не сохранилось или просто они не были сделаны. В Томске состоялось знакомство Д. Г. Мессершмидта с Филиппом Иоганном Таббертом (Страленбергом)², положившее начало их совместной работе. Кроме них

² О том, какое имя в действительности носил ближайший помощник и спутник Мессершмидта по путешествию 1720–1722 гг., существуют две точки зрения. По одной из них, более распространенной, шведский офицер, взятый в плен под Полтавой и ставший спутником Мессершмидта, носил имя Табберт (как он сам и обозначает себя в дневнике); а после возвращения на родину и издания его знаменитой книги (1730 г.) ему было пожаловано дворянство и почетное имя фон Страленберг, под которым он и получил наибольшую известность. Согласно другой точке зрения, имя Страленберг в его роду было наследственным и дано по названию города Стральзунд, входившего тогда во владения Швеции (ныне г. Штральзунд, Германия). Там же, в 1676 г. родился Филипп Иоганн Табберт. По мнению Г. Яроша, «снова повторяется ложное утверждение о том, что Табберту впервые было пожаловано дворянство только по возвращении на родину, тогда как (по имеющимся документальным свидетельствам. — Д. С.) он и его братья Мартин и Петер Зигфрид получили дворянство уже 31 января 1707» [Ярош, 1968, с. 69]. Наверное, лучше всего называть его так, как считал он сам правильным: во время воинской службы, во время сибирской ссылки и в качестве спутника Мессершмидта — капитан Табберт; после возвращения на родину и издания прославившего его труда (возможно, тогда и появилась эта почетная приставка — фон?) — фон Страленберг.

в состав экспедиции были включены 16-летний Карл Густав Шульман, который не значился в «рописи с пленниками» (художник), унтер-офицер Даниил Капелл, исполнявший обязанности квартирмейстера, переводчик Петер Кратц, повар Андрей Петров и два-три человека обслуги. Содержание Д. Капелла и К. Г. Шульмана Д. Г. Мессершмидт взял на свой счет. 5 июля 1721 г. Д. Г. Мессершмидт выехал из Томска в сопровождении Ф. И. Табберта, который, проводив его до дер. Томиловой, вернулся в Томск для выполнения поручений по дальнейшему обеспечению экспедиции, а также с целью более подробного изучения р. Томи. Встретились они с Д. Г. Мессершмидтом в Абаканском остроге уже 22 декабря 1721 г. Этот период (лето–осень 1721 г.), когда дневник путешествия заполнял Ф. И. Табберт, наиболее «темный» во всей южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта.

Второй период — совместная работа с Ф. И. Таббертом в бассейне Среднего Енисея. Судя по всему, это самый результативный (с археологической точки зрения) период путешествия Д. Г. Мессершмидта в Южной Сибири, включавший, помимо сбора коллекционных (вещественных) материалов, раскопки древних погребений, открытие и описание ряда каменных изваяний, а также курганных плит с изображениями, наскальных рисунков (по дороге в Красноярск) и др. Однако по Ништадтскому миру все шведские пленные, пребывавшие в Сибири, были освобождены, и 28 мая 1722 г. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Табберт расстались.

Одна из последних записей, сделанных Ф. И. Таббертом: «8 мая 1722 г. Сегодня господин доктор отдал доношение, касающееся капитана Табберта, в нем он просил для него 4 лошади до реки Кемчуг, и чтобы там его обеспечили вместе с племянником Карлом Густавом Шульманом лодками, одним служивым и 2 гребцами до города Тобольска» [Мессершмидт, 2012, с. 65]. И дальше уже пишет Д. Г. Мессершмидт: «Г-н капитан Филипп Иоган Табберт с Карлом Густавом Шульманом поплыл на плоту из устья Терехтюла вниз по течению реки Кемчуг. За тихое смирение и верную помощь я уволил их не иначе, как со слезами... Моими людьми с сего числа для помощи в путешествии были пять человек..., но у меня мало или почти нет никакой надежды привлечь их к научной работе, состоящей по большей части в записях и рисовании» [Там же, с. 72]. Это одиночество, отсутствие верного и близкого по духу окружения Д. Г. Мессершмидт испытывал все время своего дальнейшего путешествия.

Предваряя характеристику *третьего*, наиболее сложного и насыщенного периода путешествия Д. Г. Мессершмидта по Южной Сибири, хотелось бы привести некоторые отрывки из дневника, в какой-то степени освещающие обстановку, в которой оно происходило. После расставания с Ф. И. Таббертом Д. Г. Мессершмидт на плоту «путешествовал от деревни Усть-Кемчуг до Ачинского острога по Чулыму против течения 57 часов; и 159 часов или 6 дней и 15 часов временно останавливался, чтобы осмотреть окрестности» [Там же, с. 89]. Хотелось бы сразу отметить ту исключительную точность фиксации событий (наблюдений, впечатлений и т. п.), которые Д. Г. Мессершмидт считал важными отметить и, наоборот, отсутствие каких-либо данных о том, что, по его мнению, не заслуживало внимания. Скорее всего, этим объясняется выборочный характер сведений, которые нашли отражение в дневнике. Много, к сожалению, осталось за пределами внимания Д. Г. Мессершмидта.

Очень подробно дано описание Ачинского острога, крайне интересное с современной точки зрения: «20 июня добрались до Ачинского острога... Это место очень убогое, состоит из высокого четырехугольного забора, который означает собственно крепость, в которой стояли 3 дома, в одном из них жил священник (поп), он должен был живущих вокруг чулымских татар обратить в христианскую веру. В других домах

расположились казаки или русские служивые...» [Мессершмидт, 2012, с. 89]. От Ачинского острога до Божьего оз. Д. Г. Мессершмидт двигался довольно большим караваном (двухколесная повозка, верховые и грузовые лошади, слуги) — «всего 24 человека и 34 лошади» [Там же, с. 91]. Правда, в дальнейшем это количество явно уменьшилось.

Интересно и точно описание Божьего (сейчас — Большого) оз.: «На северном конце озера привлекает фигура в виде полумесяца, и здесь возвышается относительно высокая гора, название которой выпало у меня из памяти, как раз в этом изгибе я не смог бы на нее подняться из-за расположенного перед ней болота» [Там же, с. 102]³. А дальше — «от Божьего озера к Черному Июсу, Черному озеру, Белому Июсу, Уйбату и Абакану была открыта степная дорога» [Там же, с. 100].

Третий период — второе путешествие Д. Г. Мессершмидта по Южной Сибири. Начало его, до выхода в междуречье Черного и Белого Июсов, было довольно сумрачным. Погода была преимущественно плохая. Все это время (до конца июня) Д. Г. Мессершмидт работал над своими записями, занимался гербарием и пр. Никаких данных о возобновлении интереса к поискам древностей в течение этого месяца практически нет. Только к 26 июня относится запись о том, что «Петер и Андрей отправились в степь раскапывать могилу» [Там же, с. 93]. Однако, чем это закончилось, неизвестно. 19 июля было открыто известное изваяние Казан-Кыс-таш [Там же, с. 108]. Д. Г. Мессершмидт возвращается к прежней, уже отработанной программе изучения и собирания древностей, теперь — в Уйбатской степи и особенно на юге Минусинской котловины, в районе Есь-Белтирских юрт. Многие открытия Д. Г. Мессершмидта были сделаны именно в этот период, в том числе открытие и первое описание нескольких окуневских изваяний, многочисленных рисунков на курганных плитах и др.

Эти два путешествия Д. Г. Мессершмидта (первое — совместно с Ф. И. Таббертом) охватили практически всю территорию бассейна Среднего Енисея — от Саянских гор на юге до Красноярска на севере. По времени эти исследования не были столь продолжительными: с 22 декабря 1721 г. по 28 мая 1722 г. (совместно с Ф. И. Таббертом) — 5 месяцев; и с конца мая по конец сентября 1722 г. (4 месяца). Около 9 месяцев, включая трехмесячное вынужденное пребывание в Красноярске (конец февраля — конец мая 1722 г.). Всего активной полевой работы — полгода.

Некоторые штрихи к тому, что можно назвать полевой деятельностью Д. Г. Мессершмидта, добавляет Э. Винтер в своем докладе на XIII Международном конгрессе по истории науки в Москве, 1971 г.: «С 1708 по 1713 год он изучал в Галле медицину и ориенталистику (очевидно, это уже тогда сформировало два основных направления научных интересов Д. Г. Мессершмидта — Д. С.)... Получив религиозное воспитание, он отличался исключительной добросовестностью, сознанием своего долга и, можно сказать, педантичной пунктуальностью. Предъявляя к себе самые высокие требования, он считал себя вправе ожидать того же от окружающих» [Винтер, 1971, с. 3–4].

Конец этого периода был особенно тяжелым для Д. Г. Мессершмидта. Нельзя спокойно читать записи в его дневнике о последнем плавании по Енисею от Саянского острога до Красноярска осенью 1722 г. Лучше привести соответствующие отрывки полностью. «22 сентября 1722 г. ... В этот день погода и без того была очень беспокойная, начался такой сильный шторм, что к несчастью мою связанную лодку с имуще-

³ Это место под названием «Стрелка» — длинный изогнутый гористый мыс в северной части Большого (раньше — Божьего) озера, отделенный от берега заболоченным «перешейком», полностью заливаемым в дни весенних паводков, превращающих «Стрелку» в остров — сохранилось и сейчас. В 1976 г. в средней части этой гряды были раскопаны самые северные погребения окуневской культуры — могильник «Стрелка» [Савинов, 1981], а в 1977 г. (совместно с В. В. Бобровым) на самой высокой оконечности мыса обнаружены остатки культового места (?) эпохи поздней бронзы.

ством вынесло на середину реки, она зачерпнула воды и начала погружаться со всем багажом и людьми. Я плыл на своем каяке изо всех сил, как мог противостоял ветру, чтобы прийти им на помощь, бросил им веревку и стал грести изо всех сил против ветра за Батенев бык к левой стороне Енисея» [Мессершмидт, 2012, с. 151]. Наконец Д. Г. Мессершмидту удалось высадиться на берег ниже Батеневского кряжа, приблизительно в тех же местах (а может быть, и на той же террасе?), где ровно через триста лет производил свои раскопки С. А. Теплоухов.

Но на этом путешествие не закончилось. «23 сентября 1722 г. ... Погода была пасмурная, штормовая, сырая и холодная, с градом. Сегодня продолжали сушить имущество на ветру, я должен был оставаться здесь, поэтому я произвел осмотр имущества и обнаружил следующее (далее следует список потерь, среди которых, к счастью, нет археологических коллекций — Д. С.) ... Затем я работал над моим дневником, аннотациями и каталогом» [Там же, с. 152]. 24 и 25 сентября это рискованное плавание продолжилось. «26 сентября 1722 г. снова поднялся такой сильный шторм, что я должен был причалить к левому берегу реки и подождать пока он не стихнет... Я не стал здесь ставить палатку, а лег в шубе на берегу прямо на голую землю и велел развести костер возле меня. Моя лодка с провизией и поваром и лодка со слугой отстали, и поэтому я должен был продержаться до 6 часов вечера...» [Там же].

5 октября 1722 г. Д. Г. Мессершмидт, наконец, «достиг Красноярска». «Я расселился, — пишет он, — в моей прежней квартире у одного дворянина Ильи Нашивошникова-Сурикова (это имя нам еще встретится в связи с открытием буддийского святилища в горе Сюме за Саянами. — Д. С.). Но имущество осталось в лодках» [Там же, с. 157]. Интересно, имеет ли добавление к фамилии Нашивошников — первооткрывателя скального святилища Чурумал-Бурханых-Хая в Туве — какое-либо отношение к великому русскому художнику Василию Ивановичу Сурикову (1848–1916), родившемуся в Красноярске ⁴?

Можно только удивляться мужеству Д. Г. Мессершмидта, который в этих условиях продолжал делать свои записи, заниматься каталогом, метеорологическими наблюдениями, даже фиксировать и копировать находящиеся на прибрежных скалах изображения (Бирюсинская писаница) (Табл. XIV, 4). Это были последние памятники древности, открытые во время южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта. Тем более горько, наверное, было для него, когда по возвращении в Петербург коллекции его были по сути дела «арестованы», а сам он был втянут в унижительную тяжбу с Медицинской канцелярией и столь же неблагоприятно настроенной Академией наук [Новлянская, 1970, с. 149–157].

Естественно, насыщенность каждого из выделенных периодов археологическими материалами, открытиями и наблюдениями была различной, что не всегда можно установить на основе имеющихся данных. Поэтому в дальнейшем целесообразно рассматривать результаты западно-южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта не хронологически, что при необходимости можно восстановить по дневниковым записям, а исходя из видов рассматриваемых археологических памятников. Всего их можно выделить пять: а) вещи, приобретенные у бугровщиков, русских крестьян и других «добытчиков»-коллекционеров; б) раскопки древних могил сотрудниками Д. Г. Мессершмидта, вещи, полученные в результате этих раскопок, сведения об особенностях погребального обряда; в) каменные изваяния и связанные с ними поверья; г) рисунки на

⁴ Великий русский живописец принадлежал к старинному казачьему роду. В войске Ермака служил есаул Суриков, предок художника. В 1622 г. Суриковы упоминались как основатели Красноярска. Петр и Илья Суриковы участвовали в Красноярской шатости 1695–1698 гг.

курганных плитах; д) наскальные изображения. В целом они охватывают весь или почти весь фонд археологических источников, используемых при изучении древней и средневековой истории и культуры населения Южной Сибири. Отдельную тему представляют памятники енисейской рунической письменности, первое открытие которой также связано с именем Д. Г. Мессершмидта.

А. Вещи, приобретенные у бугровщиков

Всего в собрании сибирских древностей, привезенных Д. Г. Мессершмидтом в Петербург, по данным Н. П. Копаневой, специально исследовавшей этот вопрос, «мы можем насчитать около 500 единиц» [Копанева, 2006, с. 79]. Много это или мало? Конечно, для первого прецедента такого рода это немало. Особенно, если иметь в виду все трудности, с которыми сталкивался Д. Г. Мессершмидт в процессе их приобретения в относительно короткий срок полевой работы на Енисее (около шести месяцев). К сожалению, на графических листах с их изображениями в «Sibiria perlustrata» не указаны места приобретения тех или иных предметов, а сам Д. Г. Мессершмидт, не считая некоторых особых случаев, по-видимому, не видел необходимости их указывать. Поэтому только некоторые из вещей археологического собрания Д. Г. Мессершмидта могут быть соответствующим образом аннотированы.

К ним относятся, например, литая фигурка верблюда, приобретенная 4 апреля 1721 г. в районе Ур-Харагая на Оби [Радлов, 1888, с. 10; Копанева, 2006, с. 76], и медная пластинка «из здешних могил», которую принес Яков Вас. Селенга 19 ноября 1722 г. где-то в районе севернее Абаканска [Мессершмидт, 2012, с. 149]. Не тот ли это Селенга — известный бугровщик с отсохшей рукой, с которым позднее встречался Г. Ф. Миллер на Копенском чаа-тасе?

Два сообщения подобного рода относятся к марту 1721 г.: «11 марта ... Здесь в деревне Логиной, на левом берегу Иртыша, доктор купил могильный сосуд для питья и тунгусское опахало от комаров, заплатив за это 50 коп. ...»; «20 марта ... Здесь (в дер. Великий Опош) г-н доктор накупил на 42 коп. могильных вещей, большей частью из красной и желтой меди» [Радлов, 1888, с. 9–10]. Однако большинство предметов из коллекции Д. Г. Мессершмидта остаются безадресными, хотя неизвестно, насколько важно точное указание места приобретения той иной вещи, тем более сами названия этих мест могли со временем измениться. Однако ясно, что самая значительная часть этой коллекции происходит с территории Минусинской котловины, бывшей основной ареной научных изысканий Д. Г. Мессершмидта как при совместной работе с Ф. И. Таббертом, так и после его отъезда. При этом следует отметить, что все пометки о местах приобретения той иной вещи были сделаны Ф. И. Таббертом и касаются в основном территории Западной Сибири, очевидно, гораздо лучше ему знакомой, чем Д. Г. Мессершмидту.

Наиболее подробные сведения об обстоятельствах приобретения тех или иных вещей, а также других известных местному населению памятниках древности, относятся к самому началу путешествия Д. Г. Мессершмидта, когда по его поручению этим занимался Ф. И. Табберт, видимо, уже имевший опыт в такого рода деятельности.

Количество приобретенных вещей во время пребывания Д. Г. Мессершмидта в Западной Сибири, то есть в начале его собирательской деятельности, определить трудно. В акварелях экспонатов Кунсткамеры сохранились изображения некоторых из них. В основном это бронзовые изделия художественного литья — релкинская культура и изображения пермского звериного стиля [СПбФ АРАН, р. IX, оп. 4, д. 561, л. 1; д. 228, л. 1; д. 347, л. 1]. Какая-то часть из них могла быть собрана Ф. И. Таббертом еще до приезда Д. Г. Мессершмидта.

Сейчас известны и другие находки такого рода, относящиеся к более позднему времени (не ранее середины II тыс. н. э.) — это т. н. «Бляхи с рыбаками», выполненные более схематично, чем композиция «Люди в лодке» на бляхе из коллекции Д. Г. Мессершмидта, но явно передающие тот же сюжет [Семенова, 2010]. Известно, что «в посылке, отправленной Мессершмидтом 25 июня 1720 г. в Петербург в Медицинскую канцелярию, было много вещей, принадлежавших Табберту или через него приобретенных» [Мартынова, Покровская, 2000, с. 11]. Скорее всего, именно так закладывалась основа взаимовыгодного сотрудничества двух замечательных исследователей, обеспечившая успех их дальнейшего совместного научного предприятия.

Сама собирательская деятельность Д. Г. Мессершмидта иногда представляется упрощенно, как само собой разумеющееся, или излишне оптимистично. Так, в статье Е. А. Ким о периоде пребывания Д. Г. Мессершмидта в Томске рассказывается о «содействии воеводы, который не только выполнял свой служебный долг, но и проявил личный интерес, что очень серьезно помогло Мессершмидту...». 18 апреля «был издан указ по случаю доставки всевозможных редкостей, который был оглашен и вывешен на базарной площади». «Нужно отметить, что местное население весьма исправно выполняло эту повинность — приносили различные вещи из курганов, языческих остяцких идолов... И при прощании господин комендант обещал, что он будет думать о том, как можно раздобыть... иные курганные вещи» [Ким, 2004, с. 5–7]. Возможно, что так все оно и было; к сожалению, удостовериться в этом невозможно, так как каких-либо других сведений об этих вещах, как и самих приобретенных тогда раритетов, не сохранилось. Однако, исходя из других имеющихся данных, можно судить о том, что все происходило далеко не так гладко.

Так, М. Г. Новлянская отмечает, что «жители этой страны (обские остяки?) так скрытны и скупы в отношении сведений и в особенности о минералах, могильниках и тому подобных вещах, что без предложения им лакомств и подарков не легко узнать от них что-либо, стоящее внимания» [Новлянская, 1970, с. 15]. Поэтому «попытки ученого привлечь к себе на помощь местных жителей, несмотря на содействие коменданта города, не увенчались успехом. Интересующие Мессершмидта сведения и предметы поступали от местных жителей в столь незначительном количестве, что он вскоре убедился в ненадежности этого способа пополнения коллекции и понял, что ему следует рассчитывать только на собственные силы и на силы своих помощников» [Там же, с. 26–27]. Кроме того, парадоксально, но факт: Д. Г. Мессершмидту запрещали рисовать вещи, поскольку это не оговаривалось в указе, и для этого требовалось специальное разрешение [Там же, с. 5–16]. Вот они уже и проявились — истоки российской бюрократии!

Вообще, тема «трудностей Мессершмидта» может стать предметом специального исследования, особенно это касается работы на территории Южной Сибири. Значительная часть этих трудностей связана с приобретением вещей для пополнения его коллекции древностей. К такого рода трудностям можно отнести слабое знание русского языка, затруднявшее непосредственные контакты с местным населением; недостаточное финансирование и задержки в выплате жалованья, которое Д. Г. Мессершмидт вынужден был также использовать для приобретения раритетов; нечестность, а порой и откровенный обман со стороны «поставщиков» древних предметов для коллекции; произвол и бесконтрольность представителей местной администрации и др. Следует иметь в виду и сложную политическую обстановку в местах работы экспедиции Д. Г. Мессершмидта: незадолго до этого состоялось насильственное переселение енисейских кыргызов в Джунгарию, и появление царского «эmissара» с предписанием о сборе ценностей не могло не вызвать соответствующей реакции со стороны «аборигенов».

С самого начала Д. Г. Мессершмидт, деятельность которого еще целиком укладывалась в рамки антикварного периода истории археологии в России, естественно, в первую очередь интересовался художественными изделиями и предметами культа. Причем, в начале он даже отказывался от приобретения других, чисто бытовых вещей. Из практики собирательской деятельности первого (томского) периода экспедиции Д. Г. Мессершмидта известно несколько таких случаев, достаточно подробно освещенных письменными источниками. Так, 5 апреля 1721 г., на следующий день после покупки «маленьких, литых из желтой и красной меди могильных идолов, в числе которых находились литой верблюд и человеческие фигуры... явился купец, принесший несколько золотых и серебряных вещиц, найденных в могилах, но доктор не захотел купить их, так как они состояли только из лошадиной сбруи и других трудно определяемых вещей» [Радлов, 1888, с. 10]. В дальнейшем, судя по всему, Д. Г. Мессершмидт от таких вещей, изображений которых довольно много в «*Sibiria perlustrata*», не отказывался.

В других случаях о наиболее ценных древних вещах, в первую очередь, предметах культа и изображениях, Д. Г. Мессершмидту только рассказывали или просто обманывали. Вот несколько таких наиболее характерных примеров, связанных с попытками приобретения таких раритетов для вновь пополнявшейся коллекции Д. Г. Мессершмидта.

«7 апреля 1721 г. Прапорщик Цеймерн сказал нам, что поручик Грабе, вернувшийся недавно из города Нарыма, видел в доме тамошнего воеводы красивого шайтана из желтой меди, в виде полу-зверя и получеловека, величиной в 1/4 локтя» [Радлов, 1888, с. 10]. Можно предполагать, что такие сведения, передаваемые из «третьих рук», ни к каким результатам не приводили. Сведений о дальнейшей судьбе этого идола нет. Кроме того, данный случай, как и многие последующие, показывает, что многие достопримечательности уже были «приватизированы» представителями местной администрации, и никто из них делиться ими с немецким посланником из Петербурга не собирался.

«20 июня 1721 г. Сегодня был у г-на доктора прапорщик Цеймерн, ездивший с Петром на Обь из-за могильных вещей (значит, были такие специальные поездки! — Д.С.). Он рассказал, что видел у дворянина Вишневецкого, жившего прежде в Томске, а теперь живущего в Чауском остроге, хорошо сделанное из меди изображение козла, на которого насакивает лев (вещь, вполне «узнаваемая» по другим изображениям звериного стиля. — Д.С.); ему очень хотелось приобрести его, но дворянин потребовал по 50 коп. за золотник. Когда же Цеймерн и Петр представили ему, как это он может столько требовать за медь, и что они желают приобрести эту вещь для г. доктора, приехавшего сюда по повелению Его Императорского Величества для собирания редкостей, то он ответил, что и сам может доставить эту вещь в Петербург в Его Императорского Величества Кунсткамеру» [Радлов, 1888, с. 11].

Или: тогда же «Петр, вернувшийся из своей поездки на Обь и скупивший там несколько могильных безделушек, рассказал нам, что в одной деревне на Оби, у ишимского золотоискателя, он нашел великолепное ожерелье, на котором спереди подвешены два маленьких медных льва, покрытых золотым листком; тоже сделано из меди, но покрыто золотом; за эту вещь крестьянин или владелец требовал 60 рублей; но так как с Петром были сведущие люди, оценившие золото только в 7–8 рублей, он удивился, что этот человек так хотел надуть его и выдать ему все за чистое золото; упомянутый золотоискатель был настолько хитер, что не позволял вскрыть золотую обложку, но прапорщик Цеймерн все-таки уловчился раскрыть ее и указал собственни-

ку его обман; Петр предложил ему за эту вещь 9 руб., но тот не хотел уступить ее дешевле 20 рублей» [Радлов, 1888, с. 11]. Очевидно, что эта сделка тоже не состоялась, сама вещь явно не сохранилась, но приведенная очень живая зарисовка показывает, с какими трудностями чисто «меркантильного» характера приходилось сталкиваться Д. Г. Мессершмидту при покупке древних вещей.

Сведения о некоторых местных достопримечательностях, в первую очередь, предметах культа, носили, на наш взгляд, просто отвлекающий характер. Так, «25 марта 1721 г. утром (в Чауском остроге) крестьянин предложил купить две могильные золотые серьги; но они не понравились г. доктору (он еще имел возможность выбирать? — Д. С.). На сделанный крестьянину вопрос, нет ли у него других могильных вещей или изображений, последний ответил, что у него ничего такого более нет, но что в трех днях пути оттуда, на реке Оби, лежит деревня Орда; там живет крестьянин, у которого есть красивый идол из желтой меди. Мы спросили, не может ли он нам привести этого человека; но он полагал, что теперь его там, пожалуй, нет, так как он часто уходит на раскопку могильных вещей» [Там же, с. 10]. Возможно, не случайно все приведенные выше сведения касаются покупки драгоценных (золотых) вещей, напоминающих о возможностях приобретения здесь изделий таких же, как знаменитое «могильное золото». Безрезультативность этих попыток могла послужить неким положительным опытом в дальнейшей собирательской деятельности Д. Г. Мессершмидта.

Похожие истории повторялись и на Енисее, но мотивировки здесь уже были несколько иные. «5 августа 1722 г. По моему прибытию, — пишет Д. Г. Мессершмидт, — татарин⁵ по имени... сообщил мне, что на Черном Июсе должна быть очень высокая гора, на вершине которой стоит большой железный идол, но из-за своей древности он уже наполовину упал, порос лесом и кустарником, поэтому я решил послать туда моего денщика, чтобы предварительно осмотреться... Но как только остальные татары от моих слуг узнали об этом, они так напугали парня, что он все стал отрицать, будто он слышал это от своего отца, но сам это место не знал», а «6 августа 1722 г. в 5 часов утра упомянутый татарин сбежал, чтобы я не настаивал в этом дальше и я должен был отказаться от разведки» [Мессершмидт, 2012, с. 124].

Иногда собирателей просто обманывали, как это случилось с остяцким идолом, которого в течение трех дней (26–28 августа 1721 г.) тщетно пытался увидеть Ф. И. Табберт. Сначала этого нельзя было сделать «потому что идол упакован в ящик, до которого хозяин (г. Борлют. — Д. С.) теперь не может добраться». На следующий день он «еще не достал его, так как собирался принять сегодня г. посланника (Измайлова) и не имел времени поискать эту вещь». Однако оказалось, что «он (воевода. — Д. С.) близкий родственник г. посланника и что г. посланник сам любитель подобных вещей». Наконец, на третий день, пишет Ф. И. Табберт: «28 августа 1721 г. Сегодня я опять пошел с г. Борлютом к воеводе и попросил показать шайтана. Он спросил, к чему он мне нужен; я сказал, что так как г. доктор приехал сюда за отысканием подобных редкостей, то я рассчитывал, не согласится ли г. воевода уступить его; он отвечал на это, что нет, что он сам хочет послать его в Тобольск к князю (Гагарину); я попросил в таком случае только посмотреть его, но он возразил, что теперь это не может сделать, что он у него уложен в ящик. Я убедился, что тут ничего не поделаешь и что остается только молчать» [Радлов, 1888, с. 12]. Как говорится, круг замкнулся.

⁵ Татары (минусинские татары) — в старой литературе общее наименование племен Среднего Енисея (койбалов, бельтиров, сагайцев, качинцев и др.), принявших участие в формировании этнической общности хакасов (ныне — коренное население Республики Хакасия).

Таким образом, скрытое или явное противодействие успешному исполнению миссии Д. Г. Мессершмидта ощущается на всех уровнях — от ишимца-обманщика до воеводы. Кстати, по рассказам золотых дел мастеров, известно, что у самого коменданта Красноярска Дмитрия Борисовича Зубова, оказавшего столь радушный прием Д. Г. Мессершмидту и обещавшего ему всяческое содействие, было «сплавлено могильных находок на несколько тысяч рублей» [Спицын, 1906, с. 233].

В дальнейшем о сборе материалов для коллекции древностей по мере продвижения в Южной Сибири говорится мало. Мало и скупо. Например, «13 января 1722 г. Сегодня господину доктору принесли черный янтарь; его нашли в кургане поблизости от реки Тесь и почти в 5 верстах выше устья». На следующий день: «14 января 1722 г., — пишет в дневнике Ф. И. Табберт, — еще мне показали отшлифованные камни, белые как агат, вставленные в пояс, который был найден в могильнике» [Мессершмидт, 2012, с. 30–31]. Вместе с тем, судя по изображениям входивших в собрание Д. Г. Мессершмидта изделий (тагарские бронзы, предметы поясной гарнитуры культуры енисейских кыргызов, таштыкская керамика), именно тогда в Южной Сибири произошло наиболее интенсивное пополнение коллекции. Во всяком случае, в количественном отношении они абсолютно преобладают над приобретениями, сделанными в Западной Сибири, а вещественных (археологических) свидетельств дальнейшего путешествия Д. Г. Мессершмидта вообще нет.

Судя по всему, основные надежды на приобретение наиболее ценных курганных древностей Д. Г. Мессершмидт связывал с пребыванием в городах, куда их привозили на продажу. Так, еще в Томске «4 июля 1721 г. комендант обещал, при прощании, позаботиться об оставке еще некоторых могильных вещей, когда ... придут в город ишимцы, от которых можно будет добыть подобные вещи; передаст их капитану Табберту» [Радлов, 1888, с. 11]. К сожалению, не всегда надежды оправдывались, в первую очередь, из-за отсутствия достаточных денежных средств для их покупки. Наиболее запоминающиеся случаи подобного рода также отмечены на страницах дневника Д. Г. Мессершмидта.

Так, «19 февраля 1722 г. в Караульном или Верхнем остроге доктор, купив несколько могильных медных вещей, нашел между ними также старинный серебряный кубок с ручкой, который велел срисовать. Этот кубок доктор охотно купил бы, но владельца его не было налицо, и к тому же сказали, что кубок заложен в церкви; тогда г. доктор поручил пономарю сказать владельцу, чтобы он привез кубок в Красноярск, где доктор заплатит ему сколько следует» [Радлов, 1888, с. 15]. По мнению Н. П. Копаневой, возможно, это тот самый кубок, рисунок которого сохранился в «*Sibiria perlustrata*» и, следовательно, Д. Г. Мессершмидту все же удалось купить его [Копанева, 2006, с. 78].

В те годы, как отмечает А. А. Спицын, «центром, в который стекались могильные древности Енисейского района, был Красноярск» [Спицын, 1906, с. 233]. Грустное впечатление производит запись от 6 октября 1722 г., из которой видно, как Д. Г. Мессершмидт вынужден был считать каждую копейку, чтобы купить понравившуюся ему вещь. «6 октября 1722 г. пришел бугровщик или могильщик Илья и предложил мне купить у него красивую могильную, серебряную позолоченную чашечку с изящно вычеканенными на ней листьями, весом в 67 золотников, требуя 12 коп. за золотник, это составляло всего 8 руб. 4 коп. Я предложил ему 7 коп. за золотник, что составляет 4 руб. 69 коп. Но он не согласился на цену, предложенную мной за чашечку, и, за неполучением жалования и по недостатку денег, мне придется отказаться от нее в надежде, что со временем он, может быть, уступит ее за более дешевую цену» [Радлов, 1888, с. 18]. Наверное, эта сделка так и не состоялась, так как больше замечаний об этом в дневнике нет.

А к назначенной у Верхнего острога встрече с бугровщиками из-за всех перипетий и сложностей своего путешествия Д. Г. Мессершмидт просто опоздал. Запись от 30 сентября 1722 г.: «В Верхнем Остроге из могильщиков или бугровщиков, ожидавших моего приезда до 24-го числа этого месяца, в настоящее время уже никого не было, так что никаких могильных редкостей не мог добыть» [Там же]. Приходится только удивляться, как в этих условиях, учитывая все вышесказанное, Д. Г. Мессершмидту все же удалось собрать и доставить в Петербург свою знаменитую коллекцию, хотя сам он считал исполнение данной миссии отнюдь не совершенным.

О пополнении своей коллекции Д. Г. Мессершмидт продолжал заботиться и позже, во время своего пребывания в Красноярске весной 1723 г. Об этом несколько раз упоминается на страницах его дневника. Так, 10 марта 1723 г. он записывает: «Я навещил Петра Терского ⁶, спросил его на счет могильных вещей, но не узнал ничего особенного. Он предложил мне купить старинные копейки 100 штук за 1½ руб, что составляет 50 проц. Но я не решился дать это, потому что в Тобольске обыкновенно платят только 25 проц.». «13 марта 1723 г. В Красноярске я навещил бывшего приказного Алексея Прохоровича Василевского в надежде найти у него несколько могильных вещей. Но попытка моя была безуспешна, и он показал мне только медную рукоятку, может быть, от палки, ножа, кнута и т. п. Мне не хотелось просить его о ней, и она осталась у него» [Там же]. «18 марта 1723 г. Я спрашивал (в Красноярске) Федота скорняка о могильных вещах, но не мог получить ничего от него». После приведенных выше слов о богатстве переплавленного курганного золота воеводы Д. Б. Зубова: «Вот почему мне при моей поездке для царского его величества не удалось добыть ничего курьезного», — заключает Д. Г. Мессершмидт [Там же]. В дальнейшем планы по сбору вещей «зело старых и необыкновенных» в экспедиционных усилиях Д. Г. Мессершмидта, по-видимому, отошли на «второй план».

Б. Раскопки древних могил и другие археологические сведения

Археологическая деятельность Д. Г. Мессершмидта начинается сразу после встречи с Ф. И. Таббертом в Абаканском остроге (г. Краснотуранск, ныне затопленный водами Красноярского моря. — Д. С.), которая состоялась 22 декабря 1721 г. Из записей в дневнике Д. Г. Мессершмидта: «22 декабря 1721 г. После небольшого отдыха, мы (то есть Ф. И. Табберт и его спутники. — Д. С.) поехали к Абаканскому острогу, куда мы с божьей помощью пришли к 8 часам вечера, здесь я нашел в добром здравии господина доктора и всех слуг, за исключением одного квартирмейстера Капелла, который сильно был болен» [Мессершмидт, 2012, с. 22].

Уже «31 декабря 1721 г. Пришел казак или служивый и доложил мне, что знает могилу или скифскую гробницу, вокруг которой находятся камни с различными знаками, буквами и фигурами; находятся они всего в полумиле от острога. Но, опасаясь приказного, он не решился ближе указать их. Поэтому я поручил моему слуге Петру ... отправиться туда вместе с этим казаком, Григорием, на моей собственной лошади, и произвести предварительную разведку» [Радлов, 1888, с. 27]. Таким образом, — пишет Табберт, — старый год сим и завершился» [Мессершмидт, 2012, с. 27].

⁶ В источниках фамилия Терский встречается дважды: Яков Терский — руководитель отряда казаков, в 1726 г. отправленных Красноярской Воеводской канцелярией на обследование верховий Енисея, в том числе для подтверждения сведений о загадочном скальном святилище на р. Джанкуль (Чаа-Холь). Петр Терский — один из информаторов Мессершмидта, о котором говорится в дневнике от 10 марта 1723 г. [Радлов, 1888, с. 18]. Каковы были отношения между ними — они родственники или однофамильцы?

1 января 1722 г. посланные «вернулись с известием, что этот курган находится верстах в 3–4 от Абаканска в Енисейской степи приблизительно на 2 версты в сторону от Енисея к западу (то есть в левобережной части Енисея. — *Д. С.*)» [Радлов, 1888, с. 12]. Само «захоронение представляло собой холм довольно больших размеров и местные служилые или казаки считали, что возможно до сих пор его никто вскрывал» [Мессершмидт, 2012, с. 27]. Работа на кургане продолжалась 5 дней (с 2 по 6 января). Стояла ясная холодная погода, позволившая производить земляные работы. Приведенные в дневнике сведения дают возможность достаточно полно представить их очередность и основные конструктивные особенности раскапываемого сооружения.

Однако опять возникли непредвиденные сложности. 2 января «господин доктор послал к приказному, чтобы получить лошадей, так как он хотел поехать к захоронению. Но приказчик был сильно пьян и от него не было никакого толку» [Там же]. Только на следующий день, 3 января, после «убедительного» разговора капитана Табберта с приказчиком, получили лошадей и «прибыли в 3^{1/2} часа к Енисею, где остановились, чтобы провести ночь при разведенном костре» [Радлов, 1888, с. 13]. Так что раскопки кургана по-настоящему начались только 4 января.

«Рано утром на рассвете господин доктор послал на могильник денщика Даниила, а также слугу Андрея и слугу Петра. Карл Шульман последовал за ними, чтобы зарисовывать фигуры и надписи на камне. А капитан Табберт остался с господином доктором в лагере. К вечеру они вернулись и сообщили, что нашли в захоронении большой камень и бревна, что могло означать, что там лежит тело, и если господин доктор пожелает утром туда поехать, то они могут его доставить. Карл Шульман сделал некоторые зарисовки с камня, но что это такое, было непонятно» [Мессершмидт, 2012, с. 28].

На следующий день, 5 января «на рассвете господин доктор и все мы поехали работать на захоронение. После осмотра места стало ясно, что копать нужно на большую глубину, чтобы добраться до нужного места, и так как погода была очень холодная, господин доктор вернулся в острог, а капитан Табберт остался с рабочими... которые до обеда занимались разведкой места, где должна быть могила. Потом капит. Табберт с рабочими на обед вернулся в лагерь... После обеда капитан Табберт вернулся с рабочими к могиле и после обеда они нашли настоящее захоронение, которое вокруг до уровня поверхности степи было выложено бревнами (в виде сундука). А над деревянным сооружением была сделана насыпь из камней в 1 1/2 человеческих роста, приблизительно в 100 сажений. На уровне поверхности степи была сделана обычная яма, такие могилы делают и у нас, земля здесь была рыхлая. Также рабочие нашли кости умершего. Но было уже поздно, для того, чтобы все завершить» [Там же]. Того же дня вечером по дороге встретили ехавшего из города казака, и он рассказал, «что приказчик (явно противодействовавший этим работам. — *Д. С.*) взял под арест гулящего Карела, так как он дал нам взаймы для работы кирки. Также он сказал, что дома умерла маленькая собачка» [Там же, с. 28–29].

«6 января 1722 г. Очень холодно, рано утром вернулись к работе, проработали полдня и вскрыли что-то вроде склепа с правой стороны могильника (кургана)... После большого количества вырытой денщиком Андреем земли нашли различные человеческие кости и среди прочего несколько кусков серебра и меди... Это было знаком того, что могильник был вскрыт и разграблен, и мы прекратили работу. Но причина, почему доктор приказал копать, была в том, что он хотел узнать, как и по какому обряду эти язычники в старину делали свои могилы, о чем господин доктор сделал свой набросок плана... К вечеру мы поехали в острог и прибыли туда около 8 часов. Пока капит. Табберт сообщал все новости господину доктору, пришел Карл Шульман и сказал, что Ка-

пелл очень ослабел и просил, чтобы мне сказали. Я еще немного побеседовал с господином доктором, и тут пришел курьер сказать, что он уже умер» [Мессершмидт, 2012, с. 29]. Больше ничего об этом сотруднике экспедиции Д. Г. Мессершмидта, умершем в день завершения раскопок первого кургана в Сибири, неизвестно.

Раскопки Мессершмидта кургана в Енисейской степи в начале января 1722 г. считаются очень важным событием в истории русской археологии. По словам Л. Р. Кызласова, «это были первые раскопки с научной целью, которые послужили началом развития сибирской археологии» [Кызласов, 1962, с. 51]. Можно добавить, ссылаясь на другие работы, что и первые раскопки кургана с научной целью в России, то есть началом российской курганной археологии. Однако многое здесь требует уточнения. Судя по приведенным дневниковым записям, непосредственно раскопки производил Ф. И. Табберт. Д. Г. Мессершмидт был на кургане один раз; в лучшем случае два раза, когда он «сделал свой набросок плана». Последнее обстоятельство особенно высоко оценивается Л. Р. Кызласовым, отметившим, что раскопки «велись на вполне (для того времени) научном уровне, с графической фиксацией погребального сооружения, что далеко не всегда делалось археологами даже в начале нашего века» [Там же].

Отдавая дань заслугам Д. Г. Мессершмидта, как первооткрывателя древностей Сибири, можно думать, что в чисто археологическом плане такая оценка несколько преувеличена: произведенные раскопки и желание сделать «свой набросок плана», если оно было осуществлено (к великому сожалению, этот рисунок до нас не дошел), есть прямое исполнение указания Петра I — «Один гроб с костями привезь, не трогая. Где найдутся такие, всему делать чертежи» [Формозов, 1986, с. 20]. По мнению Э. Б. Вадецкой, «сотрудники Д. Г. Мессершмидта раскопали курган тем же способом, что и бугровщики: пробили шурф сквозь насыпь до могилы и пр.» [Вадецкая, 1981, с. 12]. Вопреки первоначальным предположениям, курган оказался полностью ограбленным, везти было нечего и неизвестно, был ли сделан этот рисунок. Иначе говоря, выполнить данное указание не удалось.

Сам курган, раскопанный Д. Г. Мессершмидтом (и это стало «общим местом» в сибирской археологии, без какой-либо аргументации. — Д. С.), с легкой руки Л. Р. Кызласова, относится к тагарской эпохе, VII–III вв. до н. э. [Кызласов, 1962, с. 51; Грязнов, 1968, с. 187; Вадецкая, 1986, с. 77; Белокобыльский, 1986, с. 11–12; Борисенко, Худяков, 2005, с. 70 и др.]. Однако полностью и безоговорочно с таким определением трудно согласиться. Судя по всему, впервые раскопанный на Енисее «с научной целью» курган оказался достаточно сложным. Отнесение времени его сооружения к тагарской эпохе — правильно, но, скорее всего, в более узких хронологических пределах (саргашенский этап, по периодизации М. П. Грязнова; V–III вв. до н. э.). Об этом говорят сравнительно большие размеры земляной насыпи, глубина основного захоронения, обилие человеческих костей, невыразительность рисунков на каменных плитах.

Не исключена возможность нахождения в этом кургане двух захоронений: верхнее, впускное — «склеп» — в виде «сундука» с бревнами на поверхности и каменной насыпью, смещенное относительно центра сооружения; нижнее (основное) — в «обычной» яме — тагарское. Найденные в заполнении могильной ямы «несколько кусков» серебра для тагарской культуры не характерны и напоминают нечто более позднее, раннесредневековое. Но утверждать что-либо в этом отношении сейчас трудно. Никаких вещей из раскопок этого кургана в коллекцию Д. Г. Мессершмидта не поступало.

Дальше начинается печальная часть этой истории. «7 января 1722 г. Сегодня у маленькой часовни недалеко от острога выкопали яму, чтобы опустить в нее тело Капелла... 8 января 1722 г. Ветер был до обеда юго-западный, при этом очень холодно.

Сегодня тело Капелла похоронили» [Радлов, 1888, с. 29]. При этом еще раз проявился решительный характер Ф. И. Табберта. «10 января 1722 г. Сегодня рано утром прямо у моей квартиры мне встретился приказчик. Я пригласил его на чарку самогона или водки. После небольшого разговора я попросил у него от имени господина доктора свидетельство о смерти Капелла именно в этом остроге, чтоб отослать его в Тобольск. Он мне это пообещал. Сегодня был разговор с господином доктором о том, что не нужно писать енисейскому воеводе (что, возможно, могло затруднить дальнейшее путешествие. — Д. С.), так как капит. Табберт сам должен будет туда ехать» [Там же, с. 29].

Смерть в последний день раскопок квартирмейстера Д. Капелла, а до того «маленькой — любимой? — собачки», не оправдавшие ожидания раскопки большого кургана, возможно, в представлениях Д. Г. Мессершмидта каким-то образом связались между собой. К этому можно добавить еще одно обстоятельство: в Петербурге появился слух о смерти самого Д. Г. Мессершмидта, правда, узнал он об этом позже. «24 февраля 1722 г. — пишет Д. Г. Мессершмидт, — в Енисейскую канцелярию поступил указ с требованием достоверность сего подтвердить или опровергнуть, и при подтверждении моей смерти, все куриозы из моего груза изъять и отправить в Санкт-Петербург» [Мессершмидт, 2012, с. 104].

Судя по записям в дневнике, Д. Г. Мессершмидт узнал об этом только 13 июля 1722 г., когда получил сразу два указа: один, датированный 16 мая с требованием «переслать полный рапорт обо мне и о моем состоянии»; в другом (от 16 июня того же года) Д. Г. Мессершмидту самому предписывалось сообщить о своем местонахождении и опять то же — «что я имею из собранных медицинских курьезов, чтобы (на всякий случай! — Д. С.) незамедлительно отправить в Тобольск через Енисейск» [Там же]. «Так как я в русском языке очень слаб, — пишет далее Д. Г. Мессершмидт, — и должен был вести переговоры через переводчика, я весь день изучал содержание указа» [Там же]. Можно себе представить, какое впечатление вся эта волокита и указы, составители которых более обеспокоены доставкой собранных коллекций, чем самим фактом смерти исследователя, должны были произвести на мнительного Д. Г. Мессершмидта.

В дальнейшем Д. Г. Мессершмидт в раскопках погребений не участвовал, очевидно, считая это дело опасным и малоэффективным, однако краткие упоминания о раскопках курганов встречаются неоднократно, и в этом отношении «зимние» раскопки 1722 г. не были исключительными. И происходит это уже после отъезда Ф. И. Табберта, в основном в самом начале следующего сезона работ на Енисее. «26 июня 1722 г. Петер и Андрей отправились в степь раскапывать могилу»; «28 июня 1722 г. Петер и Андрей достали мне из могил несколько медных ножей и копий, но они не стоили таких усилий»; «29 июня 1722 г. трое моих денщиков пошли в степь раскапывать могилы, но нашли то, что и в прежних раскопанных могилах, ничего нового» [Мессершмидт, 2012, с. 93–94]. И только одно упоминание в августе — «19 августа 1722 г. денщики и служивые ушли раскапывать могильники» [Там же, с. 133].

Расположенные в хронологическом порядке эти сведения показывают, что в течение всего лета 1722 г. такие раскопки курганов предпринимались, но они уже мало отличались от пресловутых действий бугровщиков. Вполне вероятно, что какая-то часть найденных при этом вещей (скорее всего тагарской культуры) могла попасть в коллекцию Д. Г. Мессершмидта, но определить их по сохранившимся изображениям невозможно; никаких планов с целью «узнать, как и по какому обряду эти язычники в старину делали свои могилы», при этом не делалось, и, судя по всему, ничего нового для себя в этих раскопках Д. Г. Мессершмидт не находил.

С археологической точки зрения несомненный интерес представляют описания двух видов памятников, как в наибольшей степени соответствующие действительности. На р. Тесь, в месте, где было открыто известное каменное изваяние с рунической надписью VIII–IX вв. («Тесинский богатырь»), тогда же были осмотрены уже вскрытые ранее могилы. «28 января 1722 г. капитан Табберт отправился, вместе с Петром, к нескольким насыпным, но расхищенным русскими курганам; потом обнаружилось, что выброшенная из них земля состоит из одной лишь жженой глины, доказывающей, что язычники некогда сжигали своих покойников» [Радлов, 1888, с. 14]. «Проводник, который был с нами, также сообщил, так как он бывал у многих могил, которые вскрывали, что большинство ценных находок сильно были повреждены огнем, расплавлены. Но в других обнаруженных могилах не было следов огня, так как земля без пепла и все вещи в могилах находили непо потревоженными вместе с умершими...» [Мессершмидт, 2012, с. 32]. При этом «все могилы кругом обложены колотым плитняком, по крайней мере в локоть ширины и 1/4 локтя толщины... На каждом углу могилы, имевшей вид пригорка или насыпного холма, стоял поставленный торчмя камень; бока такого квадрата могли быть в 12–15 саж. длины, так как одни могилы были больше, другие меньше» [Радлов, 1888, с. 14]. Интересное дополнение к этому сделано позднее Страленбергом/Таббертом: «Во время, когда я обходил одну из ограбленных могил, то нашел кусочек золота, весом приблизительно в ½ лота. Из этого можно заключить, как люди, небрежно раскапывавшие могилу, обошлись с найденным в нем золотом» [Радлов, 1891, с. 35].

Данное описание полностью соответствует погребальному обряду кыргызских чаа-тасов VIII–IX/X вв. (например, Копенского или Уйбатского) с их сочетанием трупопожжения и трупоположения, высокими стелами по краям невысоких каменных выкладок, а также находками ценных изделий, в том числе оплавленных в огне. В этой связи следует отметить, что различного рода изделия, главным образом культуры енисейских кыргызов этого времени, в коллекции Д. Г. Мессершмидта достаточно многочисленны и вполне могут происходить из раскопанных тогда кыргызских чаа-тасов.

Не менее интересны и информативны сведения о другом виде памятников. В месте нахождения известного изваяния Казан-Кыс-таш на Черном Июсе (о самом изваянии будет подробнее сказано ниже, Табл. XIII, 3) Д. Г. Мессершмидту рассказали о могилах «богатырей» (Bogatur). Эти могилы «стояли еще до киргизов, которые 30–40 лет тому назад были изгнаны русскими и бежали к реке Кемчик через горы, и ни их предки, ни киргизские не знали, что за народы перед ними здесь их воздвигли... (Эти) так называемые богатыри (или исполины), что может быть выдумкой, так как черепа в этих могилах не более чем наши скелеты. И все же, пожалуй, это должен был быть многочисленный народ, так как в одной (могиле) их было больше тысячи, иногда насчитывалось 30–40 и более черепов, и всегда смешанных со сгоревшими углями» [Мессершмидт, 2012, с. 108–109].

Несмотря на явное преувеличение («больше тысячи»), приведенное описание вполне соответствует коллективным захоронениям тесинских или позднетагарских склепов, в которых иногда встречается от нескольких десятков до нескольких сотен человек. Интересны также приводимые легендарные сведения о том, что создатели этих погребений «стояли» (то есть должны относиться ко времени. — Д. С.) еще «до киргизов», что указывает их действительную древность. Изделий из памятников подобного рода также довольно много в коллекции Д. Г. Мессершмидта. Точную их «привязку» к какому-либо конкретному месту (памятнику), к сожалению, установить не удастся. Однако важно, что в данном случае достаточно «узнаваемо» передан контекст (или обрядовая ситуация) нахождения связанных с ними археологических материалов.

Можно предположить, что во время пребывания Д. Г. Мессершмидта на Енисее где-то поблизости производились грабительские раскопки (одного или нескольких?) таштыкских склепов и кыргызских чаа-тасов, на которых (гипотетически) мог присутствовать и сам Д. Г. Мессершмидт. Иначе трудно объяснить нахождение в его коллекции целиком сохранившихся глиняных сосудов (т. н. кыргызских ваз и таштыкской керамики), которые были получены (и доставлены!) в такой степени сохранности.

В. Каменные изваяния

Во время южносибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта была открыта серия разновременных каменных изваяний, каждое из которых получило впоследствии широкую известность. Три из них (или четыре) относятся к окуневской культуре; приблизительно столько же — к древнетюркскому времени; принадлежность некоторых — фигуры животных — определяются исследователями по-разному (таштыкская культура или остатки оформления древнетюркских мемориалов). По сравнению с общей массой известных сейчас каменных изваяний, особенно окуневских, это очень небольшое количество. Возможно, это объясняется тем, что значительная часть изваяний окуневской культуры уже тогда была повалена, утоплена в землю, использована в качестве угловых и простеночных камней в оградах курганов тагарской культуры, изучением которых непосредственно в поле Д. Г. Мессершмидт не занимался, а раннесредневековых каменных изваяний на Среднем Енисее до сих пор известно очень немного. Небольшая серия, но очень яркая и — главное — первая!

Изваяние на р. Барне. Первое из осмотренных Д. Г. Мессершмидтом во время его второго путешествия по Енисейским степям. «11 июля 1722 г. ...Мы подошли к четырехугольному камню-скале, она возвышалась слева от дороги и по внешнему виду была похожа на статую человека, но из-за своей древности нельзя было узнать, что она собой представляет... Я остановился на несколько часов, чтобы сделать эскиз. После того как я закончил эскиз... продолжил свое путешествие и достиг в 9 часов до обеда северную сторону Тенгри-куль, которое русские называют Божье озеро (сейчас — Большое оз. — Д. С.) ... Проход (между оз. Большим и Малым оз. — Д. С.) хорошо известен в сибирских землях. Киргизы, проживающие здесь 30–40 лет тому назад, по этому узкому берегу через преграды из бревен и каменные обвалы бежали от русских» [Мессершмидт, 2012, с. 102]⁷. Датировка изваяния на р. Барне, рисунок («эскиз») которого сделан очень схематично, не определяется. Однако, если учесть, что все другие каменные изваяния из этого района (северо-западная часть современной Республики Хакасия) относятся к древнетюркскому времени, можно предположить аналогичную культурную принадлежность и данного изваяния.

Казан-Кыс-таш (или Козен-Кеш) (Табл. XIII, 3). Первые сведения об этом изваянии Ф. И. Табберт получил еще до встречи с Д. Г. Мессершмидтом 18 декабря 1721 г., а именно то, что между Белым и Черным Июсами есть оз. Кара-Куль. «Недалеко от этого озера стоит знаменитый идол Козен-Кеш; это изображение женщины, которому поклонялись киргизы, но накануне их уничтожения было ужасное предзнаменование, когда упала голова, и головы теперь нет...» [Мессершмидт, 2012, с. 21]. С открытия этого изваяния началось второе (уже без Ф. И. Табберта) путешествие Д. Г. Мессершмидта по Енисейским степям.

⁷ Сведения (рассказы и легенды) о тайных «кыргызских тропах» в Кузнецком Алатау — на случай необходимости бегства из котловины? — мне приходилось слышать в этих местах еще в 1970-х гг.

«20 июля 1722 г. Я добрался до статуи, называемой Козен-Кеш, налево от дороги, в хорошенькой долине, поросшей березами и соснами. Она была 5½ футов вышины, высечена из красного камня и представляла, по моему мнению, китайца, обращенного лицом к югу; в правой руке он держал урну наподобие чайной чашки, левой же придерживал край своей одежды. Вокруг талии он был опоясан и по обеим сторонам кушака висело по мешочку... Голова была покрыта точно чепцом и по-видимому случайно была отбита, а потом лишь приставлена, без железной скрепы... Усы были похожи на польские, борода же была на подбородке довольно длинная и редкая; видно, что это мужская, а не женская статуя... Проезжающие татары питают к ней большое уважение и никогда не упускают случая принести ей в дар что-нибудь из своих съестных припасов, как-то: мясо, коренья и т. д... Рот же ее весь был вымазан жиром или маслом и блестел на солнце так, как будто был покрыт лаком» [Радлов, 1888, с. 16]. Рисунок изваяния был сделан самим Д. Г. Мессершмидтом (Табл. XIII, 3), так как далее говорится: «после того, как я закончил эскиз этого монумента...» [Мессершмидт, 2012, с. 110].

Именно это изображение приводится в работах Ю. С. Худякова [2004, рис. 3; Борисенко, Худяков, 2005, рис. 14]. «Хотя Д. Г. Мессершмидт не вполне точно передал на своем рисунке и неправильно интерпретировал некоторые реалии, — отмечает Ю. С. Худяков, — изображенные на этом изваянии, его прорисовка выглядит гораздо более точной, чем рисунок, сделанный через несколько десятилетий Шишковым, который продолжает использоваться исследователями до настоящего времени» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 73]. Данное изваяние — одно из немногих древнетюркских каменных изваяний, известных в Минусинской котловине, которое по характеру переданных реалий может быть датировано VIII–IX вв. Следует отметить, что это вообще, пожалуй, первое древнетюркское изваяние, так подробно описанное и зафиксированное в отечественной литературе.

Куртуяк-таш (Табл. I). Вскоре после раскопок кургана около Абаканска, 11 января 1722 г. «пришел казак... и сообщил, что вверх по реке Абакан, на той стороне от устья реки Уйбат, примерно в 1/2 дня пути должно быть каменное изваяние, которое татары называют Куртуяк, что означает Старуха-камень, почти в рост мужчины, но без рук» [Мессершмидт, 2012, с. 30]. Однако увидеть и описать это изваяние Д. Г. Мессершмидт смог только 18 августа того же года. Находилось оно поблизости от отмеченных выше погребений «богатырей». «...Неподалеку от этих могил, — пишет Д. Г. Мессершмидт, — я после часа езды встретил в холмистой чистой степи хорошо известную тамошним народам статую Куртуяк, которую я тотчас же и срисовал. Она из серого песчаника и косо врыта в землю. Сзади на спине висит толстая коса, которую еще и теперь носят калмыцкие и татарские женщины. Надписи на статуе не видно» [Радлов, 1888, с. 17].

Внимательный исследователь, Д. Г. Мессершмидт достаточно подробно описал связанные с этим изваянием культовые подношения, а также попытался выяснить их причину. «Языческие Есь-Белтирские татары, — пишет он, — оказывали ей (Куртуяк-таш. — Д. С.) большое почтение: каждый из них три раза ездил вокруг нее и, при совершении этой церемонии, приносил в жертву часть своего провианта, или клал ей пищу у подножия в траву, с тем, чтобы статуя могла питаться ею сообразно своему аппетиту. На вопрос мой: почему они думают, что этот безжизненный камень заслуживает такого почета..., они отвечали, что, по словам предков их, эта Куртуяк, как важная матрона была Кайра-ханом или всемогущим богом превращена в камень, и что они в память ей оказывают этот почет» [Там же]. Данное объяснение напомнило Д. Г. Мессершмидту библейское сказание о жене Лота, превращенной в соляной столб

и о том, что не были ли «эти народы в великой Татарии остатком потерянных колен израильских племен, как это предполагали многие из европейских ученых» [Там же]. Но, — отмечает Д. Г. Мессершмидт (и это делает ему честь), — «об истинности сего я могу только догадываться» [Мессершмидт, 2012, с. 133].

Усть-Есинская Кыс-таш (Табл. XIII, 2). Одно из самых известных изваяний окуневской культуры, открытое Д. Г. Мессершмидтом в районе Есь-Бельтирских юрт 18 августа 1722 г., но до того, как было открыто вышеописанное изваяние Куртуяк-таш. Запись об этом относится в дневнике Д. Г. Мессершмидта также к 18 августа 1722 г.: «В этих Есь-Тея-Абаканских степях, — писал Д. Г. Мессершмидт, — я нашел очень много скифских могил, на камнях которых были вырублены разные фигуры, из приведенных копий ясно № 1, 2, 3, 4, 5, 6...⁸, так как все сделаны в принятом рейнском фортификационном масштабе. Букв или чего-то напоминающих их я не заметил» [Там же, с. 132]. Из них № 1 и есть Усть-Есинская Кыс-таш, изображение которой помещено в дневнике Д. Г. Мессершмидта вместе с другими рисунками на курганных плитах (Табл. XIV, 1–3), открытых и зафиксированных Д. Г. Мессершмидтом также 18 августа 1722 г. [Messerschmidt, 1962, Abb. 1]. Изображение данного изваяния, выполненное с различной степенью точности, впоследствии неоднократно публиковалось (подробнее см. ниже).

«Тесинский богатырь». «22 января 1722 г. пришел крестьянин и сообщил о каменном изображении, находящемся близ реки Теси» [Радлов, 1888, с. 14]. Через день, 24 января «господин доктор послал капит. Табберта, Карла Шульмана и Петера с проводником на реку Тесь, где должно быть каменное изваяние, чтобы его осмотреть. Они поехали верхом около 8 часов из острога (Абаканского. — Д. С.) на другую сторону реки Енисей и ехали вдоль него 2 версты. Потом они повернули от реки на юго-запад в степь, и следовали в этом направлении до 12 часов, потом повернули на запад и в этом направлении ехали до 2 часов, и прибыли на место, где был могильник или захоронение» [Мессершмидт, 2012, с. 32]. Неблизкий путь, но такому подробному описанию пути, сделанному в начале XVIII века, можно только позавидовать!

«В середине этих могил, образовывавших круг, стоял камень, который Карл Шульман зарисовал... Это была фигура мужчины с бородкой, на его спине, обращенной к западу, были буквы, которые были почти стерты...» [Там же, с. 32]. Это первое описание известного «Тесинского богатыря», единственного каменного изваяния в Минусинской котловине, выполненного в уйгурской традиции (с сосудом в двух руках), с рунической надписью на спине, которое может быть датировано VIII–IX вв.

План местности, где находился «этот памятник и рисунок самого изваяния, сделанные Карлом Шульманом», опубликованы в книге Ф. И. Страленберга [Strahlenberg, 1730, Tab. II, XII; повторение его см.: Радлов, 1891, табл. II, XII; Борисенко, Худяков, 2005, рис. 23]. Другая прорисовка этого изваяния приведена в известной сводке Л. А. Евтюховой [Евтюхова, 1952, рис. 42]; она же представлена в книге Ю. С. Худякова [Худяков, 2004, рис. 4, 2] и в других отечественных изданиях.

Изваяние на р. Бире («Тазминское») (Табл. XIII, 1). Одно из самых известных окуневских изваяний, открыто 4 августа 1722 г. «После обеда, — пишет Д. Г. Мессершмидт, — я узнал, что в верхнем течении реки Бюр, недалеко от Июс-Сагайских юрт, должен стоять прекрасный монумент с неизвестной надписью... Было 2½ часа, как я выехал и прибыл туда в 6½ часов. Камень стоял на обширной равнине, я услышал несколько выстрелов из мушкета с того места, где я располагался, как бы кто-то подавал мне сигнал (поистине знаковое событие! — Д. С.)... И он был из красного камня, в виде венгерской сабли, устремленной в высоту, высота над горизонтом 125 дюймов, ширина

⁸ См. рисунки в немецком издании первого тома дневника: Messerschmidt, 1962, Abb. 1–6.

31 дюйм, на острых углах выделялась большая голова или лицо, обращенная на юг, на западной стороне повсюду вырезанные бесформенные фигуры, но *совсем не буквы* (курсив наш. — Д. С.). Северный острый угол был закруглен и весь ровный, точно таким же был в весь восточный» [Мессершмидт, 2012, с. 123].

Изваяние было полностью зарисовано Д. Г. Мессершмидтом. И дальше следует скупой, но чрезвычайно выразительный текст, позволяющий совершенно точно увидеть, в каких условиях приходилось иногда работать Д. Г. Мессершмидту. «Так как вечером я еще не закончил рисунок, — пишет он, — я должен был здесь переночевать, хотя со мной не было ни кровати, ни шкуры. Я вынужден был завернуться в пальто и спать на голой земле, ночной холод сильно беспокоил меня, но я должен был терпеливо все вынести» [Там же, с. 123–124]. Подобные бытовые зарисовки, хотя и не столь выразительные, встречаются в дневниковых записях Д. Г. Мессершмидта неоднократно.

Рисунок этого изваяния сохранился и, пожалуй, по тщательности исполнения превосходит все остальные и лучше всего передает особенности художественной манеры исполнения Д. Г. Мессершмидта. «Когда следующим утром рисунок был закончен, — пишет Д. Г. Мессершмидт, — по дороге назад около 10 часов я нашел в 100 шагах отсюда на юго-западе другой такой же камень по виду и величине, также устремленный в небо, но он был наполовину разрушен и смотрелся в высоту, не более чем на 60 дюймов над горизонтом» [Радлов, 1888, с. 124]. Как отмечает Л. Р. Кызласов, по данным С. А. Теплоухова 1926 г., тазминская группа изваяний насчитывала девять памятников [Кызласов, 1986, с. 101]. Как покажет дальнейшее изложение, на двух из них имелись рунические надписи. Судя по всему, одно из них («Третий памятник с Уйбата») было открыто Д. Г. Мессершмидтом еще раньше, до встречи его с Ф. И. Таббертом.

Фигура барана с р. Тубы, изображения животных. Эти статуарные памятники Д. Г. Мессершмидт увидел уже в Красноярске, но узнал об их существовании еще раньше, во время пребывания в Томске. «18 мая 1721 г. воевода опять зазвал г. доктора к себе, где между прочим сказал ему, что в городе Красноярске лежит большой камень, на котором высечен баран; привез же его туда некто Салмаров⁹, много лет тому назад, с Усть-Тубы, лежащей на 1/2 дня пути от Абакана; барану же поклонялись местные язычники» [Радлов, 1888, с. 11]. Сам Д. Г. Мессершмидт увидел это изваяние и другие фигуры каменных животных в феврале 1722 года. «28 февраля 1722 г. господин доктор послал к госпоже комендантше передать его просьбу, не могла бы она оказать поддержку распорядиться... чтобы каменных животных, таких как овца, медведь, снежного барса, находящихся на рыночной площади, желательно было бы доставить в его квартиру, чтобы зарисовать; этих животных язычники использовали в качестве идолов, и несколько лет тому назад они были доставлены с реки Тубы» [Мессершмидт, 2012, с. 46].

Об этих находках Д. Г. Мессершмидт сообщает и в подписях приложения к X-му рапорту: «Изображения животных из скального камня, в степи у реки Туба, несколько лет тому назад найденные и перевезенные в Красноярск, которые единодушно к коренному народу древнейших времен скифов по общему мнению имеют обыкновение относить» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 37, л. 7]. Рисунки этих «каменных животных» были, по всей вероятности, сделаны К. Г. Шульманом и позже опубликованы Ф. И. Страленбергом [Strahlenberg, 1730, Tab. XXI].

⁹ В немецком издании первого тома дневника — Салматов (запись от 7 апреля 1721 г.) [Messerschmidt, 1962, S. 99].

Из приведенных данных видно, что Д. Г. Мессершмидт отправлялся на поиски и находил, в первую очередь, те изваяния, о месте нахождения которых имел раньше или получал какие-то предварительные сведения. Возможно, это еще одно объяснение небольшого количества открытых им памятников древней степной скульптуры, хотя сейчас ясно, что по пути его следования их было гораздо больше.

Г. Рисунки на курганных плитах

Курганные плиты с нанесенными на них изображениями — одна из наиболее характерных и ярких особенностей исторического ландшафта Приенисейских степей. Изучение их уже составило отдельную отрасль петроглифведения, начало которой было положено южносибирским путешествием Д. Г. Мессершмидта. Первые наблюдения подобного рода относятся к концу января 1722 г., когда (после открытия «Тесинского богатыря») «Капит. Табберт с людьми верхом поехал еще к одному месту, приблизительно в 2 верстах от ночного лагеря на юг, там было очень много могил, на всех были камни..., среди них были угловые камни с фигурами и текстами, но они со временем так истерлись, что невозможно было распознать» [Мессершмидт, 2012, с. 33]. Текстов там действительно не было, «но Карл Шульман все-таки срисовал один камень, на котором были изображены разные неправильные четырехугольники, в виде ромбов или ромбоидов» [Радлов, 1888, с. 14]. Одно интересное дополнение: «Среди этих могил две были вскрыты и разграблены русскими, и когда Карл Шульман палочкой стал раскапывать выброшенную из них землю (какая точная зарисовка! — Д. С.), то нашел в ней кусочек золотой проволоки, за которую получил 15 коп.» [Там же].

Однако наибольшее количество курганных плит с нанесенными на них изображениями встретилось Д. Г. Мессершмидту в южной части Минусинской котловины (от Аскиза на юг, в районе пос. Бельтиры и Усть-Есь), по которым данная территория даже получила особое наименование — Могильная степь. Количество курганов (точнее — оград. — Д. С.), обставленных каменными плитами, в том числе с многочисленными рисунками, здесь особенно велико. Позднее эту особенность Могильной степи отметил и Г. Ф. Миллер: «Нигде, пожалуй, на одном месте нет столько могил, как здесь» [Радлов, 1894, с. 96]. Большинство из этих курганов относится к подгорновскому типу тагарской культуры (VII–VI вв. до н. э.) и представляют собой квадратные (реже — трапециевидные) ограды с вертикально установленными массивными каменными плитами по углам и посередине сторон. На этих плитах с внешней стороны и нанесены многочисленные изображения, начало изучения которых было положено открытиями Д. Г. Мессершмидта¹⁰.

О назначении рисунков на курганных плитах Д. Г. Мессершмидт мог только догадываться. «Букв или чего-то напоминающих их я не заметил. Но фигуры, если посмотреть, ничего другого мне на напоминали, как генеалогический реестр всех в отдель-

¹⁰ В этом районе на юге Хакасии (среднее течение р. Тея, пос. Бельтиры и Есь), получившем по количеству находящихся здесь курганов образное наименование «Могильная степь», в 1985–1989 гг. под руководством автора проводила археологические исследования Средне-Енисейская археологическая экспедиция ЛОИА АН СССР–ИИМК РАН. Большинство из раскопанных здесь курганов (в общей сложности — около 100) относится к подгорновскому этапу тагарской культуры, вторая половина VIII – конец VI в. до н. э. Материалы I Аскизского отряда опубликованы [Савинов, 2012]. Некоторые из этих курганов с высокими угловыми камнями, иногда имеющими антропоморфные очертания (с «нависанием»), вполне возможно, мог видеть проезжавший по этим же местам Мессершмидт. На многих из этих плит находились различного рода изображения, в том числе и т. н. «тагарские человечки», о которых упоминает Мессершмидт. К сожалению, плит с рисунками, скопированных в свое время Мессершмидтом, среди известных нам изображений нет. Большая часть этих изображений опубликована [Savinov, 1999]. В 1989 г. после рекультивации плиты с рисунками из раскопанных тагарских курганов были свезены в с. Полтаков, где около школы на их основе был создан «Музей древнего искусства [Миклашевич, 2011].

ности умерших, которых здесь время от времени зарывали, хотя изображение человеческой фигуры дано в простых линиях, не является портретным» [Мессершмидт, 2012, с. 132]. Очевидно, что в данном случае речь идет об антропоморфных изображениях или т. н. «тагарских человечках», наиболее характерных для курганов раннего этапа развития татарской культуры. Предложенное Д. Г. Мессершмидтом объяснение их назначения, но выраженное в более научнообразной форме, существует и в настоящее время.

Хотелось бы привести также очень точное описание кургана более позднего, сагашенского этапа тагарской культуры (V–III вв. до н. э.): «12 августа 1722 г. пошли вперед к Есь-Бельтирским юртам... Здесь было много могил или древних скифских курганов, которые образовывали каре и имели примерно 200 шагов по диагонали. На каждой стороне каре находилось по 5 больших скальных камней или плит, в 4 аршина шириной, 3½ аршина в высоту и ½ аршина толщиной. Они были поставлены вертикально и сплошь испещрены на полпальца фигурами, преимущественно, животных: лошадей, медведей, оленей, косуль и т. п. ... Внутри, глубоко в могиле, было захоронено не менее 4 человек, но они были разрыты и разграблены» [Мессершмидт, 2012, с. 128–129]. Судя по этому описанию, Д. Г. Мессершмидт на этом кургане был, а, возможно, и присутствовал при его раскопках. Иначе откуда он мог узнать, что «глубоко в могиле было захоронено не менее 4 человек» [Там же]. В коллекции Д. Г. Мессершмидта довольно много тагарских вещей этого времени (кинжалов, ножей, чеканов, фигурок «летающих» оленей и др.).

К сожалению, все скопированные «эскизы» изображений на курганных плитах, не важно, кем они были исполнены — К. Г. Шульманом, Д. Г. Мессершмидтом или кем-то другим — сделаны явно выборочно и настолько схематично, что остаются малоприспособными для какой-либо идентификации в современных научных исследованиях.

Д. Наскальные изображения

В период работы Д. Г. Мессершмидта на Енисее было открыто два местонахождения наскальных изображений, оба в северной части южносибирского маршрута, в районе Красноярска: одно — на «Городовой стене» (Новоселовская писаница) (Табл. XIV, 5); другое — Писаный камень севернее дер. Бирюса на правом берегу Енисея (Табл. XIV, 4). Местонахождения были обследованы дважды: первый раз при совместной с Ф. И. Таббертом поездке в Красноярск (февраль 1722 г.); второй раз — при возвращении Д. Г. Мессершмидта из Саянского острога в сентябре/октябре того же 1722 г.

«18 февраля 1722 г. мы услышали, что на “Городовой стене”, то есть на возвышенности и крутом берегу Енисея, вырезаны разные языческие надписи; утром в 8 часов г. доктор отправился туда, версты за три не доезжая до Новосела, у самого Енисея. Прибыв туда мы увидели только несколько изображений зверей, людей и знаков, начертанные красной краской на береговых скалах, в 4–5 локтей вышины. Карл Шульман срисовал их, и по окончании этого мы вернулись обратно» [Радлов, 1888, с. 15]. Через полгода, «26 сентября 1722 г., — рассказывает в своем дневнике Д. Г. Мессершмидт, — мы добрались до «Городовой стены», то есть до чрезвычайно высокого, бурого, скалистого берега, довольно похожего на большую стену, от которой он и получил свое название. На этой отвесной скале мы уже зимой 18 февраля этого года заметили несколько знаков и фигур, в незапамятные времена начертанные яркой и неизгладимой краской, на высоте примерно 4-х сажень над поверхностью воды; рисунки с них отправлены мною в Петербург уже 20 мая» [Радлов, 1888, с. 17–18].

В подписи к этим рисункам говорится: «Изображение символов и фигур, память предков коренного татарского народа, находящееся на очень крутой скале р. Енисей — «Городовой стене» — приблизительно на треть десяти футов от поверхности воды.

Красная краска надписей полностью сохранилась. Многие (из надписей), по обыкновению культовые (языческие), среди невежественного народа способствовали распространению преданий» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 37, л. 2]. Надо ли говорить, что подобного рода сведения, скорее всего, уже очень мало интересовали Медицинскую канцелярию!

Новоселовская писаница была доследована в 2004 г. Оказалось, что камни с красочными изображениями, открытые Д. Г. Мессершмидтом, сейчас находятся под водой. Однако выше в 6–12 м от уреза воды на двух ярусах скальных обнажений было открыто еще семь плоскостей общей протяженностью около 50 м с различного рода изображениями. Среди них — перевернутая личина окуневского типа и руническая надпись [Заика, Дроздов, Макулов, 2005, рис. 1].

О наскальных изображениях севернее дер. Бирюсы (Бирюсинская писаница) 23 февраля 1722 г. сообщается, что «в 4 верстах от этой деревни находились... различные фигуры, нарисованные красной краской, по мнению жителей непонятно, поскольку они нарисованы на гладких и крутых скалах высоко от уровня воды, как туда мог забраться человек и сделать подобное. Было поздно, и из-за скверной дороги мы проехали мимо, тем более Енисей был справа от нас, и необходимо было переходить по льду, к тому же из-за глубокого снега и нагромождений льда туда было не добраться. Эти скалы жители называют “Pisannyi kamen”» [Мессершмидт, 2012, с. 43]. Через несколько верст путешественники все же «перешли на правую сторону Енисея и достигли устья реки Маны, мимо которой прошли совсем близко» [Там же, с. 43]¹¹.

Тогда же, 23 февраля были открыты и осмотрены ставшие известными впоследствии Бирюсинские пещеры [Мессершмидт, 2012, с. 42–43], но ничего заслуживающего внимания, кроме следов современного обитания, в них обнаружено не было¹². «При возвращении в Красноярск 3 октября 1722 г., — пишет Д. Г. Мессершмидт, — в 4½ часа я покинул Бирюсу и в 5 часов проплывал мимо скалистого берега (или Писаного камня) справа по течению Енисея, на котором были написаны древние знаки или фигуры красной краской около 5 саженей высотой над уровнем воды, которые зарисованы мною в рейнском масштабе» [Там же, с. 156] (Табл. XIV, 4). И об этом так хладнокровно сообщается после опаснейшего плавания по бушующему Енисею!

Особо следует сказать об одном из самых известных петроглифических памятников Сибири — знаменитой Томской писанице, открытие которой чаще всего приписывается Страленбергу/Табберту. Однако, по-видимому, следует согласиться с мнением И. В. Ковтуна о том, что именно Д. Г. Мессершмидту первому принадлежит честь открытия Томской писаницы [Ковтун, 2010; 2013]. Помимо приведенных И. В. Ковтуном аргументов, в целом объективно освещающих наименее доступный для исследования начальный период южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта (весна — лето 1721 г.), в пользу данной версии свидетельствует сравнение изображений Томской писаницы в книге Ф. И. Страленберга, совершенно схематичное и неумелое [Strahlenberg, 1730, Tabl. VIII, A], и ее же значительно более точное и профессиональное исполнение (Табл. XV) в приложении к X-му рапорту Д. Г. Мессершмидта, отправленному в Медицинскую канцелярию 28 мая 1722 г. [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 37, л. 8, 9].

¹¹ Позже на прибрежных скалах р. Маны А. В. Адриановым были открыты и другие красочные изображения, оставшиеся неизвестными Мессершмидту.

¹² Бирюсинские пещеры, впервые открытые экспедицией Мессершмидта, впоследствии были исследованы в конце XIX в. в. А. П. Кленовым, в 1920 г. Г. П. Сосновским, в 1924–1927 гг. В. И. Громовым.

В Приложении к X-му рапорту рисунок этот повторен дважды: как бы издавека, явно «с воды» (Табл. XV, 1), даже с передачей видных под водой граней каменного основания скалы (то есть в спокойный солнечный день?), и в более крупном масштабе при непосредственном приближении к скале (Табл. XV, 2). Для этого автор второго изображения, судя по технике исполнения — рисовальщик К. Г. Шульман, бывший тогда с Д. Г. Мессершмидтом, должен был сойти на берег и подойти непосредственно к скале. Вместе с ним подойти к скале должен был и сам Д. Г. Мессершмидт. По мнению И. В. Ковтуна, это произошло 15 июля 1721 г. Иначе он не мог бы написать позднее о курганных плитах в Абаканской степи на Енисее (один из аргументов И. В. Ковтуна), «на которых в полпальца вглубь (то есть определенно на ощупь. — Д. С.) были начертаны такие же изображения разных животных..., какие замечены и срисованы у Письмагоры (то есть на Томской писанице. — Д. С.)»¹³ по правую сторону реки Томи» [Радлов, 1888, с. 16–17].

Еще один аргумент авторства открытия Томской писаницы Д. Г. Мессершмидтом — отрывок из его рукописи «Сибирские памятники неизвестной доныне древности...» (на латыни). Перевод: «Первый схематичный рисунок (чертеж?) изображений, высеченных на скале Писаный камень на сибирской реке Томь, некогда также пересланный письмом (Д. Г. Мессершмидта — Д. С.) ... 20 мая 1722 года передан» [Ковтун, 2010, с. 41]. Как отмечает В. В. Радлов, «рисунка к этой подписи в рукописи нет» [Радлов, 1888, с. 6]. Имеются основания полагать, что сохранившийся в приложении к X-му рапорту, отправленному 28 мая 1722 г. (вместе с другими материалами экспедиции с Ф. И. Таббертом в Петербург), и есть этот самый рисунок, об отсутствии которого пишет В. В. Радлов.

В подписи к этому рисунку сказано: «Набросок изображений, видимых на отвесной скале реки Томи, «Писаный камень», на котором запечатлена память предков коренных татар. (Эти изображения) похожи на другие скальные в разных местах у реки Писанной... рядом с городом Соликамском и селением Чердынъ (? — Д. С.) ... очень высоко попарно расположенные и сегодня продолжающие существовать» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 37, л. 8, 9].

Однако, откуда же тогда взялась версия об авторстве открытия Томской писаницы Ф. И. Страленбергом? Можно предположить два ответа на этот вопрос. Первый: по каким-то причинам Ф. И. Страленберг вторым рисунком, выполненным непосредственно на скале, не воспользовался, а поместил в своей книге другой — самым схематичным образом сделанное воспроизведение общего вида Томской писаницы «с воды» из приложения к X-му рапорту Д. Г. Мессершмидта, который он доставил в Петербург. В пользу этого предположения свидетельствует также то, что изображение Уйбатской стелы с руническими надписями (Табл. XVI, 1), доставленное с тем же посланием Д. Г. Мессершмидта, приведено в книге Ф. И. Страленберга (но без окуневской личины на лицевой стороне), причем оно явно является копией с оригинала, сделанного К. Г. Шульманом. Скорее всего, все рисунки, помещенные затем в книгу Ф. И. Страленберга, были предварительно перерисованы.

¹³ Предлагаемое новое название этого широко известного памятника — «Письмагора» — представляется неудачным или просто надуманным. Такое словосочетание, вообще необычное для русского языка и только один раз встречающееся в дневнике Мессершмидта (Pis'mo-gora: Messerschmidt, 1962, S. 295), может объясняться как неправильно понятыми словами информатора, так и особенностями перевода. Ясно, что речь идет не о горе со знаками какой-то письменности, а о «писанном», то есть разукрашенном камне (неправильно переданным или понятым как «гора») на р. Томи, то есть о Томской писанице. Название, с которым она и вошла в литературу. В этом же значении это определение использует и Мессершмидт (Бирюсинский писаный камень, или писаница).

Другое решение данного вопроса: Ф. И. Табберт во время своего плавания по р. Томи с целью более детального обследования ее берегов также мог видеть Томскую писаницу и сделать («с воды»?) ее схематическое изображение. В пользу этого как будто говорит указание Ф. И. Страленберга о том, что «такого рода фигуры и письма, изсеченные или железным инструментом вырезанные на скалах, встречаются также между городами Томском и Кузнецком, на берегах реки Томи, которые там и сям состоят из крупных скал» [Радлов, 1891, с. 30]. То есть, у Ф. И. Страленберга также были основания для сравнения этого и других известных ему памятников. Однако в свете всего сказанного и чисто в хронологическом плане, «пальма первенства» в открытии Томской писаницы так или иначе остается за Д. Г. Мессершмидтом.

Таков краткий итог сделанных Д. Г. Мессершмидтом археологических открытий. От каждого из них — будь то вещественные фонды культуры или погребальные сооружения, каменные изваяния или рисунки на курганных плитах, наскальные изображения или памятники древней письменности — начинается «дорожка» дальнейшего изучения культурных ценностей древнего населения Южной Сибири, из которых потом складывается единая область — не просто сибирской и не восточно- или западносибирской — а именно южносибирской археологии, основоположником которой стал Д. Г. Мессершмидт.

* * *

Говоря о второй части южносибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта, нельзя не сказать о тех трудностях, которые сопровождали его все это время. Очевидно, они были и раньше, но начиная с конца мая 1722 г. Д. Г. Мессершмидт путешествовал один, без помощников, без достаточного знания языка и постоянно сталкивался с различного рода ситуациями, ставившими под угрозу успех всего научного предприятия. Изматывающая непогода, особенно в период путешествия по Кемчугу, безумное количество комаров, мошки и прочей непривычной нечисти, от которой Д. Г. Мессершмидт спасался, только грея руки на огне, пьянство денщиков и представителей местной администрации, необязательность нанятых на местах слуг и постоянные задержки с выплатой жалованья; собственные болезни, на которые также ссылается Д. Г. Мессершмидт, — все это вместе, безусловно, усугубляло тяжелое положение исследователя, волею русского царя и судьбой заброшенного в неведомую для него до сего времени Сибирь и, конечно, мешало успешному исполнению его замыслов.

Главным образом, это касается начала и конца второго путешествия Д. Г. Мессершмидта по Южной Сибири — плавания на плоту по Кемчугу до Ачинского острога и осеннего возвращения по Енисею из Саянского острога в Красноярск. Надо сказать, что все это время, несмотря на различного рода невзгоды и препятствия, Д. Г. Мессершмидт постоянно работал над каталогом ботанических коллекций, составлением гербария, различного рода записями по зоологии, ботанике, астрономии, как наиболее близким темам его научных интересов, не оставляя при этом обязательств по сбору раритетов (или, как тогда говорили, «куриозов»).

Вот только некоторые из этих записей: *7 июня 1722*. В полночь поднялся сильный ветер и продержался всю ночь. Я занимался тем, что приводил в порядок свои записи и заметки. *10 июня 1722*. Я между тем работал над моими записями. *27 июня 1722*. Я между тем занимался записями, чтобы сделать наброски моего сообщения. *3 июля 1722*. Я между тем делал свои записи. *5 июля 1722*. Я работал над моими записями по орнитологии. *8 августа 1722*. Тем временем я работал над каталогом растений. *13 августа 1722*. Между тем я работал до полуночи над своими записями. *14 и 15 августа 1722*. Занимался исключительно каталогом растений; и т. д. Таких дневниковых записей

можно привести еще очень много [Мессершмидт, 2012]. Постоянно встречающееся при этом выражение «между тем» охватывает многие другие, в том числе неблагоприятные обстоятельства путешествия Д. Г. Мессершмидта.

Другие места из дневниковых записей Д. Г. Мессершмидта настолько выразительны, что лучше всего привести их полностью. При этом следует отметить, что записи в дневнике, сделанные самим Д. Г. Мессершмидтом, вообще носят более личностный характер, чем сухие и рациональные записи Ф. И. Табберта. Кое что уже приводилось выше, но для полноты впечатления уместно самые яркие и запоминающиеся места привести еще раз.

Так, 1 июня 1722 г. «около 6 часов утра (во время плавания по Хемчугу. — Д. С.), — пишет Д. Г. Мессершмидт, — я велел пристать, потому что не только мой плот, на котором у меня была палатка, но и два багажных плота, по вине плотников и денщиков, были плохо скреплены... При этом обнаружилось, что оба ящика с семьями и оба ящика с минералами и насекомыми, 6–8 пачек писчей бумаги, курс химии и... еще много прекрасных книг, чемоданы с одеждой и отчасти пряности очень сильно промокли. Ущерб был нанесен целому году моей работы, и я должен был это с терпением перенести» [Мессершмидт, 2012, с. 75]. И в дальнейшем забота о сохранении уже собранных материалов и коллекций составляла предмет постоянного беспокойства Д. Г. Мессершмидта. О том же записи от 12 июня 1722 г.: «Всю ночь я спал в своей лодке, и, правда, к счастью, т. к. в 3 часа (ночи) меня разбудил шум обильно проникающей воды, кровать или мех, на которых я спал, промокли, рисунки и другое имущество могли быть сильно испорчены, если бы я проспал еще на полчаса дольше» [Мессершмидт, 2012, с. 83]. А в один из дней того же путешествия на плотах по Хемчугу «на реке оказалась большая сосна, которая своими сучками и ветвями чуть не захватила мою палатку с плота и ужасно бы все разрушила, если бы благодаря моей бдительности я не предотвратил это; однако она сорвала с багажного плота половину укрытия» [Там же, с. 75].

Иногда подобные случаи угрожали жизни самого Д. Г. Мессершмидта. Так, при переправе через р. Сыр «на этом досадном переходе меня постигло несчастье, я упал со скалы вместе с лошадей и повозкой в речку. Но возлюбленный Господь помог мне чудесным образом, я спасся прыжком, прежде чем повозка оторвалась и могла меня накрыть, в этом случае моя жизнь могла остаться под сомнением» [Там же, с. 127].

Приблизительно к середине второй части южносибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта (запись в дневнике от 14 июля 1722 г.), сразу после получения сообщения о его мнимой смерти, Д. Г. Мессершмидт составляет следующее обращение, свидетельствующее о его действительно бедственном положении: «Мой путь проходил точно по приказу Вашего Величества по всем степям Сибирской губернии. Однако мое жалованье, с января 1722 по 13 июля не исчислено, отчего я терплю недостаток в средствах, поэтому исполнение предписаний Вашего Величества при подобных плачевных обстоятельствах было весьма затруднительно, но я прошел, по меньшей мере, по Красноярскому округу и по соседнему Томскому и Кузнецким степям, вдоль реки Енисей вверх до Абакана, куда я смог пройти, затем я перезимовал в Красноярском округе, но и тогда мое жалованье не прибыло, мне остается вернуться в Петербург, поскольку без него я не могу дальше существовать, но если скоро мое жалованье будет выплачено, я намерен продвигаться дальше к Селенгинску и Нерчинску...» [Там же, с. 104]. Перевод этого послания (а оно приведено здесь в сокращенном виде) «доставил много труда бедному дилетанту (переводчику — Д. С.), — отмечает Д. Г. Мессершмидт, — который едва ли знал, как написать свое имя, так что на все это понадобился весь день» [Там же, с. 104–105].

Но особенно сильное впечатление производит описание обратного возвращения Д. Г. Мессершмидта из Саянского острога в Красноярск, совершенное «по воде» осенью 1722 г., на котором следует остановиться еще раз. Началось оно с нежелания всех местных жителей, как русских, так и татар, участвовать в этом рискованном предприятии (тот, кто бывал в этих местах, знает, что это такое. — Д. С.).

Собрать такую «команду» желающих и подчиненных оказалось очень сложно. Большинство из нанятых тогда гребцов бежали по мере того, как становились очевидными все возможные последствия такого путешествия. Однако Д. Г. Мессершмидт все же решился на это плавание. «16 сентября 1722 г., — пишет он, — в 1,5 часа мы доплыли до высокой скалы Туранкая ... в 4 часа я пришел в деревню Козлова или деревня Бирь¹⁴, которая расположена на той же стороне Енисея, в ней проживает 6–7 семей» [Мессершмидт, 2012, с. 148]. 22 сентября Д. Г. Мессершмидт снарядил караван связанных лодок со всем своим имуществом, рукописными материалами и коллекциями и отправился вниз по Енисею.

Дальше воспользуемся еще раз рассказом самого Д. Г. Мессершмидта. «Так как в этот день (22 сентября 1722 г. — Д. С.) погода и без того была очень беспокойная, начался такой сильный шторм, что, к несчастью мою связанную лодку с имуществом вынесло на середину реки, она зачерпнула воды и начала погружаться со всем багажом и людьми (6 человек). Я поплыл на своем каяке, изо всех, как мог противостоял ветру, чтобы прийти им на помощь, бросил им веревку и стал грести изо всех сил против ветра за Батенев бык к левой стороне Енисея. Так как здесь река была очень широка, шириной на два пушечных выстрела, два гребца на такой груз было очень мало и, наконец, за мой каяк уцепилось в воде 4 человека, и несколько раз было близко к тому, что и мой каяк может утонуть, потому что уже начерпал воды. В это время шторм угонял на моих глазах один тую за другим из связанных лодок, без надежды что-нибудь спасти... Однако Господь смилостивился над нами, мы, наконец, спаслись от угрожаемой опасности и недалеко от Батеневского быка пристали к берегу... Связанные лодки, вместе с оставшимся имуществом, были спасены, вода вычерпана и все было приведено в состояние, чтобы идти дальше, к ближайшей долине, ниже Батенева быка, до которого оставалось еще с одну малую версту. Я принял все меры, чтобы открыть и просушить вытащенный из воды и остальной груз, поэтому я остался здесь ночевать... В этот день я проплыл не более 1½ часа» [Мессершмидт, 2012, с. 151].

Как уже говорилось, скорее всего в этот критический момент Д. Г. Мессершмидт высадился именно в том месте (или в ближайшей близости от того места), где ровно через 300 лет производил раскопки С. А. Теплоухов, создатель периодизации древних культур Минусинского края, материалы которых были впервые представлены в коллекции Д. Г. Мессершмидта.

На следующий день, 23 сентября, «продолжали сушить имущество на ветру, я должен был оставаться здесь, поэтому я произвел осмотр имущества и обнаружил следующее...». Далее идет пространный список потерь, в котором, к счастью, не упомянуты туюки с упаковками археологических коллекций. Однако на просушку всего

¹⁴ Туранкая — один из самых крупных горных массивов на правом берегу Енисея — гора Туран. Дер. Бирь (Биря) — ближайшая от подножия горы Туран деревня, ныне находящаяся на дне Красноярского водохранилища. В 1963–1964 гг. в этом районе проводил археологическое исследование А. Д. Грач. На степном участке, приблизительно посередине расстояния между г. Туран и дер. Биря, был раскопан ряд хорошо сохранившихся курганов тагарской культуры с большим количеством находок (могильники Туран I и II). Материал хранится в Государственном Эрмитаже; к сожалению, до сих пор не опубликован. Здесь же, у подножия и в логу внутри горного массива Туран, обнаружено большое количество курганных плит с различного рода изображениями [Савинов, 1976].

оборудования понадобилось еще два дня. И 26 сентября «я не стал здесь ставить палатку, а лег в шубе на берегу, прямо на голую землю и велел развести костер около меня... Моя лодка с провизией и поваром, и лодка со слугой отстали, и поэтому у меня не было ничего, чтобы поесть и попить. В таком жалком состоянии, я должен был продержаться до 6 часов вечера».

28 сентября «буря продолжалась. Мороз усилился. Мои денщики нашли все-таки нескольких мужиков в копнах сена и на ближайших островах (где они, очевидно, прятались от Мессершмидта? — Д. С.), а я надеялся, наконец, получить 8 человек гребцов» [Мессершмидт, 2012, с. 152–153]. Однако в районе дер. Медведевой «мужики и здесь все разбежались, остались только женщины» [Там же, с. 154].

Приведенное описание, как и вся история этого удивительного плавания, рисует Д. Г. Мессершмидта не только как ученого и путешественника, но и как просто очень мужественного человека. И уже 3 октября, проплывая мимо изображений Бирюсинской писаницы, которую не удалось скопировать зимой 1721 г., он записывает, что в этот раз они были «зарисованы мной в рейнском масштабе... Я позволил себе полчаса отдохнуть (и двинулся дальше)» [Там же, с. 156]. И, наконец, 5 октября 1722 г. Д. Г. Мессершмидт прибыл в Красноярск. На этом южносибирская часть путешествия Д. Г. Мессершмидта закончилась.

В дальнейшем Д. Г. Мессершмидт совершил огромный маршрут по Восточной Сибири: по Енисею до Мангазеи (хотел дойти до Ледовитого океана, но не получилось) — с Енисея (волоком) на Лену — по Лене до Иркутска — из Иркутска (по льду через Байкал) в Даурию — отсюда в Забайкалье (Чита, Нерчинск, Верхне-Удинск — совр. Улан-Удэ) до оз. Далай-Нор. И обратно: Иркутск — Енисейск — Самоваров Ям (Ханты-Мансийск) — Тобольск [Новлянская, 1962, с. 234]. Но нигде памятники древности не привлекали такого внимания Д. Г. Мессершмидта, как в Южной Сибири.

ГЛАВА III. ПАМЯТНИКИ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ, ОТКРЫТЫХ Д. Г. МЕССЕРШМИДТОМ

Открытие памятников рунической письменности считается одной из главных заслуг Д. Г. Мессершмидта. Из приведенных выше записей в его дневнике видно, что желание увидеть начертания каких-то «букв» еще неизвестной письменности постоянно возникало у него при знакомстве с памятниками древности — в рисунках на каменных плитах, на изваяниях и в наскальных изображениях. Однако чаще всего они себя не оправдывали. Тем не менее, неизвестная еще письменность была открыта именно Д. Г. Мессершмидтом во время его путешествия по Южной Сибири. Вместе с тем, обстоятельства этого открытия, в некоторых деталях неясные или противоречивые, требуют более внимательного рассмотрения.

Во время южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта были открыты три рунические надписи. Одна из них на бронзовом зеркале, две другие — на каменных изваяниях. Все три опубликованы Ф. И. Страленбергом [Strahlenberg, 1730, Tab. V, A, D; XII]. Обстоятельства открытия и идентификация изваяний и нанесенных на них надписей различны.

История открытия надписи на спине «Тесинского богатыря» показывает, что, по всей видимости, его надо связывать с именем Ф. И. Страленберга, подробно исследовавшего этот памятник 24 января 1722 г. Рисунок «Тесинского богатыря» с рунической надписью сделал К. Г. Шульман, что документально засвидетельствовано записью

в дневнике Д. Г. Мессершмидта того же 24 января 1722 г.; и впоследствии вместе с планом местности опубликован в книге Ф. И. Страленберга [Strahlenberg, 1730, Tab. XII]. Неизвестно, был ли вообще Д. Г. Мессершмидт на месте нахождения этого памятника. Говорится только, что «сегодня господин доктор (то есть Д. Г. Мессершмидт. — Д. С.) послал капит. Табберта, Карла Шульмана и Петера с проводником на реку Тесь, где должно быть каменное изваяние, чтобы его осмотреть». После работы на памятнике, «когда наступил вечер, они уехали верхом от могильников к зарослям кустарников у истока реки Тесь, и остались там на ночь» [Мессершмидт, 2012, с. 32–33]. О присутствии Д. Г. Мессершмидта здесь ничего не говорится.

Прорисовка этого изваяния, приведенная в своде Л. А. Евтюховой [1952, рис. 42], отличная от опубликованной в книге Ф. И. Страленберга [Strahlenberg, 1730, Tab. XII], повторяется в работах Ю. С. Худякова [1999, рис. 3, 2; Борисенко, Худяков, 2005, рис. 23]. Однако, как показывает фотография в Своде енисейской руники Д. Д. Васильева [1983, с. 104], все они отличаются иной одухотворенностью от оригинала.

Согласно данным свода Д. Д. Васильева, памятник находился по дороге к пос. Знаменка (но не на месте одноименного укрепления. — Д. С.), между р. Ерба и Тесь, у распадка «Богатырский Лог». Оба названия — «Тесинский богатырь» и «Богатырский лог» — конечно, каким-то образом взаимосвязаны. Потом изваяние было снято со своего места и «в целях миссионерской пропаганды положено вместо ступени у крыльца дома священника с. Абаканское Смирнова» [Там же, с. 28]. Возможно, поэтому его не смог обнаружить, несмотря на усиленные поиски, Г. Ф. Миллер. В 1888–1889 гг., по инициативе И. Р. Аспелина, памятник был возвращен на первоначальное место, а в 1896 г. перевезен А. В. Адриановым в Минусинский музей — инв. № 12 [Там же].

Как пишет детально обследовавший этот памятник И. В. Кормушин, «знаки в нижней части изваяния и в самом верху сильно стерты, некоторые опознаются по едва видимым очертаниям, и, конечно, возможны ошибки и разночтения» [Кормушин, 1997, с. 124]. По И. В. Кормушину, перевод надписи гласит: «Я — ичрек Кара-хана... Я — от (племени) ябаку... Я — Тюргеш...» [Там же, с. 126], хотя непонятно, какое место мог занимать тюргеш в кыргызской социальной иерархии.

Вопрос о датировке «Тесинского богатыря» остается открытым. Изваяния с изображением людей с сосудом в двух руках с наибольшим основанием относятся к периоду господства Уйгурского каганата (середина VIII — середина IX вв.). По И. В. Кормушину, это «по-видимому, двойной разновременный памятник: по иконографическим признакам изваяние относится к раннетюркским, V–VI вв. (что также не исключено — Д. С.), тогда как надпись... не ранее конца уйгурского времени, т. е. середины IX в.» [Кормушин, 1997, с. 124].

Однако еще раньше (в июле 1721 г.) самая первая руническая надпись на Енисее была найдена Д. Г. Мессершмидтом в Уйбатской степи. К сожалению, открытие этого памятника относится к тому периоду южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта, когда он и Ф. И. Табберт по отдельности добивались до г. Абаканска, где и встретились 22 декабря 1721 г. Дневник Д. Г. Мессершмидта в этот период заполнялся рукой Ф. И. Табберта, поэтому сведений о поездке самого Д. Г. Мессершмидта в это время, в том числе и об открытии первого памятника с рунической надписью, в нем нет. Вместо этого в литературе иногда фигурирует другой памятник, открытый Д. Г. Мессершмидтом позже, там же, в Уйбатской степи.

В начале августа 1722 г., когда Ф. И. Табберта с ним уже не было, Д. Г. Мессершмидту сообщили, что в Уйбатской степи «в верхнем течении реки Бири, недалеко от Июс-Сагайских юрт, должен стоять прекрасный монумент с неизвестной надписью».

Как уже говорилось, он был осмотрен и зарисован Д. Г. Мессершмидтом 4–5 августа 1722 г.: «И он был из красного камня (девонского песчаника — Д. С.), в виде венгерской сабли... На острых углах выделялась большая голова или лицо... на западной стороне повсюду вырезанные бесформенные фигуры, *но совсем не буквы* (курсив наш. — Д. С.)» (Табл. XIII, 1) [Мессершмидт, 2012, с. 123].

Как сейчас ясно, это одно из самых известных изваяний окуневской культуры близ улуса Тазмин, впоследствии неоднократно опубликованное [Грязнов, Шнейдер, 1929, рис. 1, табл. IV, № 32; Вадецкая, 1980, табл. XXXVI, 35; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 26, с. 119, № 35¹⁵; и др.]. В книге Л. Р. Кызласова приведено его собственное наименование — Апсах оба [Кызласов, 1986, с. 101, рис. 31]. Данное изваяние принято нами как эпонимный памятник одной из наиболее ярких групп каменных изваяний черновского этапа окуневской культуры [Савинов, 2006, с. 165–166, рис. 6–7]. В 1925 г. это изваяние (высотой 3,6 м!) было вывезено С. А. Теплоуховым в Ленинград в Музей этнографии народов СССР (ныне Российский этнографический музей), где и находится по настоящее время. Детальное обследование данного памятника в музейных условиях (Б. Н. Пяткин, Е. А. Миклашевич) никаких следов какой-либо надписи на нем не выявило.

С вопросом определения истинного памятника с руническими надписями, впервые открытого Д. Г. Мессершмидтом в Уйбатской степи и позже опубликованного Ф. И. Страленбергом, возникла известная путаница. Причина этого заключается как в соотнесении образа «венгерской сабли» (как будто уточняющая подробность в описании Д. Г. Мессершмидта) то с одним, то с другим памятником, так и с искажениями в публикациях того и другого изваяния. Так, в рисунке изваяния с руническими надписями, опубликованном Ф. И. Страленбергом, опущено изображение личины, а в Своде изображений окуневских изваяний Н. Б. Леонтьева, В. Ф. Капелько и Ю. Н. Есина [2006, с. 129, № 63], наоборот, рунические знаки показаны только на лицевой стороне камня, а они есть на всех четырех ее плоскостях.

Есть и другие неточности. В работах А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худякова говорится о том, что в 1721 г. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг обнаружили этот памятник во время совместной экспедиции [Борисенко, Худяков, 2004, с. 16. 2005, с. 71]; на самом деле капитана Ф. И. Табберта в это время с Д. Г. Мессершмидтом не было. В описании изваяния на р. Бире (Тазминского — в виде «венгерской сабли», Табл. XIII, 1) приводится его высота (125 дюймов или 260 см — подлинная высота изваяния с руническими надписями) и говорится, что на нем «имелись бесформенные фигуры, ничем не напоминающие буквы... Позднее эти письмена (?) Мессершмидт назвал руническими по сходству в древними германскими» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 71]. И далее: «Ученый хорошо понимал всю важность сделанного им открытия памятников рунической письменности, поэтому стремился к максимально точному их копированию. Хотя в последующее время они неоднократно копировались и ревизовались, первые копии сохраняют значение первоисточника и могут привлекаться для перевода текстов» [Там же, с. 73]. Соглашаясь с общей оценкой значения этого открытия Д. Г. Мессершмидта, следует сказать, что в данном случае она не проистекает из анализа источника, а относится к другому памятнику, открытому в той же Уйбатской степи, рисунок надписей на

¹⁵ В настоящее время существуют два наиболее полных издания Свода изваяний и стел окуневской культуры: одно на немецком языке [Leont'ev und Kapel'ko, 2002]; другое — русскоязычное [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006]. Разница между ними — в добавлении во втором издании семантической интерпретации образов окуневского искусства, написанной Ю. Н. Есиным. Во всем остальном — нумерация и описание памятников, иллюстративные материалы и порядок их табличного обозначения — обе книги практически одинаковы. Для удобства пользования все ссылки на конкретные памятники даны по русскоязычному изданию [2006].

котором был сделан К. Г. Шульманом (Табл. XVI, 1). В Своде Д. Д. Васильева к открытиям Д. Г. Мессершмидта отнесены два памятника из этих же мест: один из них (Уйбат I) — как открытый Ф. И. Таббертом и Д. Г. Мессершмидтом в 1721–1722 гг. близ улуса Чаркова, на правом берегу р. Уйбат (Е-37); другой (Уйбат III) — как найденный Ф. И. Таббертом и Д. Г. Мессершмидтом в 1721 г. на левом берегу р. Уйбат, выше устья р. Беи [Васильев, 1983, с. 25–26]. Это неверно. «Мессершмидтовское» изваяние с руническими надписями на четырех сторонах — только одно (Уйбат III) (Табл. XVI, 1). Другое (Уйбат I), близ улуса Чаркова, было открыто Д. А. Клеменцем в 1886 г. и тогда же доставлено в Минусинский музей [Малов, 1952, с. 58]. На фотографиях, приведенных в Своде Д. Д. Васильева, хорошо видно, как различаются по внешнему виду эти два известных окуневских изваяния с нанесенными на них руническими надписями [Там же, с. 104, 105].

Каков же был на самом деле этот первый — и единственный — памятник с руническими надписями, открытый Д. Г. Мессершмидтом? Факт его открытия «отложился» в подписи к его изображению в приложении к X-му рапорту Д. Г. Мессершмидта: «Эскиз камня, либо погребального, либо жертвенного, расположенного на холме против течения в Уйбате устьев Беи и Нини. С рядом нанесенных символов, которые за рунические гетов или массагетов можно принять, я полагаю» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 37, л. 4, 5] (Табл. XVI, 1). Возможно, именно тогда к этим знакам было применено наименование «рунические». Уточняющая подробность при описании данного памятника — «в виде венгерской сабли» — явно не случайна и имела для Д. Г. Мессершмидта определенное символическое значение. В XVIII веке т. н. сабли «венгерского типа» — с длинным клинком и плавно изогнутым лезвием — имели широкое распространение в Европе, несомненно, были знакомы Д. Г. Мессершмидту, и это сравнение было удачно применено для передачи «образа» описываемого изваяния, имевшего именно такую форму.

Пытался отыскать этот памятник и Г. Ф. Миллер, который через 18 лет шел по следам экспедиции Д. Г. Мессершмидта и также придавал большое значение вновь открытой письменности, уже известной ему по публикациям Г. З. Байера и Ф. И. Страленберга. Вот как об этом рассказывает Г. Ф. Миллер: «4 сентября 1739 г. утром мы спустились по Бире вниз до ее впадения в Уйбат, что составило 10 верст. В этой местности Мессершмидт нашел каменный памятник; с которого, вследствие находящейся на нем неизвестной надписи, велел снять рисунок. Г. Страленберг, бывший иногда спутником г. Мессершмидта, получил копию с рисунка и издал ее по возвращении из Сибири, а г. проф. Байер поместил снимок с Мессершмидтова оригинала и соображения свои в комментариях... Оба рисунка однако же во многом несходны между собой. Можно, пожалуй, предположить, что находившийся при г. Мессершмидте рисовальщик (г. Страленберг называет его шведским мальчиком), возвратясь с ним (из Сибири), изготавил Страленберговский рисунок впоследствии, по первому своему эскизу, который может быть оставил у себя. и что Мессершмидтов рисунок, отделанный начисто, после первого наброска, лучше Страленберговского... Но можно также допустить, что рисовальщик ошибся, как в первый, так и во второй раз. Вот почему прежде всего необходимо было устранить эти сомнения личным осмотром статуи и снятием с нее нового рисунка, изготовленного самым тщательным образом» [Радлов, 1894, с. 93].

Однако осуществить это удалось только через некоторое время, после ознакомительной поездки в этой части Минусинской котловины. «27 сентября, с рассветом, я отправил своего проводника, — продолжает Г. Ф. Миллер, — искать неоднократно упомянутый памятник, составлявший тогда конечную цель (даже так! — Д. С.) моего путешествия. Наконец он нашел его. От моего ночлега, насупротив р. Беи, мне при-

шлось проехать 5 верст вверх, прежде чем я прибыл туда... Но он уже не стоял, а лежал на земле, находящиеся на нем надписи исчезли. ...Я велел снять с него рисунок в том виде, в котором видел перед собой и должен сказать он исполнен так точно как только вообще можно изобразить неизвестные письмена, каждую черту я сравнил с оригиналом» [Радлов, 1894, с. 98]. Очевидно, этот рисунок и воспроизведен там же, на с. 99 (а).

Несколько вольно интерпретирует эту запись Ю. Г. Белокобыльский: «При сравнении копии с оригиналом Г. Ф. Миллер обнаружил много досадных неточностей и приказал заново зарисовать знаки» [Белокобыльский 1986, с. 25]. (Ср. приведенное выше замечание Ю. С. Худякова о точности копирования этой надписи Д. Г. Мессершмидтом с мнением самого Г. Ф. Миллера о том, что «Мессершмидтов рисунок, отделанный начисто... лучше Страленберговского». — Д. С.).

Этим окончательно утверждается подлинность изваяния с руническими надписями, открытого Д. Г. Мессершмидтом. Однако уже тогда возникли определенные разногласия относительно появления изображения, опубликованного Ф. И. Страленбергом. Эти разногласия, как и все остальное, убедительно разъясняет сам Ф. И. Страленберг: «При этом я хочу объяснить некоторые обстоятельства, которые автор (очевидно, Г. З. Байер, первый издатель и комментатор надписи. — Д. С.) не мог передать, так он их не знал». И далее подробно: «Приехав вместе с доктором Мессершмидтом, в 1721 году в город Томск, мы пробыли там некоторое время. Затем Мессершмидт в июле месяце продолжил свой путь до Кузнецка на судне вверх по р. Томи. Я же остался там, так как по некоторым особым причинам, так и потому, что хотел проследить путь на левой стороне (Томи?) для некоторых наблюдений... Проехав за Кузнецк почти до конца реки, он (Мессершмидт) покинул судно и продолжил путь на лошадях влево и доехал до реки Уйбат, впадающей в Абакан... Добравшись отсюда дальше на день пути до речки Беи, он нашел здесь на маленьком бугре вышеупомянутый каменный памятник, и поручил срисовать его шведскому мальчику, которого взял с собой (то есть К. Г. Шульману. — Д. С.). Когда я и вышеупомянутый мальчик в 1722 г. по случаю заключения мира должны были расстаться с доктором (Д. Г. Мессершмидтом), то он мне передал различные вещи... Ящик, который я вручил лейб-медику, при мне был вскрыт у последнего и в нем, наряду с прочими вещами, оказался рисунок этого камня; копия этого рисунка прилагается. Потеряв, как я неоднократно упоминал, тетрадку, в которую вносил различные путевые заметки («второй дневник», который, очевидно, вел Ф. И. Страленберг после расставания с Д. Г. Мессершмидтом. — Д. С.), я лишился данных о вышине, ширине и толщине этого камня. Сколько могу припомнить, этот камень был серого цвета, в 1 фут толщины, в 2 фута ширины и 16 футов (то есть те самые 2,6 м. — Д. С.) вышины. Если я ошибаюсь, то это небольшая беда, потому что снимок и письменные знаки верны и точны, и желающим ознакомиться с ними могут служить для этого сравнения с другими, например, руническими буквами. Не подлежит сомнению, впрочем, что не все эти знаки руны, а что к ним примешан, может быть, другой род древних парфянских букв» [Радлов, 1891, с. 50].

Значит, полной уверенности в том, что все приведенные на этом памятнике изображения являются знаками рунической письменности не было и у Ф. И. Страленберга. Кем из двух исследователей — Д. Г. Мессершмидтом или Ф. И. Страленбергом — было приведено такое сравнение (по аналогии) с европейскими рунами, ставшее названием вновь открытой письменности, сказать трудно. Судя по некоторым деталям изображений, было сделано, по меньшей мере, 2–3 копии с оригинала К. Г. Шульмана. Была ли на какой-либо из них изображена окуневская личина — неизвестно.

Вместе с тем, особых разночтений в идентификации этого памятника не было. В известной книге И. Т. Савенкова «О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее» он просто назван «Мессершмидтовский курганный камень» и приведен его рисунок; правда, в очень мелком масштабе и без надписей [Савенков, 1910, VIII; XIV, 8]. Наиболее полное представление о внешнем виде Уйбатского изваяния с руникой, включая окуневскую личину и нанесенные здесь же рунические надписи, дает рисунок в книге Х. Аппельгрена-Кивало, представляющей результаты экспедиции И. Р. Аспелина [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 156] (Таб. XVI, 2), приведенный также в статье И. Г. Федорова [2010, прилож. 2].

В книге И. В. Кормушина «Тюркские енисейские эпитафии» этот памятник (по общепринятой систематизации стел с руническими надписями, найденными на Енисее — Уйбат III) — «один из самых знаменитых памятников древнетюркской письменности», открытый Д. Г. Мессершмидтом в мае 1721 г., опубликованный в 1729 г. Г. З. Байером и в 1730 г. Ф. И. Страленбергом [Кормушин, 1997, с. 99]. Там же приводится подробное его описание: «Плоская стела лилового (коричнево-бурого) песчаника, размерами: высота около 280 см (от вкопанной в землю части)... По форме, если смотреть сбоку на широкую грань, напоминает саблю: изогнутая плавной дугой и слегка сужающаяся кверху трапеция, у которой узкая выгнутая сторона округлена, а вогнутая — выступает углом вперед (в этом отличие от сабли: “лезвие” — на вогнутой стороне)» [Там же, с. 100]. Далее следует описание окуневской личины в нижней части стелы. В настоящее время памятник хранится в Минусинском музее, инв. № 8 [Там же, с. 99].

Для нанесения надписей использованы все четыре грани Уйбатской стелы, но сохранность знаков плохая, поэтому может быть предложено много вариантов ее дешифровки. По И. В. Кормушину, эпитафия нанесена по поводу смерти Тархан-сангуна, который «погиб во имя своей доблести». При этом «мастера писцы, ... декораторы (? , взятые в плен?) у врага, и весь народ смогли соорудить (этот) памятник» [Там же, с. 116].

Завершая сюжет об участии Г. Ф. Миллера во вторичном открытии Уйбатского памятника с руническими надписями, следует привести его указания в известной инструкции И. Э. Фишеру, который в 1740 г. должен был сменить Г. Ф. Миллера на посту руководителя экспедиции: «Последний (то есть камень с надписями, осмотренный Г. Ф. Миллером 29 сентября 1739 г. — Д. С.) есть тот самый камень при Уйбате, который срисован Мессершмидтом и изображен на гравюрах, изданных проф. Байером и г. Страленбергом. Я велел снять с него новый рисунок. Замечательно, что буквы надписи на вышеупомянутой красноярской статуе (об этом изваянии см. ниже. — Д. С.) тождественны с буквами на этом каменном памятнике. Если бы удалось найти еще несколько таких надписей, то, может быть, со временем неизвестные и утерянные письмена поддались бы разбору» [Радлов, 1894, с. 108]. Что и произошло через 150 лет — после открытия Н. М. Ядринцевым знаменитого некрополя тюркских каганов в Кошо-Цайдаме с руническими надписями — эпитафиями и перевода их В. В. Радловым и В. Томсеном.

Следует отметить, что Г. Ф. Миллер предполагал и возможность спасения вновь открытых в Сибири памятников с неизвестной письменностью: «По моему мнению, не мешало бы даже переслать их в Петербург, в царскую Кунсткамеру, каменный памятник на Уйбате, украшенный неизвестной надписью, да каменную статую, украшенную такой же надписью, находящуюся в Красноярске. Я же не сделал этого только потому, что без Высочайшего повеления не осмеливался расходовать на это деньги» [Там же, с. 114].

Как уже говорилось, в дальнейшем выяснилось, что в долине Сорга (Тазминская группа памятников на р. Уйбат), по данным С. А. Теплоухова, насчитывалось девять окуневских изваяний [Кызласов, 1986, с. 99–101]. Из них два с руническими надписями

ми: одно, «изогнутое», как «венгерская сабля» [Грязнов, Шнейдер, 1929, Табл. III, № 28], другое, «прямое», неизвестное Д. Г. Мессершмидту [Там же, Табл. IV, № 36]. Изваяние Д. Г. Мессершмидта в конце XIX в. было перевезено в Минусинский музей: по М. П. Грязнову и Е. Р. Шнейдеру — И. П. Кузнецовым [Там же, с. 75], по Н. В. Леонтьеву, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есину — в 1886 г. Д. А. Клеменцем [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 82, 84]. Позднее этот памятник получил наименование «Третий памятник с Уйбата» [Малов, 1952, с. 61–64].

Из нанесенных на нем пространных рунических надписей (более 400 знаков — «самый крупный из известных в Хакасии» — Кляшторный, 2006, с. 303), наибольший интерес представляет употребление термина *bediz*, как обозначения каменных знаков, в том числе камней-балбалов (или погребальных даров), очень важное для понимания ритуальной сферы культуры древних тюрков [Кляшторный, 2006, с. 301–304]. Следует отметить, что переводы данной надписи, предложенные В. В. Радловым, С. Е. Маловым, С. Г. Кляшторным и И. В. Кормушиным, отличаются друг от друга, что еще больше увеличивает историко-культурную и познавательную ценность этого замечательного памятника, открытого Д. Г. Мессершмидтом.

* * *

В целом из каменных изваяний, открытых во время южносибирской части путешествия Д. Г. Мессершмидта, можно проследить дальнейшую судьбу трех памятников окуневской культуры (Усть-Есинская Кыс-Таш (Табл. XIII, 2), изваяние на р. Бире — Тазминское (Табл. XIII, 1) и Куртуяк-таш (Табл. I); и нескольких ранне-средневековых, в том числе — Казан-Кыс-таш (Табл. XIII, 3), «Тесинский богатырь», каменные фигуры животных из Красноярска. Каждое из них не только открыло галерею основных видов статуарных памятников Минусинских степей, но и стало в дальнейшем объектом тщательного научного исследования, а порой и ряда спорных, до сих пор не решенных вопросов.

Усть-Есинская Кыс-таш (Табл. XIII, 2). Одно из предполагаемых ранних изваяний окуневской культуры, впоследствии неоднократно скопированное и опубликованное (известны прорисовки этого изваяния: по И. П. Фальку, М. А. Кастрену, И. Р. Аспелину, М. П. Грязнову — Е. Р. Шнейдеру, Э. Б. Вадецкой, наконец, наиболее точная, по Н. В. Леонтьеву — В. Ф. Капелько — Ю. Н. Есину). Явные расхождения между этими изображениями показывают, насколько по-разному видели первооткрыватели древние изваяния и воспроизводили их не документально, а в соответствии со своими представлениями и художественными возможностями.

М. П. Грязнов и вслед за ним другие исследователи считали, что первые сведения об этом изваянии, называемом у местного населения «кичик куртуяк» (букв. «маленькая куртуяк»), были получены Г. Ф. Миллером и И. Г. Гmeliным и относятся к 1739 г. Так, по Г. Ф. Миллеру, «при одной маленькой и низенькой могиле, на запад от больших курганов, стоял небольшой камень. Камень этот назывался “кичик куртуяк”, на котором видно было человеческое лицо с длинными волосами» [Радлов, 1894, с. 95]. На самом деле первенство открытия принадлежит Д. Г. Мессершмидту, что подтверждается его собственноручным рисунком в дневнике (Табл. XIII, 2), где оно представлено вместе с другими рисунками на курганных плитах из Есинской степи, открытыми 18 августа 1722 г. [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 1, л. 203–206].

Изваяние Усть-Есинская Кыс-таш неоднократно меняло свое местонахождение. Согласно другим сведениям, оно стояло не на «маленькой могиле», как сообщает Г. Ф. Миллер, а на кургане, известном у местного населения под названием «Кыс-Коза» («Девичий камень»). Однако, скорее всего, это тоже не его первоначальное местона-

хождение, а название кургана было дано уже позже по находящемуся на нем изваянию с изображением женского лица с распущенными волосами. В. В. Радлов, осмотревший Усть-Есинскую Кыс-таш в 1863 г., также указывает, что «раньше Девичий этот камень стоял в другом месте... и был установлен здесь лишь лет пятьдесят назад» [Радлов, 1989, с. 432]. Но уже И. Р. Аспелин в 1887 г. на этом месте памятника «не застал». Нижняя часть его была отбита и переделана в маленький жернов, а верхняя часть, сколотая наискось, перевезена Д. А. Клеменцем в Минусинский музей, где и хранится до настоящего времени [Грязнов, 1950, с. 135; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 79].

Вторая подобная плита с лицевым изображением, но более сложным набором аксессуаров, была найдена только в 1986 г. в ограде кургана тагарской культуры на могильнике Полтаков [Савинов, 1997, табл. IV] и также уже неоднократно публиковалась. Больше таких изваяний неизвестно, и в этом отношении Усть-Есинская Кыс-таш сохраняет свою уникальность.

Тазминское изваяние на р. Бюрь (Табл. XIII, 1). Наверное, самое известное («классическое») изваяние окуневской культуры, открытое и зарисованное Д. Г. Мессершмидтом, у подножия которого, завернувшись «в пальто», путешественник провел холодную ночь с 4 на 5 августа 1722 г. [Мессершмидт, 2012, с. 123–124]. Так же, как и Усть-Есинская Кыс-таш, в дальнейшем его изображение неоднократно публиковалось [Грязнов, Шнейдер, 1929, рис. 1, табл. IV, № 32; Грязнов, 1950, рис. 1, 5; Вадецкая, 1980, № 35; Кызласов, 1986, рис. 31; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 119, № 35; и др.]. В книге Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько и Ю. Н. Есина приведена фотография этого изваяния начала XX в. — характерной саблевидной формы, высотой 3,6 м, — показывающая, что в это время оно оставалось на своем месте [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 26], то есть, скорее всего, именно там, где его открыл Д. Г. Мессершмидт.

По данным Л. Р. Кызласова, место нахождения этого изваяния «представляет собой... центр особенно большого средоточия древних каменных изваяний и менгиров» [Кызласов, 1986, с. 99]. Как уже говорилось, в 1925 г. данное изваяние, несмотря на впечатляющие размеры, было вывезено С. А. Теплоуховым в Петербург (тогда — Ленинград) и до сих пор находится в собрании Российского этнографического музея. Еще два окуневских изваяния тазминской группы в 1911 г. были вывезены И. Т. Савенковым в Минусинский музей [Там же, с. 99–101].

Улуг-Куртуяк-таш («Большая Старуха-камень») (Табл. I). Очевидный долгожитель из числа всех каменных изваяний окуневской культуры, открытых Д. Г. Мессершмидтом, судя по записи и рисунку в дневнике, 18 августа 1722 г. В дальнейшем Г. Ф. Миллер произвел осмотр этой «большой каменной статуи (кругом отесанной и несколько заостренной книзу), в человеческий рост с большим широким лицом и высокой остроконечной шапкою... Полагаю, — писал Г. Ф. Миллер, — это та самая статуя, о которой говорит Мессершмидт» [Радлов, 1894, с. 95].

Позднее П. С. Паллас «...обнаружил могильную насыпь, обставленную большими плитами и окруженную многочисленными курганами. Одна из плит представляла собой изображение человека. Это была знаменитая (уже в то время! — Д. С.) скульптура Куртуяк, описанная в свое время Д. Г. Мессершмидтом и Г. Ф. Миллером». К характеристике памятника П. С. Паллас добавил несколько любопытных деталей. Скульптуру он оценил как «чрезвычайной величины женский образ. Рот у женщины был широко раскрыт, а на сильно вздутом животе, свидетельствующем о беременности ее, прослеживались “полосы” и “красивые кривые росписи”» [Белокобыльский, 1986, с. 33]. Как оказалось впоследствии, это изображение еще одной личины (или «передника»), обычное для «классических» окуневских изваяний [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 144, № 106].

Еще одно описание Улуг-Куртуяк-таш приводит В. В. Радлов: «Это изваяние стоит около квадратного погребения с огромной каменной оградой. Камень имеет форму почти четырехугольной призмы, очень грубо обтесан, и только его верхний конец является изображением человеческой головы. Лицо передано превосходно и отчетливо передает черты старухи, несмотря на то, что резкость черт в значительной степени сглажена выветриванием. Население до сих пор оказывает этому изваянию известные почести. Ему приносят жертвы, смазывают камень жиром» [Радлов, 1989, с. 932]. Затем, очевидно, это изваяние было снято со своего места у тагарского кургана (?) и перенесено в степь, ближе к дороге, идущей в Абакан, около ул. Онхаков. На фотографии конца XIX в. видно, что вокруг Улуг-Куртуяк-таш была сооружена специальная деревянная ограда, а все лицо (по контуру) густо измазано белым — маслом или сметаной [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, рис. 32]; очевидно, следы «кормления», сопровождавшего жертвоприношения.

Сохранившиеся изображения времен открытия Куртуяк-таш также вариативны, как и рисунки Усть-Есинской Кыс-таш. Возвращаясь к первоисточнику, следует сказать, что даже первые два изображения, сделанные Д. Г. Мессершмидтом, отличаются друг от друга: одно из них (в дневнике) — это только эскизный графический набросок передней части изваяния (Табл. I); другой, из приложения к «*Sibirica perlustrata*», представляет собой тот же рисунок, но дополненный изображением боковой и задней сторон изваяния, поставленного на условно переданную земную поверхность, с передачей фактуры камня и растушевкой [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22, л. 351].

В 1954 г. изваяние Куртуяк-таш было перевезено А. Н. Липским в Абаканский музей и установлено, в числе других изваяний окуневской культуры, в специально оборудованном для этого стеларии около Музея. «Так вот, — рассказывает в связи с этим А. Н. Липский, — перед этим изваянием стояла молодая хакасса, держа мисочку с аракой — молочной водкой у рта каменной старухи. Рот изваяния обильно смазан сметаной. На земле стояли берестяные туески с пищей, с аракой и абырты — хлебным напитком. У другого изваяния, опершись на него спиной, сидела на корточках старая женщина, рядом стоял старый хакас. Молодая женщина, подставив чашку с водкой ко рту изваяния, что-то шептала, кланяясь Хуртуяк тас — каменному изваянию... Когда молодая женщина кончила молиться, я попросил ее и ее спутников зайти в музей. Здесь, после упорных моих расспросов, старая женщина сказала, что молодая — ее невестка, что она десятый год замужем, но у нее нет детей, а мы слышали, что Хуртуяк тас (каменную старушку) увезли в Абакан и мы приехали сюда, чтобы просить ее дать нашей невестке детей» [Липский, 1970, с. 6–7]. Эта история показывает, насколько устойчивы в народном сознании представления об одухотворенной сущности памятников древности, даже после перемещения их в другое место.

В начале 1970-х гг. Л. Р. Кызласов предпринял археологические раскопки мест нахождения ряда окуневских изваяний, в том числе Улуг-Куртуяк-таш. И хотя он отмечает, что «в результате раскопок здесь не выявлено видимых следов жертвоприношений» [Кызласов, 1986, с. 129], находки на площади вокруг изваяния — мелкие фрагменты керамики, речная галька, среди которой много камней фаллической формы, кости домашних животных и основания деревянных шестов, на которых вывешивались шкуры лошадей с костями нижних конечностей — в целом достаточно показательны. Очевидно, что общение с Улуг-Куртуяк-таш сопровождалось подношением к ее «стопам» и, в свете всего сказанного, были связаны с культом плодородия. «Известно, — писал Л. Р. Кызласов, — что Улуг-Куртуяк-таш почиталась хакасами прежде всего из-за ее магической силы избавления от бесплодия женщин» [Там же].

В августе 2003 г. под давлением общественности Улуг-Куртуяк-таш была возвращена на свое прежнее место около ул. Онхаков. Для нее построен отдельный красивый павильон, где на специально сделанном возвышении покоится эта древняя покровительница плодородия. На трассе, около которой располагается этот павильон (Абакан — Абаза), останавливаются машины, к изваянию приходят люди, в первую очередь, женщины, делают приношения, просят о благополучии и рождении детей. Удивительный пример сохранения традиции на протяжении нескольких тысяч лет!

Из изваяний древнетюркского времени, найденных во время южносибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта, наиболее известны два — Казан-Кыс-таш на Черном Июсе (Табл. XIII, 3) и т. н. «Тесинский богатырь» в районе с. Знаменки. Они относятся приблизительно к одному времени (VIII–IX вв.), но отражают две разные иконографические традиции в истории развития раннесредневековой степной скульптуры — собственно тюркскую (с сосудом в одной руке и оружием в другой) и теле-уйгурскую (с изображением сосуда в двух руках).

Казан-Кыс-таш (Табл. XIII, 3). Г. Ф. Миллер, прошедший по следам путешествия Д. Г. Мессершмидта, пишет: «Первой местностью, на которую направлены были мои планы, служили верховья этой реки (Юс-Чулым), так как г. Мессершмидт, посетив этот край в 1722 г., между слиянием Белого и Черного Юсов... нашел здесь древнее каменное изваяние, которое мне хотелось сравнить со снятым им рисунком, собрав, вместе с тем, если окажется возможным, от тамошних татар сведения о происхождении его...» [Радлов, 1894, с. 91]. «Живший здесь татарин помнил еще, что уже прежде был человек (Д. Г. Мессершмидт. — Д. С.), осматривавший эту древнюю статую. Он обещал проводить нас к ней» [Там же, с. 92]. Однако Г. Ф. Миллер застал это изваяние уже поваленным и разбитым. Подробнее об этом сообщает И. Г. Гмелин: «Убедившись, что речь идет именно об этом изваянии, мы отправились верхом (31 августа 1739 г.) от Черного Июса к очень славящейся в этих местах каменной статуе, которая, говорят, оставалась от татар, обитавших некогда этот край. Она известна под татарским названием Chasain Kiss и лежит при дороге в степи, верстах в двух от реки. Это собственно только обломок, вышиной в 3/4 человеческого роста, с длинным плоским лицом, усами и чем-то вроде шапки на голове... Голова не связана с остальным телом, а может быть снимаема по усмотрению. На теле пояс брацкой (то есть бурятской. — Д. С.) работы, на котором слева висит сабля, а с другой кошелек, вероятно, табачный кисет. Видны также две руки, из которых левая обращена к эфесу сабли, а правая держит нечто вроде горшочка» [Там же, с. 92, прим. 2].

Возможно, что впоследствии статуя могла быть «собрана» и установлена (?). В таком виде она была зарисована геодезистом И. Шишковым, представившим ее совершенно фантастический женоподобный облик (возможно, даже не видя оригинала, а по ее местному названию «девица-камень»). Известно, что геодезист И. Шишков делал акварельные рисунки по поручению В. Н. Татищева около 1740 г. [Грязнов, 1950, с. 134, прим. 6]. При этом И. Шишков сам признается в донесении В. Н. Татищеву: «Хотя же оные рисунки будут не весьма исправны, покорнейше прошу не прогневаться, ибо в живописи искусства не имею» [Грязнов, Шнейдер, 1929, с. 87]. Это действительно «очень примитивный и неквалифицированный рисунок» [Борисенко, Худяков, 1997, с. 419], он был опубликован И. П. Фальком и затем почему-то воспроизведен в работах М. П. Грязнова [Грязнов, Шнейдер, 1929, табл. VII, № 64; Грязнов, 1950, рис. 18, 1], тем самым приобретая определенную популярность и «перекрыв» собой явно близкий к оригиналу рисунок, сделанный Д. Г. Мессершмидтом.

После осмотра Казан-Кыс-таш «на следующий день после обеда мы (Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин. — Д. С.) прибыли к речке (Туим), которая замечательна тем, что... неподалеку от этого места на ровной степи стояла каменная статуя, перевезенная 3 года тому назад (по распоряжению воеводы) в Красноярск, где она находится по сие время. По возвращении нашем в Красноярск я видел ее и велел снять с нея рисунок» [Радлов, 1894, с. 93]. Это оказалось также изваяние окуневской культуры, происходящее из этих мест (около оз. Ачик-Коль), переоформленное в древнетюркское изваяние, с рунической надписью на задней стороне камня. Рисунок этого изваяния был опубликован В. В. Радловым [Там же, рис. на с. 99], а само изваяние вошло в собрание памятников окуневской культуры [Грязнов, Шнейдер, 1929, табл. V, № 39; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 196, № 223]. Впоследствии оно было утрачено, но в 1971 г. при проведении земляных работ была обнаружена верхняя часть этого изваяния — «голова» [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006, с. 97].

Однако на этом история открытия древнетюркских каменных изваяний в этом районе не закончилась. В конце XIX в. И. Р. Аспелин у с. Подкамень на р. Черный Июс обнаружил еще одно древнетюркское изваяние, разбитое на пять частей, без головы [Appelgren-Kivalo, 1930, Abb. 301; Грязнов, 1950, рис. 18, 2; Евтюхова, 1952, рис. 44]. М. П. Грязнов считал, что это то самое изваяние Казан-Кыс-таш, но уже находящееся на «новом месте, в 5 км от прежнего» [Грязнов, 1950, с. 149]. Но разница в размерах и форме камня [Там же, прим. 1], отсутствие на подкаменском изваянии некоторых деталей (в первую очередь, пояса с накладными бляхами и подвесными мешочками-«кошельками») не позволяет согласиться с этим утверждением. Л. А. Евтюхова первая предположила, что в данном случае речь идет о разных памятниках [Евтюхова, 1952, с. 95–96]. Это мнение справедливо поддержал Ю. С. Худяков, приведший прорисовки того и другого изваяния [Худяков, 2004, с. 17–18, рис. 3; 4, 1].

Очевидно, что во всех этих случаях речь идет о разных памятниках. При этом для нас принципиально важно, что все три каменных изваяния, выполненные в древнетюркской изобразительной традиции (Казан-Кыс-таш, Ачик-Коль и Подкамень) были найдены в одном и том же районе, в непосредственной близости друг от друга, что может свидетельствовать о существовавшем здесь, в отдаленной северо-западной части Минусинских степей, каком-то особом центре (условно — «фактории»), связанном с нахождением на территории енисейских кыргызов древних тюрков.

По всей видимости, к этой группе каменных изваяний можно было бы отнести и очень невыразительное (судя по его сохранившемуся изображению) изваяние с р. Барны. Таким образом, эту серию изваяний можно увеличить до четырех однотипных памятников. С каким эпизодом (или периодом) истории древних тюрков может быть связано появление этих изваяний — вопрос, требующий специального рассмотрения. По мнению Ю. С. Худякова, этот период должен соответствовать времени с начала завоевательного похода тюркского войска в 711 г. до падения Второго тюркского каганата [Борисенко, Худяков, 1997, с. 421], то есть до 745 г. Вероятно, последнюю дату можно принять за *terminus ante quem* при определении возможного появления подобных памятников на Енисее, хотя не менее вероятно и изготовление их в относительно более позднее (уйгурское) время (VIII–IX вв. н. э.).

«Тесинский богатырь». Открыт в начале 1722 г. и опубликован Ф. И. Страленбергом [Strahlenberg, 1730, Tab. XII]. В дневнике Д. Г. Мессершмидта описываются следующие условия нахождения этого памятника: «В окрестностях г. Абаканска посередине ряда могил, образовывавших круг, стоял камень... Карл Шульман зарисовал этот камень. Это была фигура старого мужчины с бородкой, на его спине, обращенной к запа-

ду, были буквы, которые почти стерты» [Мессершмидт, 2012, с. 32]. У Ф. И. Страленберга приводится план места нахождения «Тесинского богатыря», стоящего на кургане в окружении других могил [Strahlenberg, 1730, Tab. II; Радлов, 1891, табл. II]. Следует отметить, что в данном случае приходится только довериться плану Ф. И. Страленберга, так как ни одного подобного сооружения в средневековой археологии Центральной Азии и Южной Сибири нет.

Позже это место тщетно пытался отыскать Г. Ф. Миллер: «Описанная г. Страленбергом местность, изображенная им на особой карте, всякому была известна... Только кургана того, на котором, по его словам стояла статуя, никто не видел. Между тем я не мог сомневаться в том, что во времена г. Мессершмидта курган этот существовал... Ближайшие сведения об этом я надеялся собрать при поездке в Коксинские рудники к памятнику на Уйбате» [Радлов, 1894, с. 96–97].

Видимо, к поиску этого же памятника относятся слова Г. Ф. Миллера о том, что «от одного из жителей Абаканского острога, сопровождавшего Мессершмидта при его путешествии в качестве казака, мне удалось получить достоверные сведения о том каменном памятнике с надписью, о котором я тщетно расспрашивал сагайских татар на Уйбате. Но когда я стал спрашивать про эту статую, которую и г. Мессершмидт и г. Страленберг видели в этих местах между речками Тесью и Ербой, то не нашлось никого, кто мог бы о ней что-нибудь сказать. Удивился я этому немало» [Там же, с. 95]. И в рукописной инструкции, составленной Г. Ф. Миллером для адъютанта И. Э. Фишера, говорится (пункт 16): «Страленбергова статуя, находившаяся, по его словам, близ Абаканска, между речками Тесью и Ербой и украшенная, как он говорит, надписью, заслуживает того, чтобы ее отыскиали и удостоверили существование ее, так как я, несмотря на принятые меры, не мог в тех местах получить о ней малейшие сведения» [Радлов, 1894, с. 108].

В 1730 г. рисунок «Тесинского богатыря», сделанный К. Г. Шульманом, был опубликован Ф. И. Страленбергом [Strahlenberg, 1730, Tab. XII], воспроизведен в «Сибирских древностях» В. В. Радловым [1894, табл. XII], а также в сводке М. П. Грязнова и Е. Р. Шнейдера [1929, табл. VII, № 61]. Другой вариант изображения этого памятника приведен в работе Л. А. Евтюховой [1952, рис. 42, № 64]. По содержанию надписи Л. А. Евтюхова определила его как изображение «знатного тюргеша» [Там же, с. 94]. Это же изображение приводится в работах Ю. С. Худякова [2004. Рис. 4, 2; Борисенко, Худяков, 1999, рис. 3, 2]. В 1896 г. изваяние «Тесинский богатырь», по указанию А. В. Адрианова, было привезено в Минусинский музей [Грязнов, 1950, с. 150], где и хранится в настоящее время.

Поблизости от места нахождения изваяния «Тесинский богатырь» находится поминальный комплекс, окруженный валом и рвом у с. Знаменка [Евтюхова, 1952, рис. 70]. В книге Л. А. Евтюховой и само изваяние отнесено к с. Знаменка, то есть оба памятника уже как бы синхронизированы. Однако достаточных оснований для такого «сближения» нет. Поэтому мнение В. Е. Войтова о том, что «первый такого рода памятник (древнетюркский поминальный комплекс. — Д. С.) был открыт в 1720-х годах экспедицией Д. Г. Мессершмидта у с. Знаменка в Минусинской котловине» [Войтов, 1996, с. 12], по крайней мере, требует дополнительной аргументации. Насколько известно, этот загадочный комплекс не раскапывался, а план его был снят значительно позже, экспедицией И. Р. Аспелина [Борисенко, Худяков, 1999, с. 9]. Во всяком случае, во всем этом (необычное для Минусинской котловины изваяние «тюргеша», выполненное в телеуигурской изобразительной традиции; поминальный комплекс, планиграфически напоминающий аналогичные сооружения древнетюркской знати?), остается много неясного.

Несколько слов о *каменных фигурах животных*, привезенных, как уже говорилось, в Красноярск с р. Тубы, с которых Д. Г. Мессершмидт велел сделать рисунок в феврале 1722 г. [Мессершмидт, 2012, с. 46]. Однако в дневнике Д. Г. Мессершмидта 14 января 1723 г. отмечено: «мой слуга Петр сказал мне, что три, изсеченные из камня фигуры животных с реки Тубы, которые при моем отъезде 13 мая, через этого же переводчика Петра поручил воеводе Дмитрию Кузьмичу (Жатневу) поставить в арсенал, валяются на улице и что одна или две из них уже разбиты народом на куски; меня просто ужаснуло страшное неповиновение воевод указам всемилостивейшаго монарха» [Там же, с. 18]. Имеются сведения о том, что после этого, по крайней мере, два из этих скульптурных изображений (барана и льва?) при содействии Д. Г. Мессершмидта были отправлены в Тобольск [Худяков, 2004, с. 6].

Здесь их увидел Г. Ф. Миллер: «28 мая я увидел при входе в губернаторскую канцелярию (г. Тобольска — Д. С.) два камня, из которых один большой изображает барана, а другой, меньший, несколько напоминает фигуру медведя. Расспрашивая, откуда они привезены сюда, узнал, что Мессершмидт, совершая свое ученое сибирское путешествие, оставил их здесь до получения Высочайшего указа о доставке их в Петербург. Вместе с тем, я заметил, что фигура барана совершенно одинакова с рисунком, который Страленберг издал в своем сочинении на табл. XXI, под литер. В, сообщая, что в его время этот камень находился в Красноярске и почитался жителями этого края, как идол» [Радлов, 1894, с. 56–57]. И далее, добавляет Г. Ф. Миллер, «хотя рисунок с одного камня уже издан, я поручил рисовальщику Люрсениусу срисовать оба камня...» [Там же, с. 57].

Дальнейшая судьба этих изваяний неизвестна. По мнению Ю. С. Худякова, «скульптуры людей и животных, вывезенные в XVIII в. в Красноярск и Тобольск, погибли» [Борисенко, Худяков, 1997, с. 420]. Авторами составлена подборка всех подобных скульптурных изображений животных, происходящих с р. Тубы, а также из с. Шуши, из Абакана и Уйбата [Борисенко, Худяков, 1999, рис. 3, 7–9; Худяков, 2004, рис. 4, 7–9; 5]. По их мнению, они могут происходить из поминальных комплексов древнетюркской знати, наподобие некрополей тюркских каганов в Монголии [Борисенко, Худяков, 1999, с. 13], что согласуется с аналогичной интерпретацией поминального сооружения у с. Знаменка. Л. Р. Кызласов склонен относить их к таштыкской культуре по аналогии с изображениями животных из таштыкских склепов, III–V вв. [Кызласов, 1960, с. 94–95, рис. 33]. Однако такие изображения лежащих баранов известны в материалах кыргызских могильников [Евтюхова, 1948, рис. 104–105].

Не развивая далее этой темы, можно относить их к культуре енисейских кыргызов и рассматривать, наряду с другими, как один из таштыкских компонентов кыргызского культурного комплекса (без определения точной датировки подобных наземных памятников). Очевидно, незадолго до начала экспедиции Д. Г. Мессершмидта они были сняты со своих первоначальных мест (так и не выявленных? — Д. С.), где пользовались особым почитанием со стороны местного населения.

Подводя итоги археологическим изысканиям Д. Г. Мессершмидта во время его путешествия по Южной Сибири (в основном в бассейне Среднего Енисея), следует сказать, что им были впервые открыты и в той или иной степени изучены все виды памятников, характерных для этой части Азиатского региона (погребальные сооружения, многочисленные вещественные материалы различных исторических эпох, каменные изваяния, наскальные изображения, рисунки на курганных плитах, рунические надписи), и тем самым заложены основы южносибирской археологии, определившие ее дальнейшее развитие вплоть до появления первых археологических периодизаций В. В. Радлова и С. А. Теплоухова (конец XIX — начало XX вв.).

ГЛАВА IV. НЕСКОЛЬКО ЭКСКУРСОВ В ЮЖНОСИБИРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

Экскурс 1. Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг

В отечественной литературе коллизия Мессершмидт—Страленберг оценивается неоднозначно. После расставания 28 мая 1722 г. на берегу р. Большой Кемчуг (впадающей в Чулым, а Чулым — в Иртыш и т. д. — до Тобольска), они больше не встретились. Капитан Табберт, вернувшись на родину, прославившийся изданием своей знаменитой книги «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia» (1730 г.), получил почетное дворянство и фамилию фон Страленберг. Никому к тому времени уже неизвестный Д. Г. Мессершмидт продолжал свое многотрудное путешествие по той самой Сибири, которую так ярко и образно внес в европейское сознание Ф. И. Страленберг. Тот факт, что Ф. И. Страленберг, будучи в 1720–1721 гг. ближайшим помощником и спутником Д. Г. Мессершмидта, в своей книге опубликовал некоторые материалы их совместной экспедиции, иногда рассматривается как заимствование открытий Д. Г. Мессершмидта, своего рода нарушение «авторских прав». Тем более на фоне трагической судьбы самого Д. Г. Мессершмидта, при своей жизни не успевшего опубликовать ни строчки из своих полевых материалов.

В результате, как отметил Л. Р. Кызласов, «имя Страленберга, изложившего также ряд выводов и мыслей делившегося с ним руководителя первой сибирской экспедиции, несправедливо заслонило на некоторое время имя Мессершмидта» [Кызласов, 1962, с. 52]. Однако, как это следует оценивать в действительности, можно судить, только сопоставив все обстоятельства их совместной работы в экспедиции.

Известно, что пленный шведский офицер (после Полтавской битвы) капитан Ф. И. Табберт (Страленберг) в общей сложности провел в Сибири тринадцать лет, то есть до встречи с Д. Г. Мессершмидтом находился здесь не менее десяти лет. Во время пребывания в местах своего поселения (в основном Тобольск — Томск) Ф. И. Табберт совершал поездки по окружающим местам, профессионально увлекся картографией, встречался по этому поводу с первым русским картографом Сибири С. У. Ремезовым. В это же время он собирал коллекции древних вещей; судя по всему, его особенно интересовали культовые изделия аборигенов (различного рода идолы или «шайтаны»). Наверное, лучшего помощника и спутника в предполагаемом научном предприятии Д. Г. Мессершмидту было трудно придумать!

Поэтому Д. Г. Мессершмидт отказался от прежде сопровождавших его пленных шведских офицеров и остановился именно на Ф. И. Табберте. В свою очередь, Ф. И. Табберт поделился с Д. Г. Мессершмидтом результатами своих предшествующих изысканий. Так, карта бассейна Средней Оби в дневнике Д. Г. Мессершмидта [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 1], несомненно, была составлена Ф. И. Таббертом, а «в посылке, отправленной Мессершмидтом в Медицинскую канцелярию, было много вещей, принадлежавших Табберту или через него приобретенных» [Мартынова, Покровская, 2000, с. 11].

Хорошую осведомленность об этих находках обнаруживает и сам Ф. И. Табберт в книге 1730 г. (в переводе В. В. Радлова): «Подобные... как и другие идолы из бронзы, красной и желтой меди, олова, серебра и золота, найдены тысячами в сибирских и древних татарских могилах... Я мог бы изобразить сотни таких идолов. На Табл. III можно найти несколько таких изображений» [Радлов, 1891, с. 30]. Действительно, на Табл. III книги Ф. И. Страленберга [Strahlenberg, 1730, Tab. III, A–C] представлены эти идолы, в том числе и самый «узнаваемый» из них в виде фронтального изображения с цепочкой и подвесным бубенчиком. Указывает Ф. И. Страленберг и места находок

некоторых из этих изделий: например, «золотая медаль такой же величины, как указано на рисунке. Она вырыта из могильного холма, неподалеку от Иртыша». Или: «На табл. XX, литер В изображена пластинка в натуральную величину, отлитая из колокольного металла... Эта пластинка найдена между реками Ирбитом и Тоболом» [Радлов, 1891, с. 43–44].

Подробное описание деятельности Ф. И. Страленберга в Сибири и характера его взаимоотношений с Д. Г. Мессершмидтом дано в книге А. И. Андреева «Деятельность в Сибири пленных шведов. Мессершмидт и Страленберг» [Андреев, 1965, с. 32–44]. Отмечая близкие, а судя по записям в дневнике, дружеские отношения между ними, А. И. Андреев также пишет о том, что «при таких отношениях с Мессершмидтом не удивительно, что все материалы, полученные последним в Тобольске и других местах, оказались в полном распоряжении Страленберга» [Там же, с. 40]. В числе этих материалов названы Карта Енисея, а также «камни с древнетюркскими надписями, изображения шаманских бубнов и божков-покровителей и др.» [Там же, с. 43].

Как уже говорилось, Д. Г. Мессершмидт предоставил Ф. И. Табберту право вести все записи в дневнике, внося при этом только некоторые добавления [Ярош, 1968, с. 72]. Неизвестно — хорошо это или плохо? Собственноручные записи Д. Г. Мессершмидта в период с 4 июля по 22 декабря 1721 г. отсутствуют. После отъезда Ф. И. Табберта на родину, Д. Г. Мессершмидт получил от него несколько писем (в 1723 г. и 1725 г.). Известна также реакция Д. Г. Мессершмидта на известие о присвоении Ф. И. Страленбергу чина подполковника: «Он (г-н капит. Трентель из Лифляндии) сообщил мне, что г-н капитан Табберт фон Страленберг, мой любимый сердечный друг был произведен в чин подполковника» [Там же]. Это последняя из записей в дневнике Д. Г. Мессершмидта, 31 декабря 1726 г.

Незаменимым, а точнее — плодотворным, было участие Ф. И. Страленберга в полевых исследованиях Д. Г. Мессершмидта. Именно Ф. И. Табберт в основном руководил раскопками первого тагарского кургана близ Абаканского острога в начале января 1722 г., а сразу после этого подробно обследовал и описал, сделав план окружающей местности, «Тесинского богатыря» с рунической надписью на спине. При этом были также скопированы рисунки на курганных плитах расположенных поблизости могильников. Всю фиксацию этих памятников, открытых при непосредственном участии Ф. И. Табберта, производил К. Г. Шульман. Им же была сделана первая зарисовка стелы с рунической надписью в Уйбатской степи, о чем имеется соответствующая запись в дневнике Д. Г. Мессершмидта, а также комментарий самого Ф. И. Страленберга [Радлов, 1891, с. 50]. Можно думать, что после этого Ф. И. Страленберг мог считать себя вправе быть соавтором того, что, очевидно, интересовало его больше всего — открытия памятников еще неизвестной и никем не расшифрованной письменности.

Очевидно, это касается не только открытия новых памятников и совместных усилий по собиранию различного рода раритетов и древностей, но и осмысления вновь полученных материалов (вопросы классификации памятников, разного рода предположения об их создателях и т. д.). В отличие от книги Ф. И. Страленберга, об этом ничего не говорится в дневнике Д. Г. Мессершмидта. Однако следует согласиться с мнением Ю. Г. Белокобыльского, писавшего о том, что «бесспорно, все, связанное с сибирскими древностями, обсуждалось ими в деталях. Поэтому мысли и идеи, которые он (Ф. И. Страленберг. — Д. С.) изложил на страницах книги, можно, в сущности, считать плодом их совместной работы» [Белокобыльский, 1986, с. 20]. Позже эту же мысль повторили другие исследователи: «Всю проделанную Ф. И. Страленбергом работу можно считать плодом его коллективного труда с Д. Г. Мессершмидтом, так как иссле-

дователи совместно делали свои наблюдения, проводили поиски, обсуждали собранные материалы» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 83]. В этом плане отделить вклад одного исследователя от другого, по всей вероятности, не представляется возможным.

Сравнение археологических коллекций из «*Curiosa Sibiriae*» Д. Г. Мессершмидта и иллюстративных материалов в книге Ф. И. Страленберга показывает, что они ни в коей мере не повторяют друг друга. Так, у Ф. И. Страленберга полностью отсутствуют материалы, собранные без его присутствия на Енисее, к которым, как очевидно считал Ф. И. Страленберг, он не имел никакого отношения. Это значит, что ставшее хрестоматийным утверждение о том, что Ф. И. Страленберг использовал (или даже «присвоил») результаты экспедиции Д. Г. Мессершмидта, не имеет под собой достаточных оснований. Каждый из исследователей распоряжался теми материалами, к которым, как он считал, имеет непосредственное отношение. Другое дело, что книга Ф. И. Страленберга была издана в 1730 г., когда Д. Г. Мессершмидт еще только вернулся из Сибири, а его итоговое произведение не опубликовано до сих пор.

После расставания 28 мая 1722 г. на берегу р. Большой Кемчуг, по которому спутники и помощники Д. Г. Мессершмидта отправились на плоту в сторону Чулыма, Д. Г. Мессершмидт и Ф. И. Страленберг (Табберт) уже больше не встретились. Однако, с точки зрения корректности использования ими материалов, собранных во время их совместного путешествия, оба исследователя в равной степени заслуживают всяческого признания и уважения.

Две любопытные детали, каким-то образом характеризующие Ф. И. Страленберга. По возвращении в Петербург он представил карту, сделанную по результатам его пребывания в Сибири, которая очень понравилась Петру I. Ему даже «было предложено начальство над землемерною частью (ведомством. — Д. С.)» [Катанов, 1903, с. 171]. Свою книгу, увидевшую свет в 1730 г., он хотел посвятить Петру Великому, но «не получив на посвящение согласия, посвятил его... шведскому королю Фридриху, а не Петру I» [Там же, с. 172]. Очевидно, что Петр I имел основания отказаться от этого посвящения: ему уже был посвящен не менее знаменитый труд Витсена; возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что посланный им для сбора этих сведений Д. Г. Мессершмидт еще находился в Сибири.

Уже с высоты своего положения, рассказывая об обстоятельствах открытия Уйбатской стелы с руническими надписями, Ф. И. Страленберг писал: «Остается только пожалеть, что время, ветер и непогода уже уничтожили большую часть букв, и что вышеупомянутый г. Мессершмидт не имел времени и возможности остаться дольше в тех местах, где было еще много, что следовало срисовать (признавая тем самым за Мессершмидтом первенство этого открытия. — Д. С.)». И далее: «Но дурные распоряжения и недостаточная заботливость (для поддержания столь важного путешествия и этого исследования) со стороны Медицинской коллегии, которая не оказывала этому ученому достаточного содействия (ибо на этом пути нашлось бы вдоволь работы не для одного, а для десяти человек), по-видимому, как в этом, так и во многом другом, мешали благоприятному исполнению поручения» [Радлов, 1891, с. 50].

По масштабам сделанного Д. Г. Мессершмидтом в сопоставлении со всеми трудностями его полевого исследования, наверное, это самая объективная оценка непосредственного очевидца той ситуации, в которой приходилось работать этому замечательному исследователю и путешественнику.

Экскурс 2. О рисунках собственного исполнения, сделанных рукой Д. Г. Мессершмидта

Разносторонне, по-европейски образованный молодой натуралист, судя по всему, был не самым лучшим рисовальщиком, во всяком случае, не в такой степени, как это требовалось при проведении полевых исследований в Сибири. Это объясняет, почему в состав экспедиции, наряду с самыми необходимыми ее участниками (помимо ближайшего помощника — квартирмейстер, повар и переводчик) был включен художник — шестнадцатилетний К. Г. Шульман, воспитанник школы капитана К. Ф. Врееха, который не значился «в росписи с пленниками». Поэтому имеются основания полагать, что все, во всяком случае, большинство рисунков, относящихся к первому путешествию Д. Г. Мессершмидта на Енисей, были сделаны К. Г. Шульманом. Однако непредвиденный отъезд обоих — капитана Ф. И. Табберта и К. Г. Шульмана — на родину в связи с договором по Ништадтскому миру, оставил Д. Г. Мессершмидта без художника. Никаких сведений о том, что кто-то еще исполнял обязанности художника в экспедиции Д. Г. Мессершмидта, не имеется. Поэтому можно предполагать, что ему пришлось (и об этом постоянно упоминается на страницах дневника) самому рисовать вновь открытые памятники.

Оценки способностей К. Г. Шульмана как художника расходятся, хотя идентификация его рисунков до сих пор не производилась (точно так же, как и определение авторства руки самого Д. Г. Мессершмидта). В одних случаях он характеризуется как «прекрасный рисовальщик Карл Шульман» [Ким, 2012, с. 7–8]; в других, по мнению Ю. С. Худякова, «Карл Густав Шульман, судя по его возрасту, не был профессиональным художником, а скорее самоучкой» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 13]. Последнее предположение, скорее всего, ближе к действительности.

О рисунках К. Г. Шульмана можно судить, прежде всего, исходя из сроков его пребывания в экспедиции, то есть до конца мая 1722 г. К этому периоду относятся неоднократные указания Ф. И. Табберта, заполнявшего дневник Д. Г. Мессершмидта, на исполнение К. Г. Шульманом своих обязанностей рисовальщика. Так, К. Г. Шульман зарисовывал курганные плиты с изображениями на месте раскопок в начале января 1722 г. у г. Абаканска и на месте обнаружения «Тесинского богатыря» с рунической надписью. Об этом в записи от 24 января 1722 г. сообщается: «Г. доктор послал капитана Табберта, Карла Шульмана и Петра с проводником к реке Теси, где находится изображение, чтобы осмотреть его... Среди этих могил, образующих круг, стоял упомянутый камень... Карл Шульман тотчас же принялся за рисование камня, изображающего усатого старика, на спине которого, обращенной к западу, находилось несколько букв, по большей части стертых» [Радлов, 1888, с. 14].

Тогда же К. Г. Шульман зарисовывал изображения на расположенных поблизости курганных плитах. Очень живая картинка об этом сохранилась в записи дневника от 25 января 1722 г.: «Капит. Табберт с людьми поехал верхом еще к одному месту приблизительно в 2 верстах от ночного лагеря на юг, там было очень много могил, на всех были камни с фигурами и текстами (? — Д. С.), но они со временем так истерлись, что невозможно было распознать. Карл Шульман зарисовал один такой камень... Среди них две могилы были вскрыты. Карл Шульман стал осматривать вскрытые могилы и нашел маленький кусочек золотой проволоки, за что получил 15 копеек (одно из немногих упоминаний найденного золотого изделия. — Д. С.). В 11 часов они поскакали отсюда, так как было очень холодно. Карл Шульман обморозил подбородок. В 5 часов вечера они вернулись в острог к господину доктору» [Мессершмидт, 2012, с. 33].

Уже по окончании этой части экспедиции, на пути в Красноярск, на т. н. Городовой стене в районе дер. Новосельцы («недавно основанная деревня из 3-х домиков»; сейчас — с. Новоселово) была открыта Новоселовская писаница (Табл. XIV, 5). «Как только мы пришли, — отмечается в дневнике от 18 февраля 1722 г., — мы ничего другого не увидели кроме нескольких фигур животных, людей и нескольких (знаков. — Д. С.), нарисованных красной краской на камнях на берегу (высота от 4 до 5 локтей), которые Карл Шульман зарисовал» [Там же, с. 38].

Проплывая мимо Городовой стены по бурному Енисею осенью того же года, Д. Г. Мессершмидт отмечал, что «на этой крутой скальной стене еще зимой, 18 февраля, мы заметили надписи и фигуры, высотой 4 сажень над уровнем воды, написанные ярко-красными нестираемыми красками в незапамятные времена, и еще 20 мая они были отосланы в Петербург (и сохранились в фонде Д. Г. Мессершмидта. — Д. С.). Мне было жаль, что плохая погода мешала осмотреть их еще раз...» [Там же, с. 152]. Но другую писаницу — Бирюсинскую — встретившуюся Д. Г. Мессершмидту на этом пути, он все же сумел зарисовать [Там же, с. 156]. И эти два рисунка — Новоселовской и Бирюсинской писаниц, сделанные одна — К. Г. Шульманом (Табл. XIV, 5), другая — Д. Г. Мессершмидтом (Табл. XIV, 4), разительно отличаются друг от друга. Все изображения, сделанные К. Г. Шульманом («Тесинский богатырь», рисунки на могильных плитах, эскиз Новоселовской писаницы, Уйбатский памятник с руническими надписями) включены в издание книги Ф. И. Страленберга 1730 г., поскольку, очевидно, открытие их происходило при его непосредственном участии (во всяком случае, их, несомненно, рисовал не Д. Г. Мессершмидт).

Сохранившиеся листы с изображениями этих памятников позволяют совершенно определенно представить себе изобразительный почерк К. Г. Шульмана: это уверенные четкие линии, без штриховки, обозначение контура изображения, передача объема при помощи растушевки, показ изломов камня как бы «рваными», утончающимися на концах линиями. Ноги изображаемых животных переданы парными линиями и иногда закрашены, в то время как туловище, как правило, передается только контуром. Таким же образом выполнены некоторые фигуры в изображениях лосей на Томской писанице (Табл. XV), что, как уже говорилось, позволяет относить ее первое воспроизведение К. Г. Шульману. Та же уверенная рука чувствуется в изображении изваяния с руническими надписями на р. Бире, которое Д. Г. Мессершмидт передал вместе с другими материалами отплывающему Ф. И. Табберту (впоследствии перерисованном и в таком «новом» виде опубликованном Ф. И. Страленбергом). Начертания рунических знаков на этом изваянии сделаны таким же образом, как они переданы на рисунке «Тесинского богатыря» К. Г. Шульмана. Судя по всем этим изображениям, можно с уверенностью сказать, что, если К. Г. Шульман и был «самоучкой», то, несомненно, самоучкой талантливой. Отъезд его в конце мая 1722 г. должен был быть весьма чувствительным для исполнения дальнейших планов Д. Г. Мессершмидта.

Последние слова записей дневника Д. Г. Мессершмидта, сделанные в этот день — это слова сожаления и беспокойства: «Итак, моими людьми с сего числа, которые остались для помощи в путешествии, были следующие пять человек (далее идет перечисление. — Д. С.), ... но у меня мало или почти нет никакой надежды привлечь их к научной работе, состоящей по большей части в записях и рисовании» [Мессершмидт, 2012, с. 72]. Что касается записей, то Д. Г. Мессершмидт вел их постоянно и собственноручно, а вот рисование? Очевидно, этим также пришлось заниматься ему самому.

В отличие от рисунков К. Г. Шульмана, изобразительные материалы, которые с наибольшей вероятностью можно отнести руке самого Д. Г. Мессершмидта, выглядят совершенно иначе. Появление еще каких-то третьих «рисующих» лиц теоретически возможно, но очень мало вероятно, так как об этом нет вообще никаких известий (Д. Г. Мессершмидт постоянно упоминает своих сотрудников, которым дает те или иные поручения). Упоминания же о том, что ему приходилось самому рисовать те или иные памятники встречаются в дневнике Д. Г. Мессершмидта неоднократно.

Первый из этих рисунков (после отъезда К. Г. Шульмана), весьма неумелый, был сделан 11 июля 1722 г. с изваяния на р. Барне. Как пишет Д. Г. Мессершмидт: «Я сам остановился на несколько часов, чтобы сделать эскиз...» [Там же, с. 102]. Если это так, то, во-первых, этот рисунок настолько схематичен, что вряд ли на него потребовалось столько времени; во-вторых, он говорит, что в дальнейшем Д. Г. Мессершмидт достиг в рисовании памятников древности значительных успехов. Той же рукой выполнено позже (то есть тогда, когда К. Г. Шульмана в экспедиции уже не было) изображение каменного изваяния «Казан-Кыс-таш» (Табл. XIII, 3). Сохранилось два варианта этого изображения: один, очевидно, первоначальный; другой с несколько измененными пропорциями, приложенный к очередному рапорту Д. Г. Мессершмидта. Однако совершенно очевидно, что они выполнены одной и той же рукой, то есть, скорее всего, Д. Г. Мессершмидт еще раз перерисовал (для рапорта?) это изображение.

Точно также сделаны лучший рисунок Д. Г. Мессершмидта — окуневское изваяние на р. Бюрь (Табл. XIII, 1), у подножия которого, чтобы закончить рисунок, Д. Г. Мессершмидт провел, «завернувшись в пальто», холодную ночь 4–5 августа 1722 г., рисунки на курганных плитах в Абаканской степи (табл. XIV, 1–3), изваяние Усть-Есинская Кыс-таш (Табл. XIII, 2). Все они имеются в дневнике Д. Г. Мессершмидта и отсутствуют в издании Ф. И. Страленберга. Последний рисунок такого рода в Южной Сибири был сделан Д. Г. Мессершмидтом 3 октября 1722 г. с изображениями Бирюсинской писаницы (Табл. XIV, 4). В той же самой манере выполнен единственный сохранившийся рисунок изваяния (с отбитой головой?) на р. Ингода в районе оз. Далай-Нор, сделанный в сентябре 1724 г., когда никаких прежних помощников с Д. Г. Мессершмидтом уже не было.

Сопоставляя эти изображения, можно определить наиболее характерные особенности изобразительного почерка Д. Г. Мессершмидта. Выполненные им рисунки более легкие, как будто первоначально «неуверенные», без выделенного контура, сделаны тонкими линиями; в них нет темных акцентированных тоном мест; боковые стороны изваяний передаются штриховкой или мелкой косой сеткой. Своеобразным «фирменным знаком» рисунков Д. Г. Мессершмидта являются обозначения сторон света, помещенные у основания некоторых из изображенных им памятников. Возможно, что у К. Г. Шульмана был заимствован прием передачи излома каменной плоскости неровной утончающейся линией. Показательно, что ни одно из этих изображений не вошло в книгу Ф. И. Страленберга, который, очевидно, не считал себя вправе воспользоваться собственными рисунками Д. Г. Мессершмидта, сделанными, когда самого Ф. И. Страленберга уже не было в экспедиции.

Экскурс 3. Д. Г. Мессершмидт и находки «скифского золота»

После приношения к царскому двору замечательных изделий т. н. «скифского золота», присланных воеводой Федором Головинным, Никитой Демидовым и кн. М. П. Гагаринным, положившим начало знаменитой «Сибирской коллекции» Петра I [Руденко, 1962; Вадецкая, 1981; Курочкин, 1995], началась повальная «охота» за могильным золотом во всех районах Сибири, где предполагалась возможность подобных открытий.

А. А. Спицыным по извлечениям из дневниковых записей Д. Г. Мессершмидта был составлен своеобразный «реестр» последовательности деятельности бугровщиков в различных районах Сибири. «Из некоторых выражений его (Д. Г. Мессершмидта. — Д. С.) можно видеть, в каком именно направлении производили раскопки ишимцы (то есть бугровщики. — Д. С.). Он положительно уверяет, что о значительных находках в Кузнецком округе не слышно, хотя здесь были произведены пробные раскопки. Можно прибавить, что курганов в этом округе известно незначительное количество. Из этого следует, что ишимцы хозяйничали главным образом в Барнаульском округе. В Минусинском округе на р. Абакане раскопки были начаты около 1720 г. (то есть непосредственно перед прибытием сюда Д. Г. Мессершмидта. — Д. С.). Из могил извлекались в начале большие сокровища, часть которых может быть попала в Кунсткамеру... Центром, в который стекались могильные древности Енисейского района, был Красноярск. В Забайкальской области курганы, которые были побогаче, к концу первой четверти XVIII в., по-видимому, также были расхищены... Курганы Нерчинской степи, по словам Мессершмидта, оказались бедными... В итоге оказывается, что в начале XVIII в. хищения были произведены во всех сибирских областях, которые принадлежали России. Спаслись от разграбления лишь местности, занятые воинственным инородческим населением. Таков главным образом был западный берег р. Иртыша, как о том положительно говорит Миллер и как то доказывается хищническими раскопками, произведенными немного лет тому назад в Семипалатинской области» [Спицын, 1906, с. 232–233].

Можно соглашаться или не соглашаться с такой последовательностью распространения бугровщичества в восточных районах Сибири, однако для нас приведенная «ретроспектива» объясняет важные моменты в собирательской деятельности Д. Г. Мессершмидта. Никаких указаний на поручение Д. Г. Мессершмидту собирать (или каким-либо иным образом добывать) «могильное золото» у нас нет, однако вряд ли можно сомневаться, что эта самая заметная и почетная категория древностей могла пройти мимо его внимания.

Несмотря на уже имеющуюся коллекцию могильного золота из Западной Сибири, основные надежды в этом отношении могли быть связаны с приобретением аналогичных изделий в Приенисейском районе. Но и здесь интенсивные поиски не принесли удовлетворения: настоящих драгоценностей, за исключением нескольких предметов (типа «кубка Мессершмидта»), обнаружено не было. Дальнейшее путешествие на восток в этом отношении также не обещало ничего нового, а, судя по сохранившимся изобразительным материалам, оказалось еще более скудным, что в Южной Сибири. Таким образом, одна из предполагаемых задач полевых исследований, предусмотренных указом Петра I (а, скорее всего, взлелеянных планами самого Д. Г. Мессершмидта) оказалась до конца не реализованной.

Это объясняет, почему после многолетнего путешествия в сложнейших условиях по различным районам Сибири, несмотря на общее физическое и моральное истощение, Д. Г. Мессершмидт обратился к президенту Медицинской канцелярии И. Л. Блюментросту, которому был непосредственно подчинен, с просьбой продлить срок его пребывания в экспедиции и разрешить ему «изменить маршрут возвращения в Москву. Вместо того, чтобы ехать водой из Иркутска в Енисейск..., он мог бы сухопутным путем отправиться из Иркутска через Удинск, Красноярск, Кузнецк к оз. Зайсан и в Семипалатинск» [Новлянская, 1970, с. 137–138]. Такое путешествие могло быть рассчитано еще на два года!

Почему именно Семипалатинск? Ответ на это содержится в XVII-м рапорте Д. Г. Мессершмидта, в котором он, как и в предыдущих, «жаловался на трудности выполнения чрезвычайно широкого круга возложенных на него обязанностей при отсутствии квалифицированных помощников, указав, что до сих пор он не выполнил поручения президента — не приобрел никаких предметов древности, найденных при раскопках могильных курганов, и что такие вещи можно было бы достать только на оз. Зайсан и в Семипалатинске» [Там же, с. 137]. Возможно, на эту мысль могли навести Д. Г. Мессершмидта, помимо всего прочего, какие-то известия о коллекции Г. В. де Геннина, собранной в эти же годы на Иртыше и весьма богатой произведениями могильного золота [Дмитриева, Левашова, 1955; Худяков, Борисенко, 2005, с. 109–116]. Однако в этом прошении Д. Г. Мессершмидту было отказано, и дальнейший путь его лежал через Тобольск и Соликамск в Петербург.

Представление о возможности приобретения «скифского золота» из раскопанных курганов на Иртыше сохранялось еще достаточно долго, во времена Г. Ф. Миллера и даже В. В. Радлова. «На западном берегу Иртыша вплоть до недавнего времени, когда я был в Сибири, — писал Г. Ф. Миллер, — мало кто отваживался на это (раскопки древних курганов. — Д. С.), так как тут почти постоянно бродили киргиз-казаки. Вполне возможно, что в будущем в этих местах будет найдено еще немало ценностей» [Радлов, 1989, с. 418]. Приведя эти слова Г. Ф. Миллера, В. В. Радлов отмечает, что «эта надежда Миллера не осуществилась. Произведенные мной раскопки погребений в Киргизской степи явно показали, что эти погребения также основательно обысканы, как и могилы на Оби, Алтае и Енисее» [Там же]. Так что трудно сказать, чем могла бы закончиться эта поездка Д. Г. Мессершмидта к оз. Зайсан и в Семипалатинск.

Экскурс 4. Еще одно — «не сделанное» — открытие Д. Г. Мессершмидта

Д. Г. Мессершмидт — не только доктор медицины и видный натуралист, но и всесторонне, энциклопедически образованный молодой ученый — музыкант, поэт, филолог, знавший не только современные европейские, но и классические древние языки (древнегреческий и латынь), а также древнееврейский. Тема докторской диссертации Д. Г. Мессершмидта «О разуме как главенствующем начале всей медицинской науки» показывает общую гуманитарную и естественно-научную направленность его интересов. В этом плане культура и языки народов Востока, очевидно, должны были иметь важное значение в формировании взглядов доктора Д. Г. Мессершмидта. Возможно, что это также могло явиться одной из причин принятия им приглашения Петра I отправиться в многолетнее «свободное плавание» по Сибири. Как для Петра I Сибирь и специально Камчатка были своего рода «мостом» для открытия и освоения пути в Новый Свет, так для Д. Г. Мессершмидта Южная Сибирь была своего рода «окном» на Восток. Но для этого следовало каким-то образом попасть на этот Восток.

Попытки реализовать эти возможности проявляются с самого начала путешествия Д. Г. Мессершмидта. Из Москвы в Тобольск он выехал в составе китайского посольства Л. В. Измайлова, предполагая продолжить эту совместную поездку и дальше, и перед началом экспедиции в Сибирь побывать в Китае. Возможно, если бы это произошло, весь маршрут путешествия Д. Г. Мессершмидта по Сибири мог измениться в обратную сторону: не с запада на восток, а с востока на запад. Однако разрешения на такую поездку получено не было. Вместо этого с отказом Д. Г. Мессершмидт получил напоминание, что было равносильно указанию царя, «что его задачей является изучение природных богатств России, а не чужой страны» [Ким, 2012, с. 7]. Конечно, прежняя тяга к изучению Востока с получением этого «напоминания» не исчезла, а, возможно,

даже усилилась. Поэтому, когда до него дошли сведения о находящейся будто бы «по близости» за Саянами пещере с различного рода изображениями и идолами, Д. Г. Мессершмидт проявил к ним особый интерес.

О существовании этого памятника — скального святилища с нарисованными в нем идолами и письменами — стало известно еще до приезда Д. Г. Мессершмидта. По распоряжению Красноярской воеводской канцелярии для уточнения и проверки поступивших об этом сведений туда, в верховья Енисея, уже за пределы тогдашней Российской империи, отправлялись отряды казаков и различного рода «служивых людей», рассказывавших, иногда даже под страхом смертной казни, правду о загадочной пещере в горах и почитании ее местным жителями. Все эти сведения, поступившие в Красноярскую воеводскую канцелярию, были собраны воедино в «Исторических замечаниях» Г. Ф. Миллера, опубликованных в Приложениях к «Сибирским древностям» В. В. Радловым [1894, с. 74–80]. Там же был опубликован рисунок этой горы с пещерой, находящимися в ней «идолами» и курганами с угловыми камнями на площадке перед основанием этой скалы [Там же, рис. на с. 73].

Ничего этого Д. Г. Мессершмидт не знал, но и до него доходили сведения о загадочной пещере-святилище по ту сторону Саянских гор, но совершенно из других — неофициальных — источников.

Первая запись об этом относится к 14 января 1722 г. «Сегодня приходил один крестьянин и сообщил, что от реки Енисей, и вверх у саянов и сойотов, живущих на реке Уде, должна идти налево, вдоль истоков Енисея, через реку Тункинскую, дорога на Иркутск. Также он рассказал, что (в районе р. Кемчик. — Д. С.)... есть речка по имени Джакуль, там находится одна пещера, в которой есть не только писаницы, но также фигуры и изображения идолов» [Мессершмидт, 2012, с. 31]. Очевидно, это было первое, ставшее известным Д. Г. Мессершмидту сообщение о буддийском скальном святилище в горе Сюме, находящемся в самом начале Саянского каньона Енисея, с южной его стороны. Показательно, что уже на следующий день в дневнике Д. Г. Мессершмидта появилась запись о том, что «господин доктор сегодня выписывал из тангутской надписи буквы» [Там же]. Значит, он заранее предполагал, с какого рода древностями ему придется встретиться в этой пещере ¹⁶.

В дальнейшем многие информаторы рассказывали Д. Г. Мессершмидту об этой пещере с изображениями «идолов»; причем иногда указывали явно нереальные, слишком короткие до нее расстояния. Так, 18 февраля 1722 г. «люди (которые) много путешествовали к монголам и сойотам, кое о чем рассказали, а именно, что в половине пути отсюда, вверх по Енисею от реки Кемчик, должна быть другая река под названием

¹⁶ Имеется в виду известное буддийское скальное святилище Чурумал-Бурханныг-Хая в горе Сюме (южные отроги Западных Саян) на левом берегу Улуг-Хема (Енисея), у самого начала Саянского каньона. В настоящее время затоплено водами Тувинского водохранилища; новое такое же святилище в 2012 г. воссоздано и освящено с другой стороны горы Сюме. Предварительная, но никем не оспариваемая датировка святилища Чурумал-Бурханныг-Хая — монгольское время, XIII–XIV вв. [Кызласов, 1969, с. 140, 151, рис. 52], хотя не исключено, что оно могло появиться и раньше. Все письменные сведения об этом памятнике, обследование которого проводилось по указаниям Красноярской Воеводской канцелярии, собраны Г. Ф. Миллером и опубликованы В. В. Радловым [1894, с. 75–80]. На сделанном при этом рисунке горы Сюме с находящимся в ней святилищем, у ее подножия показаны, а при описании упоминается «татарское кладбище и многое число могил». Интересно, что все изображенные здесь курганы обставлены по углам вертикальными плитами, то есть представляют образ кургана как такового, очевидно, навеянный внешним видом тагарских курганов Минусинских степей, через которые проезжали отряды казаков из Красноярска при следовании их за Саяны, в Туву. В 1965 г. в одном из исследованных здесь курганов нами было обнаружено богатое погребение с серебряным кубком, по датировке близкое предполагаемому времени создания буддийской ниши, XII–XIII вв. [Савинов, 1973].

Джакуль, в устье которой есть пещера; в ней можно увидеть всевозможные курьезы, например изображения идолов в женском и мужском образе, а также много надписей... Капит. Табберт составил на основе этих сведений небольшую карту, чтобы в дальнейшем ее уточнить» [Там же, с. 39]. Вполне возможно, что это мог быть первый набросок карты, опубликованный потом в его знаменитой книге 1730 г.

Правда, были и более подробные сведения. Так, «28 января 1722 г. в Абаканск прибыл купец, торговавший за Саянскими горами с язычниками или сойотами. Он привел с собой верблюда, которого он там купил за 15 рублей. На нем он вез груз весом в 15 пудов... Когда он возвращался с реки Кемчик, он 2 дня шел через горы до истока реки Ана¹⁷. По ней 5 дней он шел до Абакана, опять примерно 5 верст и дальше его путь шел через степи прямо до Абаканского острога» [Там же, с. 34]. Еще более точные сведения были записаны от приказчика из Саянского острога, который «21 февраля 1722 г. рассказал нам следующее... От Саянского острога вверх по Енисею до реки Сизая, которая впадает с левой стороны, 8 верст, отсюда до Омай-Кая — 2 версты, отсюда до реки Джой — 2 версты. На другой, правой стороне Омай-Кая впадает река Голуба¹⁸. От Саянска до устья Кантегира — 1½ дня, отсюда до устья Кемчика — 6 дней. Больше он сообщить ничего не мог» [Там же, с. 40]. Указанные расстояния наиболее близки к действительности (если учесть, что общая протяженность Саянского каньона составляет более 200 верст), а все приведенные названия (северные предгорья Западных Саян) практически неизменными сохранились до сих пор.

И Д. Г. Мессершмидт стал собираться в дорогу. Ф. И. Табберт пишет: «Сейчас господин доктор ежедневно занимается упаковкой своих вещей, и особенно проявляет озабоченность, как он сможет уложить свой багаж так, чтобы он уместился на подводах, он имел намерение пойти через горы к сойотам. Так случилось бы, если бы он не был вынужден сначала ехать в Красноярск из-за отсутствия жалованья, ... это являлось существенным препятствием, чтобы осмотреть не достопримечательности, которые должны быть у сойотов, а именно различные виды животных... Кроме того должны были осмотреть пещеры с изображениями и письменами, развалины старого города вверх по реке Кемчик¹⁹. Осмотр всего этого господин доктор вынужден был отложить, и в первую очередь, позаботиться о средствах для жизни, и отправиться в Красноярск. Он предполагал, что как только получит свои деньги в Красноярске или Енисейске... отправится через горы к сойотам» [Мессершмидт, 2012, с. 36].

О том же, но в более краткой форме повествует перевод В. В. Радлова: «У сойотов, говорили, очень красивая пещера, с различными изображениями и надписями, вверх по течению реки Кемчика. От осмотра и личного исследования всего этого г. доктору пришлось отказаться, так как ему нужно было позаботиться о своем содержании; он решил по получении денег в Красноярске или Енисейске отправиться в горы к сойотам» [Радлов, 1888, с. 14–15]. К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться — на юг, к сойотам, за мощную преграду Саянских гор, к загадочной пе-

¹⁷ Очевидно, очень древнее название. Впервые упоминается в древнетюркских текстах под названием р. Аны при описании похода древних тюрков за Саяны зимой 711 г. [Малов, 1951, с. 67]. В настоящее время в Западных Саянах есть р. Она.

¹⁸ Омай-Тура. В самом начале Саянского каньона со стороны Минусинской котловины на р. Голубая Г. В. Длужневская в 1980 и 1982 гг. исследовала вал (остатки крепости?) Омайтура, очевидно, построенной здесь как оборонительное сооружение в период кыргызско-уйгурских войн, 20–40 гг. IX в. [Длужневская, 1989].

¹⁹ Не тот ли это город Кемиджкет, который упоминает источник X в. «Худуд ал-Алам» — «город, где живет киргизский хакан, называется Кемиджкет» [Бартольд, 1963, с. 494], то есть город на реке Кем (или Хемчик?). Пока не найден и археологически не обследован.

пещере с древними письменами на р. Джакуль (позднее — Чакуль, еще позже — Чаа-Холь) Д. Г. Мессершмидт так и не попал. Хотя обстоятельства сложились так, что с находками из этой пещеры ему еще пришлось столкнуться.

Для того, чтобы представить, как происходило это «не состоявшееся открытие» Д. Г. Мессершмидта, следует обратиться к «Историческим замечаниям» Г. Ф. Миллера, собравшим и систематизировавшим все сведения о пещере с загадочными идолами «по ту сторону» Саянских гор (в пересказе В. В. Радлова). В нем говорится, как о самом открытии этой пещеры (1717 г.), так и о том, как с этим открытием пришлось столкнуться Д. Г. Мессершмидту. Итак, «летом 1717 г. из Красноярска дети боярские Андрей Еремеев и Иван Нашивошников, с толмачем и казацким конвоем, на лодках отправлены были вверх по Енисею для разных географических разведок и выбора мест для постройки крепостей и острогов. По возвращении... привезли они еще с собой несколько листов, которые нашли в одной славившейся идолами пещере, близ западного берега Енисея, в нескольких километрах выше устья реки Кемчика... Такая неслыханная новость не могла не удивить всех...» [Радлов, 1884, с. 75].

Для проверки этих сведений Красноярской воеводской канцелярией в 1721–1726 гг. еще несколько раз предпринимались специальные поездки казаков и служивых людей в верховья Енисея, сообщавших новые подробности в описание пещерного святилища на р. Джакуль. Одну из них, направленную по распоряжению посла в Китай гр. С. В. Рагузинского, возглавил Яков Терский — казак, имя которого (или его ближайшего родственника) упоминается на страницах дневника Мессершмидта. В результате всех этих мероприятий скальное святилище на неизвестной р. Джакуль становится одной из главных достопримечательностей еще так мало изученной культуры Востока.

«Вот почему, — продолжает Г. Ф. Миллер, — Д. Г. Мессершмидту, прибывшему в Красноярск в 1722 году, дело это не могло остаться неизвестным (тем более, что ведь он сам только что намеревался отправиться туда. — Д. С.)». И так получилось (или судьбе было угодно!), чтобы в Красноярске Д. Г. Мессершмидт поселился у того самого Ивана Нашивошникова, который был фактически первооткрывателем этой пещеры и привез оттуда первые находки, в том числе более десятка листов с неизвестными письменами. «Большая часть (этих) листов успела пойти мальчикам (?) на хлопушки (! — Д. С.). Заметив это, Мессершмидт упросил хозяина уступить ему остальные и без особого труда с разрешения тогдашнего красноярского воеводы, добыл их. Эти переданные Мессершмидту листы были... привезены из Енисейской пещеры». «Засвидетельствовано это мне, — заключает Г. Ф. Миллер, — самим Ив. Нашивошниковым, который еще находился в живых, и переданным мне письменным удостоверением его, что дело было так, как я сказал» [Радлов, 1894, с. 75].

Несколько листов с письменами и некоторые другие находки из этой пещеры увез с собой Ф. И. Табберт (Страленберг) и позднее опубликовал их в своей книге. Как отмечают А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худяков, «полученные Мессершмидтом от И. Нашивошникова буддийская молитвенная грамота и образок с изображением Будды были опубликованы Ф. И. Страленбергом» [Борисенко, Худяков, 2005, с. 16]. Там же, у Ф. И. Страленберга, помещена карта верховий Енисея с указанием мест первых русских острогов и первым изображением горы Сюме с находящимся в ней буддийским святилищем [Strahlenberg, 1730, Tab. XIX]. Не совсем понятно происхождение помещенного рядом с находками из этой пещеры «идольчика» с распущенными волосами и сложенными на животе руками [Там же, Tab. V, B], более всего напоминающего изображения релкинской культуры Западной Сибири. Наверное, его добавил из

своих более ранних находок сам Ф. И. Страленберг, особенно если вспомнить его интерес к культовым изделиям, о котором уже говорилось выше.

Комментируя публикуемые надписи из буддийской пещеры в горе Сюме, Ф. И. Страленберг писал: «Такие письмена уже известны... Я мог бы прибавить к ним по меньшей мере 10 или 12 других образцов. Я приложил к этому сочинению образчик копии с другой древней рукописи, писанной на тонкой холщевой бумаге. Оригинал этой рукописи находится у меня. Письмена эти найдены русским уроженцем города Красноярска, почти на конце реки Енисея, при впадении в нее маленькой речки Кемчик, в том месте, где находилась старая часовня...» [Радлов, 1891, с. 27–28]. В «Исторических замечаниях» Г. Ф. Миллер отметил, что «Мессершмидт, возвратясь из сибирского путешествия в 1727 г., (также) привез тангутские и древние монгольские рукописи, взятые из той самой пещеры. Добыл он их в Красноярске, от одного из тамошних жителей, захватившего их при посещении пещеры» [Радлов, 1894, с. 79]. Но опубликовать их, как и все остальное, он уже не успел; изданные же Ф. И. Страленбергом находки из пещеры в горе Сюме были переданы ему Д. Г. Мессершмидтом вместе с другими материалами экспедиции при расставании 28 мая 1722 г.

Экскурс 5. Д. Г. Мессершмидт и начало Великих академических экспедиций

Путешествие Д. Г. Мессершмидта, отправленного по велению Петра I на всестороннее исследование Сибири, кажется чем-то очень отдаленным, оторванным от всего последующего развития науки, почти фантастическим. Однако, оказывается, что это не так.

Д. Г. Мессершмидт во время пребывания в Енисейске в 1725 г. неоднократно встречался и беседовал с Витусом Берингом и другими участниками Первой Камчатской экспедиции, в первую очередь, помощником В. Беринга М. П. Шпанбергом и хирургом В. Бутцовским (явно не случайно, учитывая их общие медицинские интересы). 24 июля первым посетил Д. Г. Мессершмидта В. Бутцовский, чтобы узнать о ближайшей дороге до Лены, по которой экспедиция В. Беринга должна была следовать до Якутска. В тот же день В. Бутцовский пригласил Д. Г. Мессершмидта к себе, но тот счел неудобным идти к нему до визита к самому В. Берингу и сначала послал слугу предупредить В. Беринга, что придет к нему в 5 часов, а затем зашел к В. Бутцовскому, и вместе они пришли к В. Берингу. «Таким образом, — отмечает М. Г. Новлянская, — этикет не был нарушен» [Новлянская, 1970, с. 123].

Д. Г. Мессершмидт застал В. Беринга в обществе какого-то военного. Они пили красное вино и курили. Разговор зашел о новой карте Сибири, которая показалась Д. Г. Мессершмидту не точной. 26 июля утром В. Беринг с М. П. Шпанбергом зашли к Д. Г. Мессершмидту. «По всей вероятности разговор шел о предстоящем путешествии, потому что на следующий день Мессершмидт отправился к Шпанбергу, захватив с собой карты Камчатки... Шпанбергу очень понравился чертеж Восточного Океана или Камчатского побережья, и он сказал, что эти карты могут им очень пригодиться... Уходя он (Мессершмидт) оставил карту у Шпанберга, вероятно, для того, чтобы тот смог их скопировать и показать Берингу... Через два дня Беринг вернул ему карту Камчатки с благодарностью за предоставленную возможность ему ознакомиться с нею» [Там же, с. 123–127].

Таким образом, Д. Г. Мессершмидт со своим знанием восточной части Азии и, как оказывается, до самого дальнего Тихоокеанского побережья, вольно или невольно способствовал проведению Первой экспедиции В. Беринга. Как отмечает Э. Винтер: «Они (В. Беринг и Д. Г. Мессершмидт. — Д. С.) произвели друг на друга большое впечатление. Беринг был удивлен и потрясен тем, что Мессершмидт сумел один совершить столь трудное и далекое путешествие» [Винтер, 1971, с. 12]. Видимо, они даже

договорились о каком-то участии Д. Г. Мессершмидта в дальнейших научных предприятиях В. Беринга. «Поэтому Мессершмидту было особенно тяжело, что его отстранили (после возвращения в Петербург. — Д. С.) от участия в подготовке Второй экспедиции Беринга» [Там же], с которой, возможно, могли быть связаны какие-то ожидания.

Взаимные визиты путешественников продолжались и дальше. 12 августа вечером Камчатская экспедиция уезжала из Енисейска. В день отъезда экспедиции В. Беринг принес Д. Г. Мессершмидту письмо и посылку для жены. Д. Г. Мессершмидт, обеспокоенный обстоятельствами своего возвращения в Петербург, спросил мнения В. Беринга на этот счет. В. Беринг, «соглашаясь с тем, что протоколы и подлинники документов, собранные Мессершмидтом, должны быть увезены в Германию в качестве свидетельства о его верности и честной службе, тем не менее посоветовал ему все же снять с них копии или же сделать выписки. Что же касается собственноручных рисунков ученого и рисунков, сделанных за его счет, то он тоже считал, что если Мессершмидту вздумается показать их в Петербурге, то ему следует скопировать их с помощью петербургских художников» [Новлянская, 1970, с. 129]. Последующее развитие событий показало, что В. Беринг «как в воду смотрел»: именно благодаря копированию раритетов, собранных Д. Г. Мессершмидтом, мы можем судить о составе его коллекции.

Уже по возвращении в Петербург, в комиссию по приему всех материалов от Д. Г. Мессершмидта в качестве секретаря для ведения протокола был включен недавно прибывший в Петербург «студент» Г. Ф. Миллер, будущий руководитель академического отряда Великой северной или Второй Камчатской экспедиции — самого крупного научного предприятия первой половины XVIII века. Именно Г. Ф. Миллер, по окончании этой унижительной для Д. Г. Мессершмидта процедуры отметил, что «Кунсткамера, благодаря усердию Мессершмидта, так обогатилась отечественными естествоведческими экспонатами (можно с уверенностью сказать и археологически. — Д. С.), что это превзошло все ожидания». В дальнейшем сухопутная часть Великой Северной экспедиции под руководством академиков Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина на территории Южной Сибири буквально шла по следам путешествия Д. Г. Мессершмидта, проверяя и в чем-то уточняя полученные им сведения. И к чести Д. Г. Мессершмидта следует сказать, что ничего принципиально нового, по сравнению с его описаниями, открыто не было. Другое дело, что все это было описано и атрибутировано, может быть, подробнее, чем у Д. Г. Мессершмидта. Кроме того, некоторые памятники за это время исчезли или их не удалось найти. Во всяком случае, полевые материалы Д. Г. Мессершмидта так или иначе сохранили значение первоисточника, а произведенная (очевидно, по инициативе Г. Ф. Миллера) скрытая «ревизия» только подчеркнула научное значение путешествия первооткрывателя Сибири.

С наиболее видными участниками Великой Северной (или Второй Камчатской) экспедиции Д. Г. Мессершмидта связывали и многие другие, в том числе и личные отношения. Вскоре после возвращения в Петербург, 17 марта 1728 г. Д. Г. Мессершмидт вступил в брак с Бригиттой Элен, которая после его смерти в 1735 г. вышла замуж за адъюнкта Академии наук Г. В. Штеллера, одного из участников Второй Камчатской экспедиции.

Георг Вильгельм Штеллер — молодой врач, также приехавший из Галле, и, в отличие от большинства членов Академии наук, поддерживавший в этот период наиболее тесные связи с опальным путешественником. Известно, что Г. В. Штеллер собирался отправиться по следам Д. Г. Мессершмидта, но стал одним из видных участников Второй Камчатской (или Великой Северной) экспедиции. Он был отправ-

лен в 1740 г. Г. Ф. Миллером на Камчатку, на смену С. П. Крашенинникову. Однако прежде чем отправиться в экспедицию, адъютант Г. В. Штеллер женился на вдове Д. Г. Мессершмидта [Винтер, 1971, с. 11]. Таким образом осуществилась эта почти мистическая связь между двумя великими первооткрывателями Сибири — Д. Г. Мессершмидтом и С. П. Крашенинниковым. Именно С. П. Крашенинникову принадлежит знаменитая фраза — «Знать свое отечество во всех его пределах», — ставшая своего рода знаменем политики Петра I, на осуществление которой был призван Д. Г. Мессершмидт.

ГЛАВА V. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ Д. Г. МЕССЕРШМИДТА

Общее количество предметов коллекции Д. Г. Мессершмидта точно установить трудно. Как уже говорилось, по мнению Н. П. Копаневой, «всего в реконструированном собрании археологических древностей, привезенных и присланных ученым, мы можем насчитать около 500 единиц» [Копанева, 2006, с. 79]. В. В. Радлов писал: «Первый ученый, обративший серьезное внимание на собирание древностей, был д-р Д. Г. Мессершмидт. Он привез в Петербург большую коллекцию древностей и составил атлас рисунков, содержащих на 36 таблицах изображения каменных изделий, снимки с надписей и в разных местах найденных и виденных им древностей» [Новлянская, 1970, с. 171]. По словам В. В. Радлова, «после Мессершмидта все ученые, путешествовавшие по Сибири, стали обращать внимание на культурные остатки древних жителей Сибири, собирая встречаемые ими по пути древности и раскапывая, где им представляется случай, древние могилы (имеются в виду Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. Г. Георги, К. Ф. Ледебур и др. — Д. С.)... К сожалению, коллекции этих путешественников не были собраны в одно место (за исключением части коллекции Г. Ф. Миллера, хранящейся в Эрмитаже. — Д. С.), и в настоящее время не осталось почти и следов их» [Радлов, 1888, с. 11]. А коллекция Д. Г. Мессершмидта, хотя только в изображениях и не полностью, но сохранилась и до сих пор является первоклассным источником для изучения древней культуры обитателей Сибири.

По сведениям дневника и рапортов Д. Г. Мессершмидта точно можно атрибутировать только отдельные изделия. Большинство же определяются или исходя из наибольшей вероятности нахождения на территории той или иной археологической культуры, или путем привлечения аналогий. Следуя путем движения Д. Г. Мессершмидта (Бараба — Колывань — Кузнецк), можно предположить, что отсюда происходит ряд вещей западносибирского происхождения — преимущественно релкинской культуры (VI–X вв.) и более позднего времени. Многие «куриозные» вещи этой части коллекции Д. Г. Мессершмидта были уже в первой посылке, отправленной Д. Г. Мессершмидтом в Петербург, в Медицинскую канцелярию из Тобольска 25 июня 1720 г. [Мартынова, Покровская, 2000, с. 11].

Из приобретений на территории Западной Сибири обращает на себя внимание крупная бронзовая бляха с многофигурной композицией, названная выше «Люди в лодке». В дальнейшем оказалось, что на севере известны и другие находки подобного рода (т. н. «Бляхи с рыбаками»), правда, в более схематизированном виде, но с участием тех же персонажей. Все они относятся к сравнительно позднему времени, не ранее середины II тыс. н. э. [Семенова, 2010]. Наверное, близко к этому времени должна относиться и бляха со сценой «Люди в лодке» из коллекции

Д. Г. Мессершмидта. Думается, что это может быть принято и для серии антропоморфных «идолов», опубликованных Ф. И. Страленбергом [Strahlenberg, 1730, Tab. III].

Вероятно, в Прииртышье могли быть приобретены некоторые предметы сросткинской культуры (VIII — начало XI в.) и отдельные импортные изделия из Средней Азии (серебряные сосуды, художественные изделия, дирхемы). Однако большинство раритетов было приобретено в бассейне Среднего Енисея. Это главным образом изделия скифского времени (тагарская культура) (Табл. II–V) и раннесредневековые (культура енисейских кыргызов и др.) (Табл. VII).

Самые ранние находки из коллекции Д. Г. Мессершмидта относятся к эпохе неолита. А. А. Формозов (со ссылкой на А. А. Спицына) сообщает, что «в зарисовке Мессершмидта до нас дошло каменное изображение рыбы с р. Караульная — находка, типичная для неолита Прибайкалья, но редкая для бассейна Енисея» [Формозов, 1986, с. 23]. В подписи к данному изображению из X-го рапорта Д. Г. Мессершмидта говорится: «Фрагмент статуи камня, который можно признать воспроизводящим фигуру рыбы, найденный недалеко от устья речки Караульной в районе Енисея. Среди молодых предшественников коренного татарского народа — скифов — использовалась как предмет языческого культа. Я считаю, что это скорее изделие из камня, нежели ихтиолит (окаменевшая рыба)» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 37, л. 1].

При первом же взгляде на южносибирскую часть коллекции Д. Г. Мессершмидта сразу бросается в глаза полное отсутствие материалов эпохи бронзы, странное, если учесть, что именно погребения этого времени, особенно карасукской культуры эпохи поздней бронзы, были наиболее доступны для грабителей и действительно подверглись почти тотальному ограблению. Может быть, как музейные ценности они казались Д. Г. Мессершмидту не заслуживающими внимания? В дневнике записано, что «28 июня 1722 г. ... Петер и Андрей достали мне из могил несколько медных ножей и копий, но они не стоили таких усилий» [Мессершмидт, 2012, с. 94]. Но такое предположение противоречит содержанию указов Петра I, в которых говорится как раз о вещах медных, то есть бронзовых. Или, может быть, такие вещи у местного населения сразу шли на переплавку? Или, как известно, по нормам погребального обряда их вообще редко клали в погребения? Кто знает.

Тагарская серия находок Д. Г. Мессершмидта наиболее значительна. Именно такие предметы в первую очередь ассоциируются с раскопками курганов, хотя драгоценных изделий среди них практически нет. Вполне вероятно, что сведения о находках «скифского золота» в курганах на Енисее вообще были сильно преувеличены, хотя отдельные украшения из золотой фольги из погребений позднетагарского времени в материалах коллекции Д. Г. Мессершмидта имеются.

Бронзовые предметы тагарской культуры весьма разнообразны по видам изделий (кинжалы, чеканы, зеркала, ножи, шилья, художественные изделия). По сути дела, здесь представлен почти весь ассортимент тагарского бронзолитейного производства. Они представляют все этапы развития тагарской культуры — от наиболее ранних, VIII–VII вв. до н. э., до наиболее поздних — III–II вв. до н. э. Предположительно можно выделить вещи тесинского этапа (середина II в. до н. э. — начало II в. н. э.) (Табл. V) и лесостепного варианта тагарской культуры. Среди произведений звериного стиля, помимо тагарских, есть и явно заимствованные западные (условно — сакские) образцы, но отделить их достаточно трудно.

Наоборот, совершенно четко определяются произведения хуннской изобразительной традиции, также известные в коллекции Д. Г. Мессершмидта. Материалы таштыкской культуры (III–V вв. н. э.) представлены керамикой, бронзовыми амулетами и прорезными деталями поясных наборов, пряжками (Табл. VI). То, что все сосуды таштыкской культуры дошли до Д. Г. Мессершмидта практически целыми, а также серийность однотипных металлических украшений говорит о том, что они получены непосредственно после раскопок какого-то таштыкского склепа, хотя в дневнике об этом не упоминается.

Вообще Д. Г. Мессершмидт, очевидно, считал не столь существенным упоминать о местах находок или приобретений тех или иных изделий (за исключением нескольких особых случаев нахождения, по его мнению, особенно ценных вещей), что особенно затрудняет их идентификацию. Обращает на себя внимание, что от некоторых бронзовых предметов тагарской культуры, в первую очередь, чеканов, сохранились (или представлены в рисунках) только художественно оформленные навершия. Может быть, они были сломаны самими бугровщиками, продававшими, на их взгляд, самые ценные части предметов, а остальное пускавшие на переплавку? Или художники (исполнители изображений этих предметов) считали их в первую очередь заслуживающими внимания для художественного воспроизведения.

Весьма многочисленны различным образом декорированные детали поясных и уздечных наборов VII–X вв. Среди них также есть серийные изделия, позволяющие предположить происхождение этих наборов из одних и тех же погребений. Культурная принадлежность их может определяться по-разному: больше всего, судя по характеру орнамента, изделий культуры енисейских кыргызов (Табл. VII), что вполне естественно, учитывая, что место проведения полевых исследований Д. Г. Мессершмидта — долина Среднего Енисея — это метрополия созданного ими государственного объединения. Точная атрибуция, пожалуй, дана только для одной находки из собрания Д. Г. Мессершмидта — это уже упоминавшаяся бляха, отлитая «в форме дубового листка, на правой стороне (которой) было изображение прямо стоящей белочки...», которую принес Я. В. Селенга 19 сентября 1722 г. [Мессершмидт, 2012, с. 149]. По Г. Г. Король и Л. В. Коньковой, такие «бляхи с едва намеченной волнистостью края, чуть загнутым в сторону концом» датируются находками в лясском погребении 941 г. из Внутренней Монголии, группа 3, по их классификации [Король, Конькова, 2010, с. 141, рис. 1, 17]. Скорее всего, она происходит из одного из кыргызских чаа-тасов, может быть, и Копенского чаа-таса (?), где жил и производил раскопки оставивший свой след в истории бугровщик Селенга.

Вполне вероятно, хотя и требует дополнительных доказательств, наличие гарнитур кимакского происхождения (сросткинской) и культуры алтае-телеских тюрок, также эпизодически проникавших в Минусинскую котловину. Последнее предположение подтверждается приведенным выше анализом древнетюркских каменных изваяний, найденных Д. Г. Мессершмидтом. Есть среди них и отдельные украшения явно среднеазиатского происхождения (согдийские) (Табл. XI). Отдельно выделяются предметы китайского импорта (бронзовые зеркала, монеты) (Табл. XII), а также отдельные вещи монгольского времени (Табл. X).

В раннесредневековую часть коллекции Д. Г. Мессершмидта входит также небольшая, но вполне определимая серия железных наконечников стрел, стремян и пряжек. Специального внимания заслуживает уже не раз упоминавшийся «кубок Мессершмидта» (Табл. VIII). Так же, как и в случае с таштыкской керамикой (Табл. VI, б), поражает сохранность т. н. кыргызских ваз, крупных и легко быющихся глиняных

сосудов (Табл. VII, 13–14), которые скорее всего попали к Д. Г. Мессершмидту непосредственно из рук грабителей, «работавших» в это же время на каком-нибудь из кыргызских чаа-тасов. В целом материалы коллекции Д. Г. Мессершмидта достаточно четко отражают пропорциональное соотношение памятников древности и раннего средневековья, известных и сейчас в степях Среднего Енисея.

Особо следует остановиться на удивительном для того времени, то есть вообще первого знакомства с таким количеством разнообразного археологического материала, помещении на большинстве листов из «*Sibiria perlustrata*» изображений предметов чаще всего в соответствии с их действительной хронологической (конечно, без определения каких-либо точных дат) и даже культурной принадлежностью. Поскольку никаких данных ни о хронологии (за исключением самых общих представлений об их глубокой древности), ни тем более о тех или иных археологических культурах тогда не существовало, это могло быть сделано только интуитивно, но все же сообразуясь с какими-то особенностями распределения вещей таким образом: исходя из формы, материала, назначения, художественного оформления (иначе говоря — образа того или иного предмета). И сделано это в большинстве случаев на листах археологического собрания Д. Г. Мессершмидта, конечно, с какими-то «нарушениями», но очень близко к действительности, а в некоторых случаях почти безошибочно.

Полная атрибуция каждого из входящих в коллекцию Д. Г. Мессершмидта предметов, исходя из их сохранившихся изображений, главным образом найденных или приобретенных во время путешествия по Приенисейским степям, дело самостоятельного исследования. Однако и в данном изложении результатов экспедиции Д. Г. Мессершмидта можно отметить в большинстве своем правильные по распределению предметов листы иллюстративного приложения к «*Sibiria perlustrata*» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 22]. Особенно показательны в этом отношении листы с изображениями бронзовых изделий тагарской культуры, а также таштыкских. Так, на листе 363 из 19 изображенных предметов — 12 позднетагарские; на листе 364 из 13 предметов — все таштыкские; на листе 366 из 11 предметов — 9 тагарских (зеркала и бронзовые фигурки оленей); на листах 383–384 собраны кыргызские и таштыкские вазы; на листе 385 из 9 предметов — 7 тагарские (чеканы всех этапов развития тагарской культуры); на листе 386 из 18 предметов 13 (кинжалы и чеканы) тагарские; на листах 387–389 собраны только раннесредневековые изделия; и т. д. Сгруппировать те же самые изделия в соответствии с современными представлениями об археологической периодизации уже не представляет большого труда.

Известно, что периодизация южносибирских древних и раннесредневековых культур Среднего Енисея была создана в 20-х гг. XX в. С. А. Теплоуховым, и в основных своих положениях сохраняет свое значение до сих пор [Теплоухов, 1929]. Используя ее как отправную «планку», ретроспективно можно распределить археологические материалы, собранные Д. Г. Мессершмидтом на Енисее в соответствии с выделенными этапами культурогенеза (по С. А. Теплоухову) с теми дополнениями, в том числе терминологическими, которые были сделаны другими исследователями (М. П. Грязнов, С. В. Киселев и др.). Последнее касается, в первую очередь, самого наименования тагарской культуры (по С. В. Киселеву) с названиями этапов ее развития (по М. П. Грязнову).

В таком обобщенном виде культурно-хронологическая атрибуция археологических материалов коллекции Д. Г. Мессершмидта, которые можно отнести к выделенным в настоящее время археологическим комплексам, будет выглядеть следующим образом. В тезисном виде это уже опубликовано [Тункина, Савинов, 2015]. Ниже дано

распределение некоторых материалов коллекции Д. Г. Мессершмидта (скифо-сарматского времени и раннесредневековых) в соответствии с представлениями автора [Савинов, 2011; и др.]. *Табл. II* — тагарская культура, подгорновский этап, середина VIII–VI вв. до н. э.; *Табл. III* — тагарская культура, ранний сарагашенский этап, середина VI–V вв. до н. э.; *Табл. IV* — тагарская культура, поздний сарагашенский этап, IV–III вв. до н. э.; *Табл. V* — тагарская культура, тесинский этап; хуннский компонент и культура грунтовых могильников, середина II в. до н. э. — середина I в. н. э.; *Табл. VI* — таштыкская культура, материалы таштыкских склепов, по М. П. Грязнову, III–V вв. н. э.; *Табл. VII* — культура енисейских кыргызов, VIII–X вв. н. э.; *Табл. VIII* — «кубок Мессершмидта», предположительно X–XI вв. н. э.; *Табл. IX* — материалы инокультурных средневековых могильников: А — сrostкинская культура, середина IX — начало XI в. н. э.; Б — древнетюркские погребения с конем, VIII–IX вв. н. э.; *Табл. X* — находки монгольского времени, XIII–XIV вв. Отдельно выделяются находки импортных изделий западного (согдийского) происхождения (*Табл. XI*) и находки импортных изделий восточного (китайского) происхождения (*Табл. XII*). В следующих таблицах (*Табл. I, XIII–XVI*) представлены другие памятники, открытые Д. Г. Мессершмидтом (окуневские изваяния; памятники древнетюркской культуры — изваяния и рунические надписи; наскальные изображения и др.).

Предложенная систематизация археологических материалов коллекции Д. Г. Мессершмидта, конечно, не означает, что им (даже на интуитивном уровне) была создана первая периодизация южносибирских древностей. Такой задачи Д. Г. Мессершмидт перед собой не ставил и, естественно, ни при каких обстоятельствах осуществить не мог. Однако по широте охвата археологических материалов различных исторических эпох собирательская деятельность Д. Г. Мессершмидта носит беспрецедентный характер. Мало кто из последующих исследователей Южной Сибири (во всяком случае до В. В. Радлова, а это уже конец XIX в.) может претендовать на такую полноту собранных ими в Южной Сибири археологических коллекций. Ничего подобного и во время дальнейшего путешествия Д. Г. Мессершмидта по разным областям Российской империи (1723–1726 гг.) тоже сделано не было.

Отдельно надо сказать о материалах коллекции Д. Г. Мессершмидта в издании «Нарисованный Музей», представляющем акварельные рисунки экспонатов собрания Кунсткамеры 1725–1760 гг. [Нарисованный музей, 2003, с. 203–231]. Археологические находки из собрания Д. Г. Мессершмидта с соответствующей аннотацией, в том числе, очевидно, и уже не сохранившиеся, представлены здесь на нескольких листах/рисунках. Это количество может быть умножено за счет оригиналов, подготовленных для демонстрации в собрании рисунков экспонатов Кунсткамеры, но по каким-то причинам не вошедших в публикацию [СПбФ АРАН. Р. IX. Оп. 4. Д. 564 и сл.]. Среди них есть рисунки, дублирующие листы из «Sibiria perlustrata», есть и другие, пока неизвестные материалы. В целом они количественно расширяют вещественный фонд археологического собрания Д. Г. Мессершмидта, но не меняют общего представления о нем и соответствуют предложенной выше атрибуции.

Что касается типологических особенностей погребальных сооружений, которые пришлось наблюдать Д. Г. Мессершмидту (по его определению, «скифская гробница» и «скифская могила»), то мнение о делении их, соответственно, на два типа, по Ю. Г. Белокобыльскому [1968, с. 18], представляется преувеличенным. Просто им были описаны погребальные сооружения, об устройстве которых Д. Г. Мессершмидт мог составить более или менее определенное представление (или даже присутствовал при их раскопках). Одни из них — подкурганные, окруженные камнями с рисунками и захоро-

нениями в деревянном «ящике» (срубе), очевидно, раннетагарские. Другие — коллективные захоронения с обрядом трупосожжения — скорее всего, позднетагарские (тесинские) или даже таштыкские. Те и другие Д. Г. Мессершмидт считал «скифскими» с точки зрения их глубокой древности как таковой, а не культурной или хронологической принадлежности. Наверное, его аналитические наблюдения, пока так и не увидевшие свет, могли быть более глубокими и дифференцированными, но для того, чтобы убедиться в этом необходимо более глубокое изучение научного наследия Д. Г. Мессершмидта.

Augustus 1722. 205

weisen Tatter-Tschöcker
(das ist Lunt) den Sagar-
Kisten Tattaren aber mit
seiner eigenen Nase
Urwalden wandern,
und selbst in die Lande
zum Kristentum sahen.
Zu Anfang des Monats
Peter und die Lunt von
ihm nachsetzen, allein die
kamen ihn nicht zum Auf-
bruch und hatten mit
sich 1 1/2 Stunden
nicht kommen. Peter hatte
in diesem auf ein Paar
Trappen gehen die iten
deswegen, trank und
frügte am 10. ober-
vint, anfallen aber von
allen nicht. Darauf
ist die Mogilen auf
Geranien (Centa folio pi-
num rubrum, non odorem,
flore purpureo, ac
et semine oblongioribus,
nunciat im Seminatio
galagat. Diese war
von diesen Mogilen
Graben

Табл. I. Каменное изваяние Куртуяк-таш.

Рисунок из дневника Д.Г. Мессершмидта. 18 августа 1722 г.

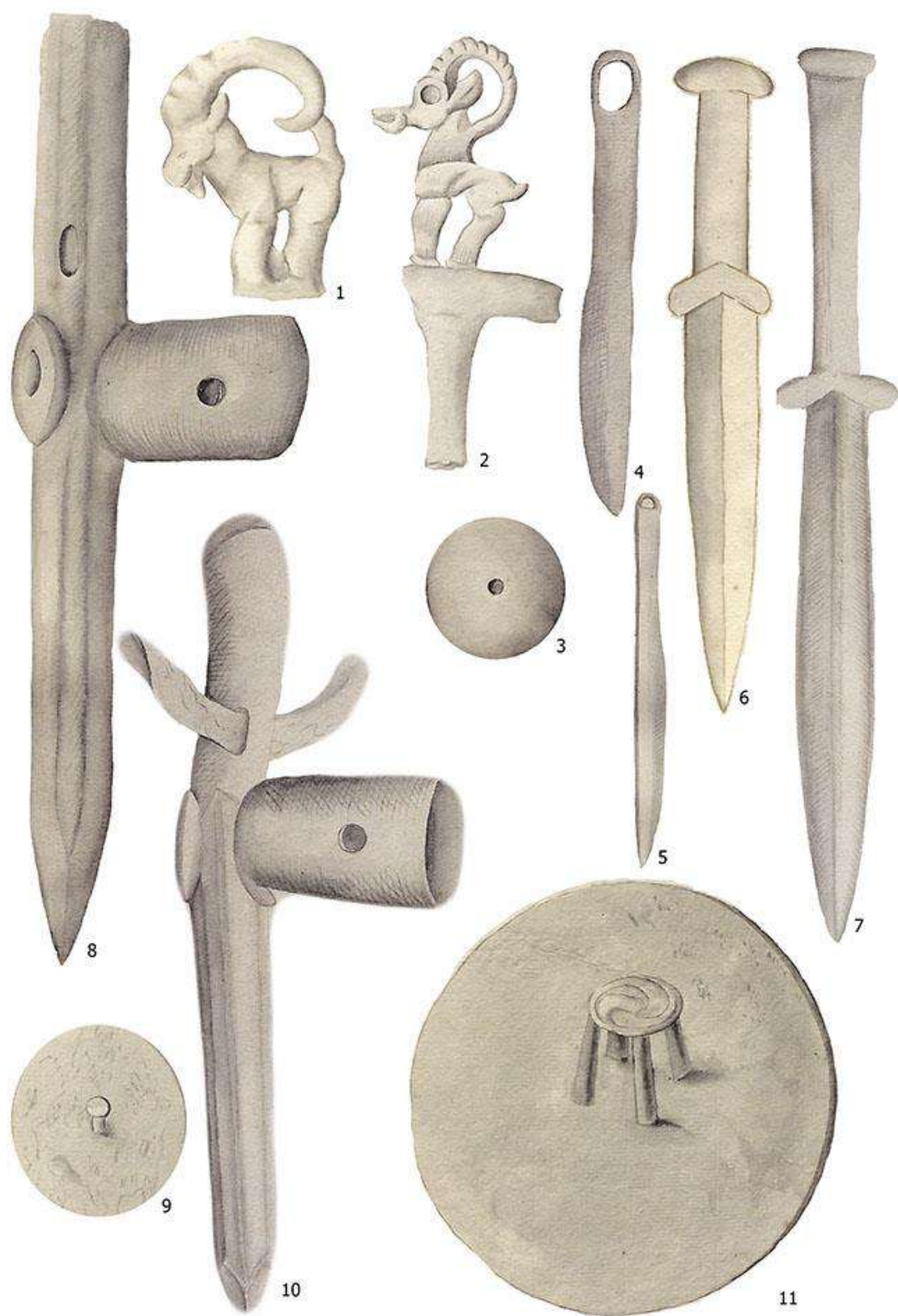

Табл. II. Тагарская культура. Подгорновский этап. VII — VI вв. до н.э.

Табл. III. Тагарская культура. Сарагашенский этап (первая половина),
V — IV вв. до н.э.

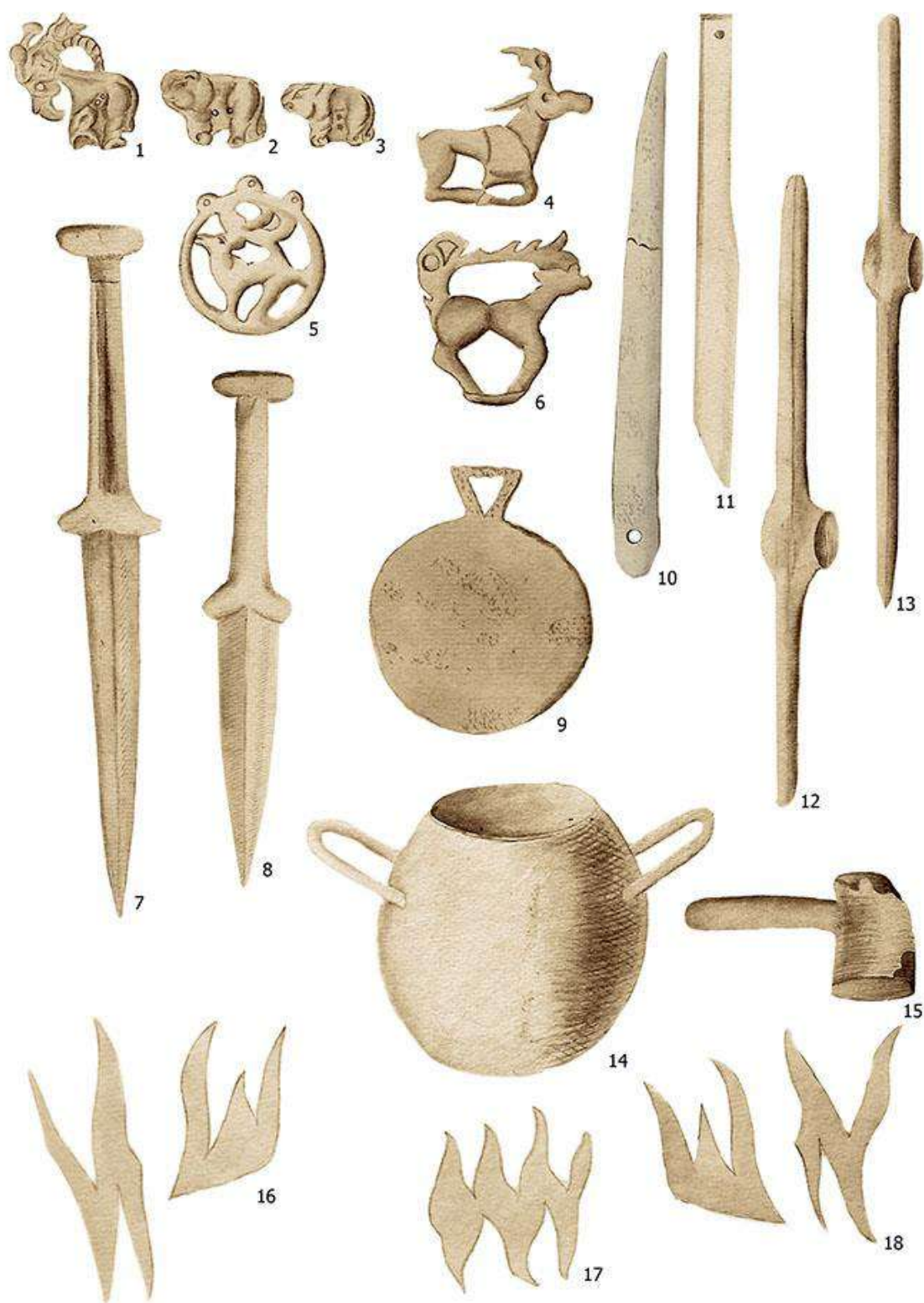

Табл. IV. Тагарская культура. Сарагашенский этап (вторая половина).
IV — III вв. до н.э.

Табл. V. Тагарская культура. Тесинский этап и хуннский компонент¹²
(культура грунтовых могильников), II в. до н.э. — I в.н.э.

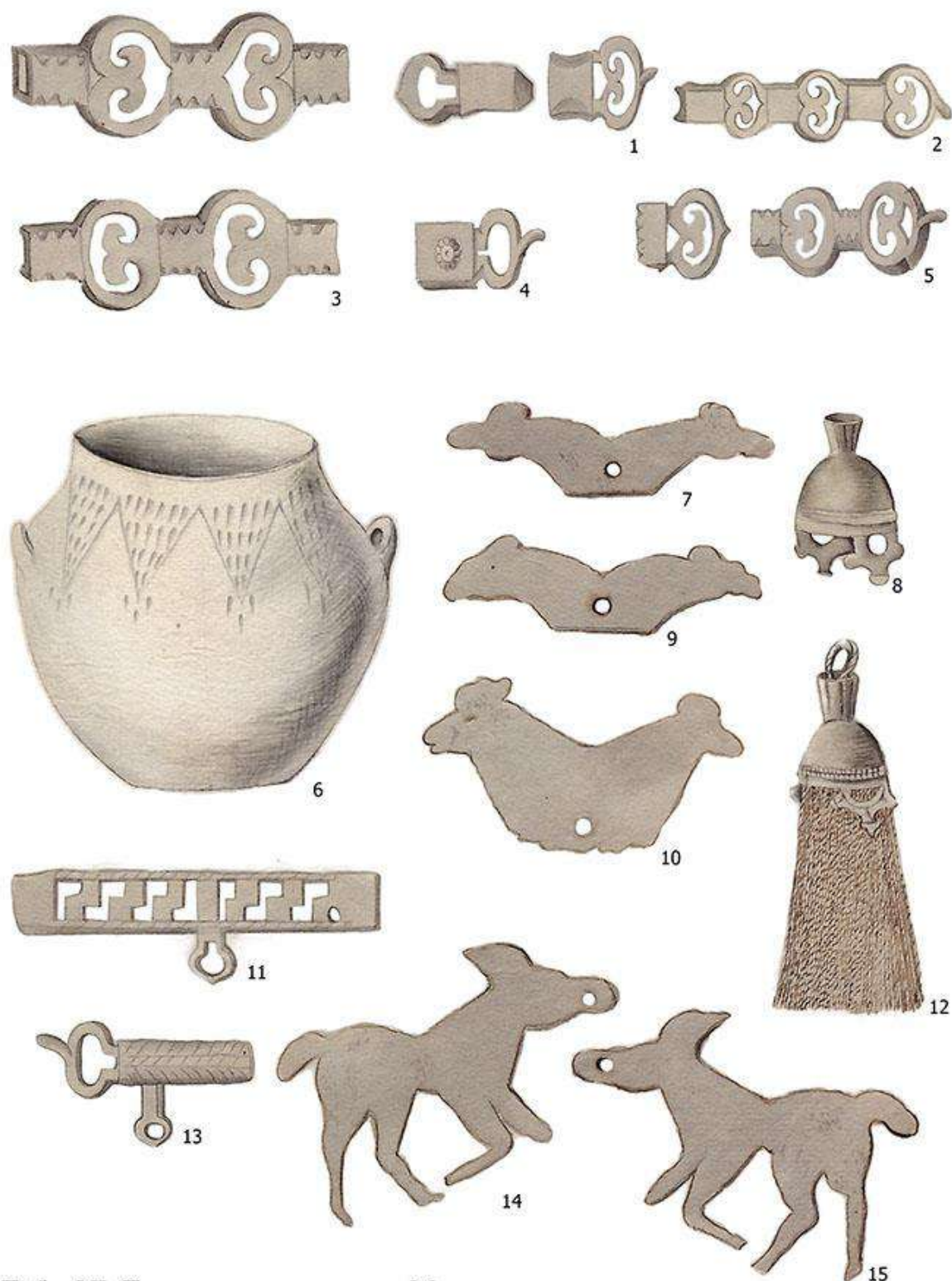

Табл. VI. Таштыкская культура. Материалы из таштыкских склепов,
III — V вв.н.э.

Табл. VII. Культура енисейских кыргызов, VIII — X вв. н.э.

Табл. VIII. «Кубок Мессершмидта» (предположительно X — XI вв. н.э.)

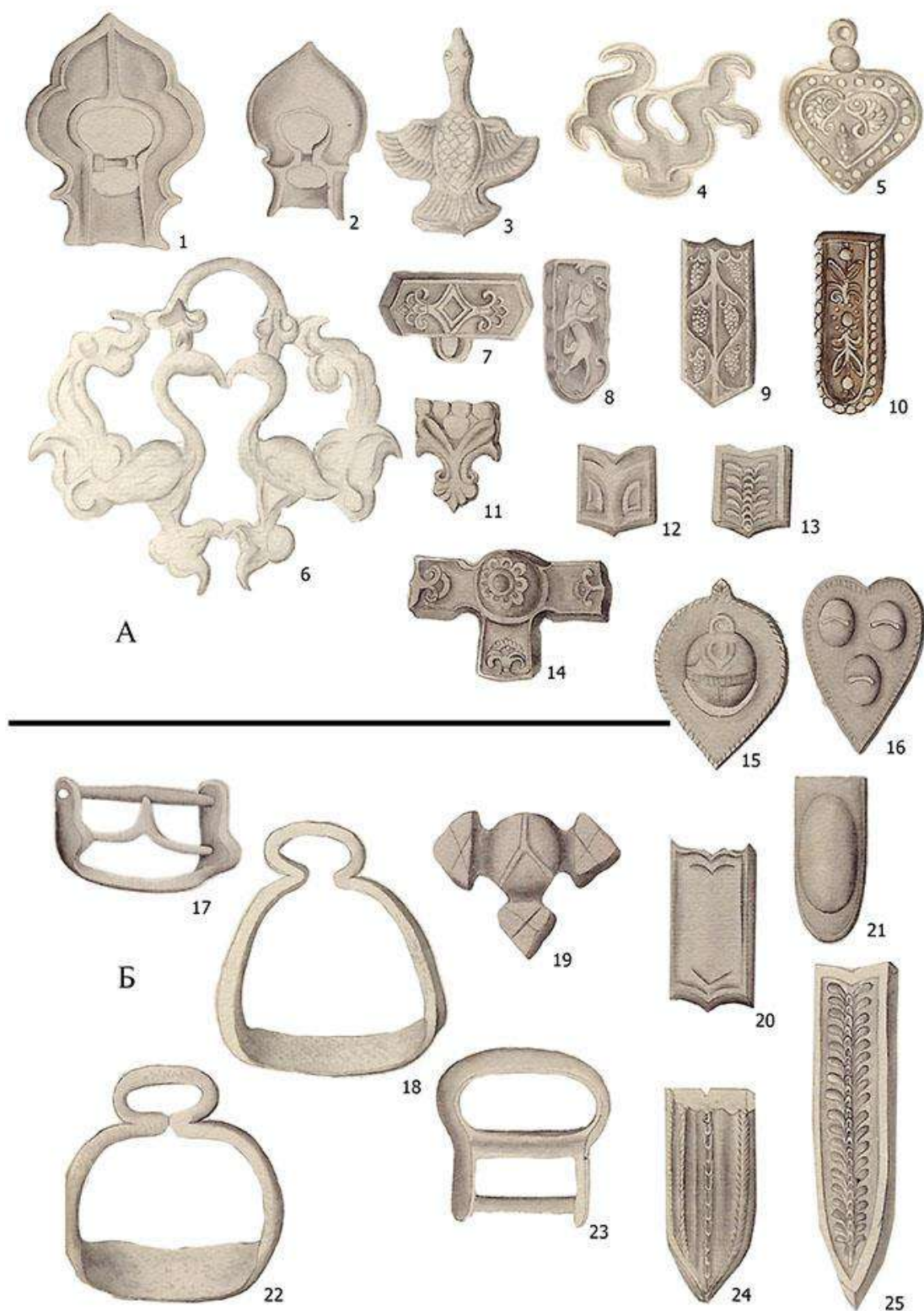

Табл. IX. Материалы инокультурных могильников VIII — X вв.

А — сrostкинская культура; Б — древнетюркские погребения с конём.

Табл. X. Находки монгольского времени. XIII — XIV вв. н.э.

Табл. XI. Находки вещей западного (согдийского) происхождения.
Эпоха раннего средневековья.

Табл. XII. Находки вещей восточного (китайского) происхождения.
В основном период династии Тан, VII — IX вв. н. э.

Табл. XIII. Каменные изваяния, открытые Д.Г. Мессершмидтом.

1 — “Тазминское” (на р. Бюрь); 2 — Усть-Есинская Кыс-таш (оба - эпохи бронзы, окуневская культура); 3 — древнетюркское изваяние Казан Кыс-таш, VIII — IX вв. н.э. (рисунки Д.Г. Мессершмидта).

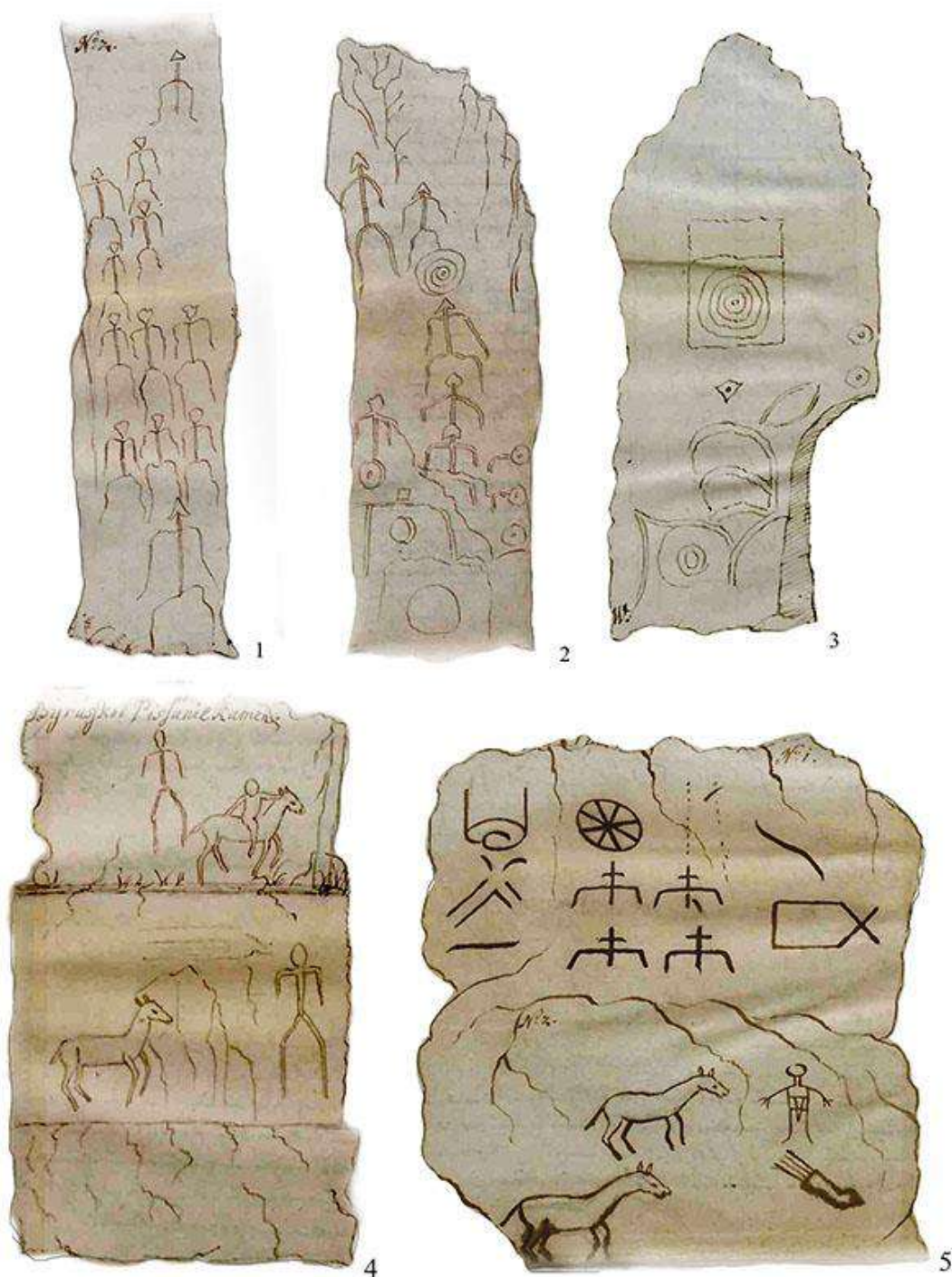

Табл. XIV. 1-3 — рисунки на курганных плитах из Есь-Тей-Абаканской степи;
 4 — наскальные изображения Писаного камня (1-4 рисунки Д.Г. Мессершмидта);
 5 — Новоселовская писаница (предположительно рисунок Карла Шульмана).

Табл. XV. Томская писаница. 1 — вид с воды; 2 — вид с места у основания скалы (рис. К. Шульмана)

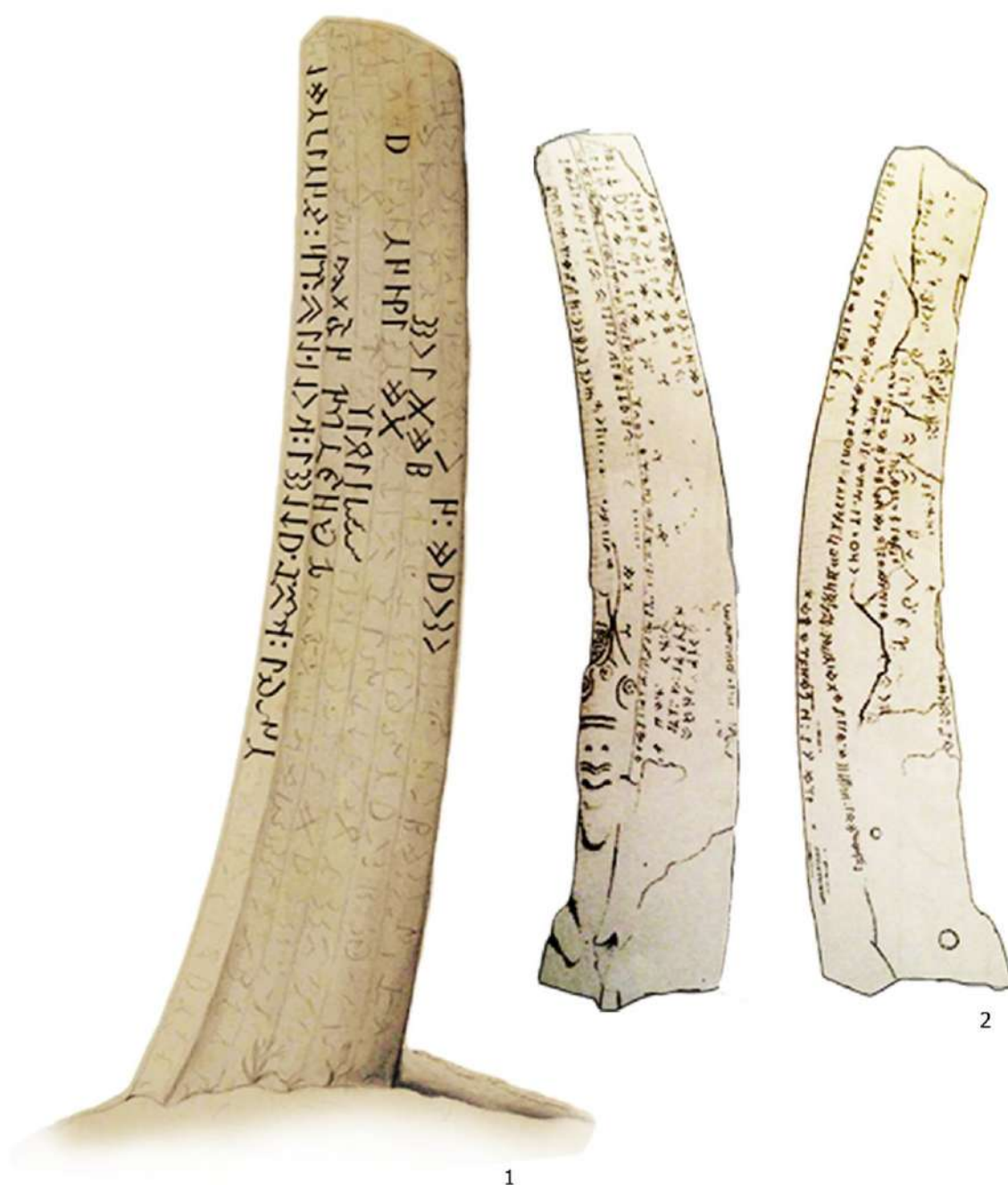

Табл. XVI. Открытая Д.Г. Мессершмидтом Уйбатская стела с руническими надписями. 1 — рисунок Карла Шульмана, приложенный к Рапорту Д.Г. Мессершмидта (без окуневской личины); 2 — полное изображение, материалы эксп. И.Р.Аспелина (по: Ашпельгрэн - Кивало, 1931)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возвращение Д. Г. Мессершмидта в Петербург было безрадостным. В 1724 г. была создана Императорская Академия наук, все большее значение приобретала Кунсткамера. Оба этих важнейших события в истории российской науки, на которые было возложено столько надежд, произошли без участия Д. Г. Мессершмидта. После смерти Петра I (1725 г.) все его начинания, к числу которых, несомненно, можно отнести и приглашение Д. Г. Мессершмидта, были поставлены под сомнение или просто «свернуты». Путешествие Д. Г. Мессершмидта в Сибирь было признано слишком затянувшимся и обременительным для казны. Было принято решение отозвать (или «выслать») его из Сибири. Однако этим дело не ограничилось. В Тобольске имущество Д. Г. Мессершмидта, в том числе его коллекции, включавшие все «куриозные» вещи, были арестованы, а сам он был обвинен в провозе контрабандных товаров и отправлен в Санкт-Петербург в сопровождении двух солдат, на которых была «возложена обязанность строжайшим образом сторожить в пути как собранные им коллекции, так и его самого “высылаемого” из Сибири» [Новлянская, 1970, с. 138–141].

По приезде в Петербург 27 марта 1726 г. все привезенные материалы его многолетнего путешествия были опечатаны и арестованы. Для передачи их в Академию наук была создана специальная комиссия, в которую для ведения протокола был включен Г. Ф. Миллер. Дело о передаче собрания Д. Г. Мессершмидта в Академию наук так и называется: «Документы по делу арестованных, привезенных Даниилом Готлибом Мессершмидтом из Сибирского путешествия коллекций, 1727 г.» [СПбФ АРАН, ф. 98, оп. 1, д. 42].

Г. Ф. Миллер вспоминал, что «исследование» привезенных из Сибири вещей происходило 8–10, 14–16 февраля 1728 г. «в присутствии всех членов Академии. (Вещи находились) в множестве больших и маленьких ящиков и пакетов. Все они были в том виде, в каком они были опечатаны печатями тамошней губернской канцелярии. Из них шесть (ящиков), наполненных всякого рода произведениями природы, господин Мессершмидт предназначил для продажи и снабдил особыми ярлыками, по которым все они были точно определены. Однако остальные вещи, как он считал, должны были быть ему возвращены как ему принадлежащие, независимо от того, были ли среди них произведения природы. Ибо он вне сомнения имел право собирать также и для себя дублеты, равно как и покупать вещи, не являющиеся произведениями природы и вместе с тем такие, которые каждый может купить в Сибири, тем более что у него по поводу этих вещей не было никакой инструкции, можно ли (или нет) их приобретать за свои деньги.

По этому вопросу комиссия вынесла следующее постановление: “Произведения природы необходимо сравнить с теми, которые господин Мессершмидт сам передал (в Академию ранее), а до тех пор, пока это не будет сделано, их надо хранить при Академии. Если потом обнаружится что-нибудь лишнее, это должно быть возвращено ему... Что же касается древностей, а также монгольских, тангутских, китайских редкостей и книг и множества разнообразных предметов одежды тех или иных сибирских народов, то таковые необходимо сохранить, чтобы обогатить ими императорскую Кунсткамеру, а господину доктору Мессершмидту сделать подарок деньгами в соответствующей сумме, поскольку он не был обязан собирать эти (образцы), а между тем, несомненно, вошел ради них в расходы из

собственных средств». Хотя господин Мессершмидт возражал против этого постановления и сетовал на несправедливость комиссии, она осталась при уже принятом решении. Насколько, благодаря стараниям г-на Мессершмидта, собрание императорской Кунсткамеры обогатилось отечественными произведениями природы и редкостями, это превзошло всякие ожидания... 8 мая комиссия выдала господину Мессершмидту квитанцию о полученных вещах и одновременно дала ему письменное свидетельство, что он израсходовал свои собственные деньги и (проявил) великое прилежание и за все это заслуживает соответствующего вознаграждения. В качестве такового он получил, по-моему, 200 рублей — не то от Академии, не то от Медицинской Канцелярии, этого не припомню. Следует разыскать в расходных книгах академической канцелярии, выплачивали ли от нее ему что-нибудь» [МИАН, 1890, с. 150–151; Миллер, 2006, с. 574–575].

После длительной и оскорбительной тяжбы в Медицинской канцелярии по поводу компенсации Д. Г. Мессершмидту невыплаченного жалования и собственных средств, истраченных на приобретение привезенных коллекций (при этом Д. Г. Мессершмидт был обвинен в умышленном сокрытии некоторых наиболее ценных вещей), ему было определено «приличное» вознаграждение в размере 200 руб. [Новлянская, 1970, с. 154].

Однако по итогам работы комиссии Д. Г. Мессершмидт ничего не получил из своих коллекций. Больше того, «ему даже не дали премию в 500 рублей, обещанную Академией в заключительном протоколе от 8 мая 1728 года», где было сказано, что «ввиду его стараний и экстраординарных затрат, которые иногда были необходимы, следует дать ему приличную компенсацию» [Винтер, 1971, с. 10]. Все коллекции Д. Г. Мессершмидта, за очень небольшим исключением, были переданы в Академию наук, но ему запретили до специального указа пользоваться собственными материалами. Никакого заслуженного места во вновь созданной Академии наук или относящейся к ней Кунсткамере он так и не получил. Императорской Академии наук и включенному в ее состав универсальному музею нужны были коллекции и материалы Д. Г. Мессершмидта, но сам исследователь был не нужен. Вообще все старались делать вид, что никакого многолетнего путешествия Д. Г. Мессершмидта просто не существовало. Наконец, после двухлетнего и безуспешного мытарства в Петербурге Д. Г. Мессершмидт получил разрешение вернуться на родину.

При этом он должен был принести «присягу в том, что по возвращении на родину не будет без разрешения Академии наук публиковать оставшиеся у него «натуралии, рисунки растений и другие курioзные вещи» [Новлянская, 1970, с. 155], что было равносильно потере права на их публикацию. Однако «воспользоваться» этим запретом Д. Г. Мессершмидту не пришлось. По пути в Данциг, недалеко от Пиллау, 27 октября 1729 г. корабль, на котором он плыл с женой, потерпел крушение и затонул. Д. Г. Мессершмидт окончательно потерял свои рукописи, коллекции, имущество и сошел на берег родной Германии фактически ни с чем [МИАН, 1890, S. 152; Миллер, 2006, с. 576].

Ожидаемой встречи на родине также не произошло: за долгие годы его отсутствия (а это в общей сложности около десяти лет) здесь тоже все изменилось — люди, интересы, круг общения, какие-то дальнейшие планы... Его рассказы (если они и были) о далекой и никому неведомой Сибири, скорее всего, были никому не нужны. Уехав в Сибирь сравнительно молодым, Д. Г. Мессершмидт вернулся на родину усталым, больным, так много испытавшим человеком, все мысли и переживания которого по-прежнему должны были быть связаны с уже прошедшим беспримерным путешествием в Сибирь. А это, наверное, было здесь никому не нужно.

И Д. Г. Мессершмидт по рекомендациям В. Н. Татищева и Г. З. Байера [Vermeulen, 2015, p. 124] решил вернуться обратно в Россию, где прошли главные годы его жизни, хранились столь дорогие и нужные ему материалы и коллекции, а также формировался состав академического отряда Второй Камчатской экспедиции Витуса Беринга.

По мнению Э. Винтера, одной из причин возвращения Д. Г. Мессершмидта в Россию могло быть то, что после смерти Петра II появилась надежда на дальнейшие преобразования в духе Петра Великого. «Это придало смелости Д. Г. Мессершмидту, и он снова возвратился в Петербург, к своим коллекциям, изучение которых составляло смысл его жизни». Однако это никому не было нужно, к работе с коллекциями Д. Г. Мессершмидта не допустили; «ему было дозволено лишь давать справки в тех случаях, когда академики не могли разобраться в том или ином вопросе» [Винтер, 1971, с. 11].

Пришла другая эпоха, в науку пришли другие люди, в Сибирь отправлялись крупные академические экспедиции, шедшие по его следам, но со своими целями и интересами. Эпоха Петра I закончилась. Первооткрыватели-одиночки были уже не нужны. Как пишет Г. Ф. Миллер, «в Петербург он вернулся 20 сентября 1731 года и жил за счет тайной благотворительности тех, кто сострадал его бедственному положению. Среди них больше всего сделал архиепископ Феофан (Прокопович. — Д. С., И. Т.). Между тем ни Академия, ни Медицинская канцелярия о нем нисколько не беспокоились. Жил он в безвестности, умер в Петербурге 25 марта 1735 года, и почти никто об этом даже не узнал» [МИАН, 1890, S. 153; Миллер, 2006, с. 576]. В довершение всего, все «арестованные» коллекции Д. Г. Мессершмидта погибли во время страшного пожара Кунсткамеры 1747 г. К счастью, в академическом архиве остались некоторые их воспроизведения, позволяющие в общих чертах представить истинную величину научного наследия Д. Г. Мессершмидта.

В век великих Академических экспедиций имя Д. Г. Мессершмидта было практически забыто. «Полное молчание по поводу заслуг Мессершмидта в области исследования Сибири, — отмечает Г. Ярош, — было обусловлено тем, что богатые результаты его исследовательской деятельности вследствие целого ряда обстоятельств остались ненапечатанными в течение почти двух с половиной столетий» [Ярош, 1968, с. 68–69]. А в XIX в., в свете новых открытий все, что было связано с Д. Г. Мессершмидтом, становится вообще не актуальным.

Подводя итоги изложенному выше, можно сказать, что есть доля правды в словах академика В. И. Вернадского о том, что «Мессершмидт имел все данные сделаться великим натуралистом. Это был великий неудачник» [Вернадский, 2002, с. 280]. Но это не умаляет значения великого и безвозмездного служения российской науке, заложившего начало сибирской археологии. В этом ряду изучению древностей Южной Сибири принадлежит особое место. Мог ли Д. Г. Мессершмидт открыть здесь больше? Наверное, мог. Но он был первым — вообще первым! — открывшим этот новый мир, называемый сейчас «Сибирской Тройей». Феномен неисчерпаемости минусинской археологии в известной степени заключается в том, что и во второй половине XVIII в., и в течение всего XIX в. все исследователи этих мест фактически шли по пути, проложенному Д. Г. Мессершмидтом, часто открывая, по сути дела, одни и те же памятники. И только начиная с открытия Минусинского музея (1877 г.), аккумулировавшего все уже ранее накопленные материалы, раскопок Д. А. Клеменца и А. В. Адрианова, классификаций В. В. Радлова и С. А. Теплоухова, археология Южной Сибири приобретает современные научные очертания. И огромная заслуга в этом принадлежит ее основоположнику — немецкому ученому-энциклопедисту, положившему свою жизнь на «алтарь» российской науки в самом начале ее становления — Даниэлю Готлибу Мессершмидту.

ЛИТЕРАТУРА

- А. Ш.* Шведская школа в Тобольске в царствование Петра Великого // Журнал Министерства народного просвещения. — 1857. — Ч. 95. — С. 30–50.
- Агеева О. Г.* Императорский двор России, 1700–1796 годы. — М., 2008.
- Архив Академии наук СССР: Обзор архивных материалов* / Под общ. ред. Г. А. Князева. — Л., 1933. — (Труды Архива АН СССР. Вып. 1).
- Архипова Н. П.* В. Н. Татищев — первопроходец уральской географии // Уральская старина: Литературно-краеведческие записки. — Екатеринбург, 2003. — Вып. 5. — С. 38–71.
- Архипова Н. П.* В. Н. Татищев о «звере мамонте» // Наука Урала. — 2007, окт. — № 23 (957) (URL: http://www.uran.ru/gazetanu/2007/10/nu23/wvmnu_p7b_23_102007.htm)
- Андреев А. И.* Труды Г. Ф. Миллера о Сибири // Г. Ф. Миллер. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — С. 57–144.
- Андреев А. И.* Материалы по этнографии Сибири 18 века // Советский Север. — 1939. — № 3. — С. 75–85.
- Андреев А. И.* Экспедиции на Восток до Беринга // Труды Историко-архивного института. — 1946. — Т. 2. — С. 183–205.
- Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири. — М.; Л., 1960. — Вып. I: XVII век. — М.; Л., 1965. — Вып. II: XVIII век (первая половина).
- Бартольд В. В.* Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. Т. II. Ч. 1. — М., 1963. — С. 471–542.
- Басаргина Е. Ю.* Изобразительный материал в труде Д. Г. Мессершмидта «Sibiria per-lustrata» // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия. Материалы Международн. научн. конф. — М., 2013. — С. 286–291.
- Бахрушин С. В.* Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Г. Ф. Миллер. История Сибири. — М.; Л., 1937. — Т. 1. — С. 5–55.
- Башкатова З. В.* Д. Г. Мессершмидт в отечественной историографии // Изв. Сибирского отделения Академии наук СССР. — 1977. — № 9. — Сер. обществ. наук. — Вып. 2. — С. 133–140.
- Башкатова З. В.* Дневники Д. Г. Мессершмидта как источник для изучения сырьевой базы сибирской промышленности первой трети XVIII века // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века. — Новосибирск, 1987. — С. 105–119.
- Белковец Л. П.* Иоганн Георг Гмелин, 1709–1755. — М., 1990.
- Белокобыльский Ю. Г.* У истоков сибирской археологии // Археология Северной Азии / Отв. ред. А. К. Конопацкий, Ю. С. Худяков. — Новосибирск, 1982. — С. 5–14.
- Белокобыльский Ю. Г.* Бронзовый и ранний железный век Сибири. — Новосибирск, 1986.

- Беляева И. М. Редкие книги в фонде Библиотеки РАН из собрания Д. Г. Мессершмидта // Немцы в России: Российско-немецкий диалог. — СПб., 2001. — С. 22–26.
- Бондарь Л. Д. Лингвистические экспедиции XVIII – начала XX в. Экспедиции в Сибирь // Актуальное прошлое: взаимодействие и баланс интересов Академии наук и российского государства в XVIII – начале XX в. Очерки истории: в 2 кн. / Сост. и отв. ред. д.и.н. И. В. Тункина. — СПб., 2016. — Кн. 2. — С. 1267–1282 (Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки; Вып. 9).
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Древнетюркские изваяния в Минусинской котловине (по материалам экспедиций XVIII–XIX вв.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Т. III. Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭ СО РАН. — Новосибирск, 1997. — С. 413–421.
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине (по материалам экспедиций XVIII–XIX вв.) // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1999.
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. / Отв. ред. В. И. Молодин. — Новосибирск, 2005.
- Борисяк А. А. Палеозоология // Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Отв. ред. Ю. М. Батулин; ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. СПб.; М., 2016. С. 296–322.
- Быконя Г. Ф. История Приенисейского края: XVII век – первая половина XIX века. — Красноярск, 1997.
- Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. — Вып. VI. — Кемерово, 1973. — С. 91–159.
- Вадецкая Э. Б. Изваяния окуневской культуры // Э. Б. Вадецкая, Н. В. Леонтьев, Г. А. Максименков. Памятники окуневской культуры. — Л., 1980. — С. 35–147.
- Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах. — Новосибирск, 1981.
- Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. — Л., 1986.
- Василевич Г. М. — крупнейший советский тунгусовед (К 70-летию со дня рождения). — Якутск, 1965.
- Василевич Г. М. Значение дневников Мессершмидта для тунгусоведения // Известия Сибирского отделения АН СССР. — 1968. — № 1. — Сер. обществ. наук. — Вып. 1. — С. 68–72.
- Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л., 1983.
- Вернадский В. И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // В. И. Вернадский. Труды по истории науки / Отв. ред. Ф. Т. Яншина, С. Н. Жидовинов. — М., 2002. — С. 193–318.
- В. И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского). Сборник статей и документов / Отв. ред. Ю. М. Батулин; ред.-сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина. — М.; СПб., 2013.
- Винтер Э. Научное исследование Сибири в Петровское время. Семилетняя научная экспедиция Д. Г. Мессершмидта в Сибирь (1720–1727) // XIII Международн. конгресс по истории науки. СССР. Москва, 18–24 августа 1971 г. Коллоквиум: История освоения и развития Сибири. — М., 1971. — С. 1–13 (отд. оттиск).
- Винтер Э., Ушман Г., Ярош Г. Д. Г. Мессершмидт как исследователь Сибири (в связи с изданием его дневника путешествия по Сибири) // ВИЕТ. — 1969. — № 2 (27). С. 50–53.

- Витсен Н. Северная и Восточная Тартария / Перев. с голл. яз. В. Г. Трисман, ред. и научн. рук-во Н. П. Копанева, Б. Наарден. В 3-х т. Амстердам, 2010.
- Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. — М., 1996.
- Вопросы географии петровского времени: Сб. ст. / ГО СССР. — Л., 1975.
- Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описания архивных материалов. — М.; Л., 1940. — (Труды Архива АН СССР. Вып. 4).
- Головнёв А. В., Киссер Т. С. Этнопортрет империи в трудах П. С. Палласа и И. Г. Георги // Уральский исторический вестник. — 2015. — № 3 (48). — С. 59–69.
- Гравировальная палата Академии наук XVIII века: Сборник документов / Сост. М. А. Алексеева, Ю. А. Виноградов, Ю. А. Пятницкий; отв. ред. Б. В. Лёвшин. — Л., 1985.
- Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. — М., 1960.
- Грязнов М. П. Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами // СА. — 1950. — Т. XII. — С. 128–156.
- Грязнов М. П. Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // АС ГЭ. — Вып. 3: Эпоха бронзы и раннего железа Сибири и Средней Азии. 1961. — С. 7–31.
- Грязнов М. П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. — Новосибирск, 1979. — С. 3–6.
- Грязнов М. П., Шнейдер Е. Р. Древние изваяния Минусинских степей // МЭ. — Т. IV, Вып. 2. — Л., 1929. — С. 63–93.
- Гуляева Н. А. Немецкие ученые-путешественники: вклад в исследование Сибири: конец XVII — начало XIX в. (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, Г. В. Стеллер, И. Г. Гмелин-старший, И. Г. Георги, П. С. Паллас) // Немецкий этнос в Сибири / Отв. ред. Н. Н. Покровский. — Новосибирск, 2002. — Вып. 3. — С. 195–200.
- Длужневская Г. В. Крепость Омайтура в Саянском каньоне Енисея (по материалам раб-от 1980–1982 гг.) // КСИА. — Вып. 196. — М., 1989. — С. 93–98.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. — СПб., 2007.
- Дмитриева Е. Н., Левашова В. П. Материалы из раскопок сибирских бугровщиков // СА. — 1965. — № 2. — С. 223–236.
- Дриссен-ван хет Реве Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752) / Пер. с нидерл. И. М. Михайловой, Н. В. Возненко. Науч. ред. Н. П. Копанева. — СПб., 2015.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов/хакасов. — Абакан, 1948.
- Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. — № 24. — М., 1952. — С. 71–120.
- Завитухина М. П. Собрание М. П. Гагарина 1716 г. в Сибирской коллекции Петра I // АСГЭ. — 1977. — Вып. 18. — С. 41–51.
- Завитухина М. П. Н.-К. Витсен и его собрание сибирских древностей // АСГЭ. — 1999. — Вып. 34. — С. 102–114.
- Завитухина М. П. Петр I и Сибирская коллекция Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций / Гос. Эрмитаж. — СПб., 2000. — С. 14–26.

- Заика А. Л., Дроздов Н. И., Макулов В. И. Новосёловские писаницы (итоги археологических исследований 2004 г.). // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. [Сборник докладов международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения чл.-корр. Российской академии наук С. В. Киселева, г. Минусинск, 20–26 июня 2005 г.]. — Красноярск, 2005. — С. 159–161.
- Зиннер Э. П. Путешествие длиною в три столетия. — Иркутск, 1973.
- Зиннер Э. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. — Иркутск, 1968.
- Иванов П. А. Краткая история управления горной частью на Урале. — Екатеринбург, 1900.
- Идес И., Брант А. Записки о русском посольстве в Китай. — М., 2010.
- Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. В 2-х Вып. — М.; Л., 1956. Вып. 1: XVIII век.
- История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжением И. Г. Штриттера (1725–1743). — СПб., 1890 — (МИАН. Т. 6).
- История Академии наук СССР: В 3-х тт. — М.; Л., 1958. — Т. 1 (1724–1803).
- История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. — М.; Л., 1964.
- История естествознания в России / Под ред. Н. А. Фигуровского. — М., 1957. — Т. 1. — Ч. 1.
- История отечественного востоковедения до середины XIX в. — М., 1990.
- История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. / Гл. ред. А. П. Окладников. — Л., 1968. — Т. 1–2.
- История Хакасии с древнейших времен до 1917 года / Отв. ред. Л. Р. Кызласов. — М., 1993.
- Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1: XVIII век / Отв. ред. С. О. Шмидт; сост. В. Ю. Афиани, Т. В. Лохина, М. П. Мироненко. — М., 2001.
- Катанов Н. Ф. Швед Филипп Иоганн Страленберг и труд его о России и Сибири (начала XVIII в.). (Доклад в заседании общества 30 апреля 1902 г.) // Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии при Имп. Казанском университете. — 1903. — Т. XIX. — С. 170–174.
- Ким Е. А. Томск в 1721 г. глазами иностранцев // Человек — текст — эпоха: Сб. научн. статей и мат-лов. — Вып. 1. — Томск, 2004. — С. 74–88.
- Ким Е. А. Предисловие // Д. Г. Мессершмидт. Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722. — Абакан, 2012.
- Клейн Л. С. История российской археологии: Учения, школы и личности: В 2-х т. — СПб., 2014. — Т. 1.
- Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихэ-Ханын-норской надписи) — ТС. 1974. — М., 1978. — С. 152–155.
- Ковтун И. В. Письмагора. История открытия и исследования: 1630–1956 гг. — Кемерово, 2013.
- Колчинский Э. И. Историко-научное сообщество в Ленинграде — Санкт-Петербурге в 1950–2010 годы: Люди, традиции, свершения. К 60-летию Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. — СПб., 2013.
- Колчинский Э. И., Сытин А. К., Смагина Г. И. Естественная история в России (Очерки развития естествознания в России в XVIII веке). — СПб., 2004.

- Копанева Н. П. «Возвращение» археологической коллекции Мессершмидта // Наука из первых рук (Новосибирск). — 2006. — № 5 (11). — С. 72–79.
- Копанева Н. П. О приглашении Даниила Готлиба Мессершмидта в Россию // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов. — СПб., 2013. — С. 174–181.
- Копанева Н. П. Даниил Готлиб Мессершмидт: Начало пути // Наука из первых рук (Новосибирск). — 2014. — № 5 (59). — С. 62–73 (URL: <https://scfh.ru/papers/daniil-gotlib-messersshmidt-nachalo-puti/>).
- Копанева Н. П. К истории подготовки издания материалов Д. Г. Мессершмидта в Институте антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ в 2014 г. / Отв. ред. Ю. К. Чистов. — СПб., 2015. — С. 97–103.
- Копанева Н. П. Научное путешествие Д. Г. Мессершмидта как часть проектов Петра I по описанию Российского государства // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 2 (510). — С. 44–52.
- Копелевич Ю. Х. Возникновение научных академий: середина XVII – середина XVIII в. — Л., 1974.
- Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. — Л., 1977.
- Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпиграфии: Тексты и исследования. — М., 1997.
- Коробейников А. В. Д. Г. Мессершмидт о типах народного жилища в начале XVIII в. // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2008. № 1 (3): Вятское краеведение / Изд. и ред. номера А. Коробейников; гл. ред. С. Бехтерев. — Ижевск, 2008. — С. 80–93.
- Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. — М.; Кемерово, 2008.
- Король Г. Г., Конькова Л. В. Коллекции Отдела Востока в исследованиях средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий // АВ. — Вып. 16. — СПб., 2010. — С. 135–150.
- Королькова Е. Ф. Сибирская коллекция Петра I — первое российское археологическое собрание // Основателю Петербурга: Каталог выставки / Гос. Эрмитаж. — СПб., 2003. — С. 190–199.
- Курочкин Г. Н. Большая охота за сибирским «могильным золотом» // Санкт-Петербург и отечественная археология. — СПб., 1995. — С. 9–17.
- Кызласов И. Л. Древняя письменность саяно-алтайских тюрков: Рассказы археолога. — М., 1994.
- Кызласов И. Л. 280 лет исследования дневнетюркской рунической письменности // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. — Горно-Алтайск, 2002. — № 8. — С. 105–119.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. — М., 1960.
- Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. — М., 1962. — С. 43–52.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. — М., 1969.
- Кызласов Л. Р. Древнейшая Хакасия. — М., 1986.
- Лебедев Г. С. История отечественной археологии. 1700–1917. — СПб., 1992.
- Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950.
- Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. — Абакан, 2006.

- Летопись* Кунсткамеры. 1714–1836. — СПб., 2014.
- Летопись* Российской Академии наук: В 4-х т. — СПб., 2000. — Т. 1: 1724–1802.
- Липский А. Н.* Енисейские изваяния. — Абакан, 1970.
- Липский В. И.* Исторический очерк Санкт-Петербургского ботанического сада (1713–1913). СПб., 1913. (Императорский С.-Петербургский ботанический сад за 200 лет его существования: Юбилейное издание / Под ред. А. А. Фишера фон Вальдгейма; сост. В. И. Липский. В 3-х ч. Ч. I).
- Литвинов Д. И.* Библиография флоры Сибири. — СПб., 1909 — (Труды Ботанического музея Императорской Академии наук. Вып. 5).
- Ломоносов* и академические экспедиции XVIII в. / Авт.-сост. О. А. Александровская, В. А. Широкова, О. С. Романова, Н. А. Озерова. — М., 2011. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2014.
- Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины. — М., 1975.
- Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности. — М.; Л., 1951.
- Малов С. Е.* Енисейская письменность тюрков. — М.; Л., 1952.
- Мартынов А. И.* Историография археологии Сибири: Учебное пособие. — Кемерово, 1983.
- Мартынов А. И.* Памятники наскального искусства в трудах участников первых академических экспедиций в Сибири // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (Siberian Association of Prehistoric Art Researchers) / Кемеровский гос. ун-т. — Кемерово, 2001. — Вып. 4. — С. 8–21.
- Мартынова Г. С., Покровская А. Ф.* Исследователи Томской писаницы. — Кемерово, 2000.
- Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. — М., 1971.
- Материалы по истории* Императорской академии наук / Сост. и ред. М. И. Сухомлинов: В 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 1 (1716–1730). 1885; Т. 2 (1731–1735). 1886; Т. 3 (1736–1738). 1886; Т. 4 (1739–1741). 1887; Т. 5 (1742–1743). 1889; Т. 6 (1725–1743). 1890; Т. 7 (1744–1745). 1895; Т. 8 (1746–1747). 1895; Т. 9 (1748–1749 (январь–май)). 1897; Т. 10 (1749 (июнь–декабрь)–1750). 1900.
- Матющенко В. И.* История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). — Омск, 1992.
- Матющенко В. И.* Триста лет истории сибирской археологии: В 2-х ч. — Омск, 2001. — Ч. 1.
- Мессершмидт Д. Г.* — исследователь древней истории Сибири: Указатель литературы / [Сост.: И. А. Янгулова и др.]. Абакан, 2011 (URL: http://www.nbdrx.ru/chit/bib_ukz/bib_uk_2.pdf).
- Мессершмидт Д. Г.* Дневники. Томск — Абакан — Красноярск. 1721–1722 / [Перев. с нем. Е.А. Ким]; научн. ред. Э. Л. Львова. — Абакан, 2012.
- Миклашевич Е. А.* Изображения на курганных плитах и стелах Хакасии (некоторые проблемы изучения и музеефикации) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию со дня рожд. Д. Г. Савинова. — Кемерово, 2011. — С. 214–232.
- Миллер Г. Ф.* История Сибири. — М.; Л., 1937–1941. — Т. 1. — 1936; — Т. 2. — 1941.
- Миллер Г. Ф.* История Императорской академии наук в Санкт-Петербурге / Пер. Б. А. Старостина // Г. Ф. Миллер. Избранные труды / Сост., статья, примечания С. С. Илизарова, перев. с нем. и коммент. Б. А. Старостина. М., 2006. С. 481–647, 766–784 (Москва: Памятники научной мысли).
- Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Изд. подгот. А. Х. Элерт, В. Хинтцше; пер. с нем. А. Х. Элерт. — М., 2009.
- Мирзоев В. Г.* Историография Сибири: (XVIII в.). — Кемерово, 1963.

- Мирзоев В. Г. Историография Сибири: (Домарксистский период). — М., 1970.
- Мирский М. Б. Доктор Роберт Эрскин — первый российский архиатр // Отечественная история. — 1995. — № 2. — С. 135–145 (URL: <http://historystudies.org/2012/06/mirskij-m-b-doktor-robert-erskin-pervyj-rossijskij-arxiatr/>).
- Напольских В. В. Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт — исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт-Лад (Сыктывкар). — 1998. — № 4. — С. 146–156.
- Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. — Ижевск, 2001.
- Напольских В. В. Библиография (авторская редакция) (URL: <http://udmurt.info/pdf/library/napolskikh/napolsk-biblio.pdf>).
- «Нарисованный музей» Петербургской академии наук. 1725–1760 / Сост. и научн. ред. Р. Е. Кистемакер, Н. П. Копанева, Д. Й. Мейерс, Г. В. Вилинбахов: В 2-х т. — СПб., 2003–2004. — Т. 1. — 2003. — Т. 2. — 2004.
- Научное наследие П. С. Палласа. Письма. 1768–1771 гг. / Отв. ред. В. С. Соболев, сост. В. И. Осипов, пер. с нем. В. И. Осипова, Г. И. Федоровой. СПб., 1993.
- Невская Н. И. Источники по истории астрономии в России XVIII в. — Т. 1. — СПб., 2000.
- Новлянская М. Г. И. К. Кирилов и его «Атлас Всероссийской империи». — М.; Л., 1958.
- Новлянская М. Г. Иван Кириллович Кирилов, географ XVIII в. — М.; Л., 1964.
- Новлянская М. Г. Д. Г. Мессершмидт и его дневник путешествия по Сибири // Изв. ВГО. — Т. 94. Вып. 3. — М.; Л., 1962. — С. 231–239.
- Новлянская М. Г. Филипп Иоганн Страленберг и его работы по исследованию Сибири / Отв. ред. М. И. Белов. — М.; Л., 1966 (Научно-биографическая серия).
- Новлянская М. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири / Отв. ред. М. И. Белов. — Л., 1970 (Научно-биографическая серия).
- Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период первый, обнимающий XVII и XVIII века (Гмелин, Паллас, Георги). — Л., 1931.
- Ольденбург С. Ф. Памяти Василия Павловича Васильева и о его трудах по буддизму. 1818–1918: (речь, произнесенная в публичном заседании РАН (20 февраля) 5 марта 1918 г.) // Известия РАН. 6 сер. — 1918. — Т. 12, № 7 (Азиатский сборник). — С. 531–548.
- Ольденбург С. Ф. «Научная экспедиция» / Подгот. текста, предисл. и коммент. М. Д. Бухарина, И. В. Тункиной // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: Альманах. — Т. 6. — М., 2017. — С. 514–550 (в печати).
- Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом: Исследование. В 2-х т. — СПб., 1862. — Т. 1.
- Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге: В 2-х т. — СПб., 1870–1873. — Т. 1. — 1870; — Т. 2. — 1873.
- Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента. С примечаниями, изъяснениями и дополнениями. Т. 1: Описание земли Камчатки. — СПб., 1818.
- Попов Н. А. В. Н. Татищев и его время: Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. — М., 1861.
- Потапов И. Ф. Красноярск: история в фотографиях и документах. — Красноярск, 2007.
- Протоколы заседаний Конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 год. В 4-х т. — СПб., 1897–1911. — Т. 1: 1725–1743. — 1897; — Т. 2: 1744–1770. — 1899; — Т. 3: 1771–1785. — 1900; — Т. 4: 1786–1803. — 1911.

- Пумпян Г. З., Федосеева М. В. Байер и русское востоковедение // Готлиб Зигфрид Байер — академик Петербургской Академии наук. — СПб., 1996. — С. 22–28.
- Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д. Г. Мессершмидта — исследователя народов Сибири. 1721–1725 гг. / Предисл. и публ. З. Д. Титовой // Исторический архив. — 2003. — № 2. — С. 21–40.
- Радлов В. В. Сибирские древности. — Т. I, Вып. 1. Приложения. — СПб, 1888. — С. 1–20.
- Радлов В. В. Сибирские древности. — Т. I, Вып. 2. Приложения. — СПб, 1891. — С. 21–52.
- Радлов В. В. Сибирские древности. — Т. I, Вып. 3. Приложения. — СПб, 1894. — С. 53–146.
- Радлов В. В. Из Сибири. Страницы дневника. — М., 1989.
- Развитие естествознания в России (XVIII – начало XX века) / Под редакцией С. Р. Микulinского, А. П. Юшкевича. — М., 1977.
- Рихтер В. М. История медицины в России: В 3-х нч. — СПб., 1820. — Ч. 3 (Репринтн. переизд. В 3-х т.: СПб., 2014).
- Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Болгарии. — Казань, 2004.
- Руденко С. И. Сибирская коллекция Петра I. — М.; Л., 1962 (САИ. Вып. ДЗ-9).
- Савенков И. Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее // Тр. XIV АС в Чернигове. Т. I. — М., 1910.
- Савинов Д. Г. Погребение с серебряным кубком // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. XVI. — Кызыл, 1973. — С. 218–221.
- Савинов Д. Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // ИЛАИ. Вып. 8: Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. — Кемерово, 1976. — С. 57–72.
- Савинов Д. Г. Окуневские могилы на севере Хакасии // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. — Новосибирск, 1981. — С. 111–117.
- Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния из южной части Аскизской степи // Окуневский сборник. Культура, искусство, антропология. — СПб., 1997. — С. 213–221.
- Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений в окуневском искусства // Окуневский сбоник-2. Культура и ее окружение. — СПб., 2006. — С. 157–190.
- Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.) — СПб., 2009.
- Савинов Д. Г. Проблемы хронологии и периодизации тагарской культуры в историческом контексте // Terra Scythica. Материалы Международн. симпозиума. — Новосибирск, 2011. — С. 208–217.
- Савинов Д. Г. Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.) — СПб., 2012.
- Семенова В. И. Иконография и семантика сюжета на «бляхе с рыбаками» // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. (Томск, 19–21 мая 2010 г.). — Томск, 2010. — С. 260–263.
- Словарь Академии Российской. — СПб., 1789. — Ч. 1.
- Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран, и названиях вещей главных и новейших, относящихся до коммерции, также до домостроительства, познание художеств, рукоделий, фабрик, рудных дел, красок, пряных зелий, трав, дорогих камней и проч. / Пер. с фр. Василием Левшеным. — Ч. 1: А. Б. В. — М., 1787.

- Соболев В. С. Материалы журнала Д. Г. Мессершмидта об экспедиционной работе по изучению и собиранию памятников природы, истории и культуры (1718–1728 гг.) // Германия и Россия: Наука, общество, политика: Научно-информационный сборник. — Тюмень, 2012. — С. 21–23.
- Соболев В. С. Журнал Д. Г. Мессершмидта как источник по истории изучения Сибири (1718–1728) // ВИЕТ. — 2013. — № 3. — С. 174–180.
- Соколов В. Е., Парнес Я. А. У истоков отечественной териологии. — М., 1993.
- Спицын А. А. Сибирская коллекция Кунсткамеры. // ЗОРСА РАО. — 1906. — Т. 8, Вып. 1. — С. 227–248. — Отд. отт.: СПб., 1906.
- Станюкович Т. В. Кунсткамера Петербургской академии наук. — М.; Л., 1953.
- Стародубцева И. А., Алексеев А. С. История российской палеонтологии: В. Н. Татищев (1686–1750) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. — 2015. — Т. 90, Вып. 5. — С. 60–68.
- Страленберг Ф. И. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга по истории и географии Российской империи Петра Великого / сост. Е. А. Савельева, Ю. Н. Беспярых, В. Е. Возгрин. — М., 1985–1986. — Ч. 1–2.
- Сытин А. К. Особенности русской ботанической иллюстрации первой половины XVIII века [Online-Version];
URL: <http://herba.msu.ru/russian/journals/herba/icones/sytin2.html>
- Сытин А. К. Ботаник Петр Симон Паллас. — М., 2014.
- Сытин А. К. Конференция, посвященная Д. Г. Мессершмидту // Историко-биологические исследования. — 2015. — Т. 7, № 1. — С. 120–125.
- Таранович В. П. Экспедиции Академии Наук 18 века и их роль в деле развития лесных знаний: Материалы к вопросу об истории деятельности АН СССР в области изучения леса // Архив истории науки и техники. — 1933. — Вып. 1. — С. 177–204.
- Таранович В. П. Экспедиции Академии наук XVIII века и их роль в деле развития лесных знаний (Материалы к вопросу об истории деятельности Академии наук СССР в области изучения леса) // В. И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (К 150-летию со дня рождения В. И. Вернадского). Сборник статей и документов / Отв. ред. Ю. М. Батулин; ред.-сост. В. М. Орёл, Г. И. Смагина. М.; СПб., 2013. С. 486–496
- Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 / Отв. ред. А. И. Юхт. — М., 1990 (Научное наследство. Т. 14).
- Татищев В. Н. Избранные произведения / Под ред. С. Н. Валка. — Л., 1979.
- Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. — 1929. — Т. IV, Вып. 2. — С. 6–62.
- Терюков А. И. У истоков современного финно-угроведения. Филипп Иоганн Страленберг // Арт: республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический, художественный журнал (Сыктывкар). — 2008. — № 2. — С. 116–125 (URL: <http://www.artlad.ru/magazine/all/2008/2/225/226>)
- Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми. — СПб., 2011.
- Титова З. Д. Ранние страницы этнографического изучения Сибири (Дневник путешествия Д. Г. Мессершмидта) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. — М., 1978. — Вып. 8. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 107). — С. 5–14.
- Титова З. Д. Источники XVIII в. на западноевропейских языках по изучению коренных народов Сибири и Северо-Востока: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд. — Л., 1989.

- Титова З. Д. Источники XVIII века о тюркских группах Южной Сибири на западноевропейских языках // Материальная культура народов России. — Новосибирск, 1995. — С. 30–42.
- Толмачев И. П. Маршрут Мессершмидта по р. Томи и на Уйбатскую степь // Труды Геологической части Кабинета Его Имп. Величества. — 1909. — Т. 7. — С. 5–7.
- Тугужекова В. Н. Роль экспедиции Д. Г. Мессершмидта в изучении истории и культуры народов Южной Сибири // Древние и современные народы Южной Сибири: язык, история, культура (К 290-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта). Материалы Международн. научно-практич. конф. 21–24 сент. 2011 г., Абакан / [редкол.: В. Н. Тугужекова (отв. ред.), Н. А. Данькина]. — Абакан, 2011. — С. 4–21.
- Тункина И. В. Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост // Во главе первенствующего учебного сословия России: Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг. / Отв. ред. Э. И. Колчинский, научн. ред.-сост. В. С. Соболев. — СПб., 2000. — С. 13–28.
- Тункина И. В. «Открытие» прошлого // Всемирная история: В 6-ти т. — М., 2013а. — Т. 4: Мир в XVIII веке / Отв. ред. тома д.и.н. С. Я. Карп. — С. 233–255.
- Тункина И. В. Экспедиция Д. Г. Мессершмидта 1719–1727 гг. в Сибирь в российской историко-научной историографии XX – начала XXI веков // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции 23–25 апреля 2013 г., Санкт-Петербург / Отв. ред. И. В. Тункина. — СПб., 2013б. — С. 238–250. (Серия: Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 4).
- Тункина И. В. Хранители академической памяти (XVIII–первая треть XX вв.): Очерки истории Санкт-Петербургского академического архива. — СПб., 2016а. — (Ad Fontes. Материалы и исследования по истории науки. Вып. 8).
- Тункина И. В. Памятники археологии Сибири в документах личного фонда Д. Г. Мессершмидта // Археология в университетах: прошлое и настоящее. Мат-лы Международн. науч. конф., посвящ. 80-летию юбилею первой в России кафедры археологии. 19–21 октября 2016 г. / СПбГУ; Отв. ред. И. Л. Тихонов. — СПб., 2016б (в печати).
- Тункина И. В., Крапошина Н. В. Очерки истории финансирования Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1724–1746 гг. // Актуальное прошлое. Взаимодействие и баланс интересов Академии наук и Российского государства в XVIII — начале XX в.: очерки истории: в 2 кн. / сост. и отв. ред. д.и.н. И. В. Тункина. — СПб., 2016. — Кн. 1. — С. 469–503.
- Тункина И. В., Савинов Д. Г. Фонд Д. Г. Мессершмидта как источник по археологии Сибири // Ученые и идеи: страницы археологического знания. ТД Международн. научн. конф. Москва, 24–25 февраля 2015 г. / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. д.и.н., чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуков, д.и.н. И. В. Тункина. — М., 2015. — С. 60–62.
- Федоров И. Г. Даниил Готлиб Мессершмидт — первооткрыватель енисейских древностей // Енисейская провинция (Красноярск). — 2010. — № 5. — С. 81–88.
- Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. — М., 1969. — (МИА № 165).
- Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. — 1975. — № 4. — С. 5–13.
- Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. — М., 1986.

- Хамарханов А. З. Этнографические исследования Д. Г. Мессершмидта в Бурятии // Исследования по истории этнографии монгольских народов. — Улан-Удэ, 1986. — С. 36–56.
- Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. — Новосибирск, 2004.
- Черказьянова И. В. Школа пленных шведов в Тобольске: Опыт культурных контактов Германии и России // Немцы в России: Российско-германский диалог. — СПб., 2001. — С. 155–168.
- Чистович Я. А. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883.
- Шафрановская Т. К. О сокровищах Петровской Кунсткамеры (по рисункам XVIII века) // СЭ. — 1965. — № 2. — С. 147–156, ил.
- Шафрановская Т. К. Чудес палата: рассказы о вещах, хранящихся в Музее антропологии и этнографии им. Петра I АН СССР / Отв. ред. Т. В. Станюкович. — Л., 1967.
- Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири. Первая четверть XVIII в. — М., 2005.
- Шипилов И. А. Научное открытие Сибири в XVIII в.: этнографический аспект // Исторические исследования в Сибири: Проблемы и перспективы. III региональная молодежная научная конференция. Новосибирск, 19–21 августа 2009 г. / Отв. ред. Е. Р. Романов. — Новосибирск, 2009. — С. 63–69.
- Ширина Д. А. Летопись экспедиций Академии наук на Северо-Восток Азии в дореволюционный период / Отв. ред. Ф. Г. Сафронов. — Новосибирск, 1983.
- Ширина Д. А., Иванов В. Н. Петербургская Академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск, 1994.
- Штеллер Георг Вильгельм: Письма и документы. 1740 г. / Сост. В. Хинтце, Т. Николь, О. Новохатко. — М., 1998 — (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов).
- Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск, 1990.
- Элерт А. Х. Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. — Новосибирск, 1999.
- Эрлих В. А. Изучение Северной Азии и развитие науки в Сибири и на Дальнем Востоке в дореволюционный период: Очерк истории: Учеб. пособие. — Новосибирск, 2003.
- Эрлих В. А. Изучение Красноярского края российскими немцами и научная книга Сибири и Дальнего Востока. Дореволюционный период // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы Междунар. научн. конф. (Красноярск, 13–16 окт. 2004 г.) / [Отв. ред. В. А. Дятлова]. — Красноярск, 2005а. — С. 142–147.
- Эрлих В. А. Научная книга Сибири и Дальнего Востока в XVIII – начале XX в. — Новосибирск, 2005б.
- Юхт А. И. Поездка В. Н. Татищева в Швецию (1724–1726 гг.) // Исторические записки. — М., 1971. — С. 296–335.
- Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.
- Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х. Христиан Гольдбах. 1690–1764. — М., 1983.
- Ярош Г. Ф. И. Табберт-Страленберг — спутник исследователя Сибири Д. Г. Мессершмидта // Изв. СО РАН. № 1 (136). Серия обществ. наук. Вып. 1. — Новосибирск, 1968. — С. 68–72.
- Abulgasi Bagadur Chan's Geschlechtbuch der mungalisch-mogulischen oder mogorischen Chanen. — Göttingen, 1780.
- Ammani I. Stirpium rariorum im Imperio Rutheno sponte provententium icones et descriptiones. — Petropoli, 1739.

- Ammani I.* Descriptio Cameli Bactriani binis in dorso tuberibus, e scriptis D. G. Messerschmidii collecta // Commentarii academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. — 1747. — T. X. — P. 326–368.
- Appelgren-Kivalo H.* Alt-Altaische Kunstdenkmaeler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. — Helsingfors, 1931.
- Baer K. E.* Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. — SPb., 1872. — (Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Bd. 16).
- Bayer T. S.* Elementa litteraturae brachmanicae, tangutanae, mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae. Ad Annum 1728. — SPb., 1732. — T. 3. — P. 399–432. Tab. XV–XXIV (Tab. I–X).
- Bayer T. S.* Elementa brachmanicae, tangutana et mungalicae // Commentarii Academiae Scientiarum imperialis Petropolitanae. Ad Annum 1729. — SPb., 1735. — T. 4. — P. 289–301. Tab. XXX–XXXVII (Tab. XI–XVIII).
- Bondar L. D., Bischoff U.* Die Expedition D. G. Messerschmidts 1719–1727: linguistische Forschungen // Миллеровские чтения: К 285-летию Архива Российской академии наук: Сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. 23–25 апреля 2013 г. / Отв. ред. И. В. Тункина. — СПб., 2013. — С. 251–256.
- Bondar L. D., Bischoff U.* Die akademische Expedition 1720–1727: Die Rolle D. G. Messerschmidts und Ph. J. Strahlenberg in den linguistischen Forschungen // Aus Sibirien-2013: Научно-информационный сборник. — Тюмень, 2014. — S. 170.
- Brandt J. F.* Biographische Versuche: Daniel Gottlieb Messerschmidt // Recueil des Actes de la séance publique de l'Académie Imperiale des sciences de St.-Petersbourg, tenue le 29 décembre 1831. — SPb., 1832. — P. 101–104.
- Brentjes B.* Three Vessels of Metal and Three Mirrors in the Curiosa Sibiriae by D. G. Messerschmidt // Journal of Central Asia Studies. — 1987. — № 9. — P. 6–15.
- Brentjes B.* Daniel Gottlieb Messerschmidt — ein Absolvent der Halleschen Universität und ein Entdecker Sibiriens (1720–1727) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest). — 1988 (1985). — Vol. 31. — Nos 1–2. — S. 101–169.
- Brentjes B.* Daniel Gottlieb Messerschmidt — der Pionier der sibirischen Archeologie // Ural-Altaische Jahrbücher: Neue Folge (Wiesbaden). — 1988. — Bd. 8. — S. 137–151.
- Brentjes B.* D. G. Messerschmidt — einer der Pioniere der deutsch-russischer Zusammenarbeit // In Tausend Jahre Taufe Russlands–Russland in Europa. Beiträge zum Interdisziplinären und Ökumemenischen Symposium in Halle (Saale), 13–16. April 1988 / Ed. H. Goltz. — Leipzig, 1993. — S. 611–634.
- Brentjes B.* Fragmente aus dem Nachlass von Daniel Gottlieb Messerschmidt // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest). — 1998. — Vol. 51. — Nos 1–2. — S. 220–235.
- Brentjes B., Vasilievsky R. S.* Schamanen-Krone im Weltbaum der Nomaden Nordasiens. — Leipzig, 1989.
- Dahlmann D.* Sibirien vom 16. Jahrhundert bis zur Gegenwart. — Paderborn, 2009.
- Driessen-van het Reve J. J.* De Kunstkamera van Peter de Grote: De Hollandse inbreng, gereconstrueerd uit brieven van Albert Seba en Johann Daniel Schumacher uit de jaren 1711–1752. — Hilversum, 2006.
- Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition, 1730–1733, Akademiegruppe / Betarb. Von W. Hintzsche, in Zusammenarbeit mit N. Ochotina Lind, P. U. Møller. Halle, 2004 (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. IV, 2)*

- Dorn B. Das Asiatische Museum der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. — SPb., 1846.
- Egerton F. N. A History of the Ecological Sciences, Part 27: Naturalists Explore Russia and the North Pacific During the 1700s // Bulletin Ecological Society of America. — 2008, January — Vol. 89, Iss. 1. — P. 39–60.
- Georgi J. G. Geographische-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben. Th. 1. Königsberg, 1797.
- Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. — Göttingen, 1751. — Th. 1.
- Heesen A. T. Boxes in Nature // Studies in History and Philosophy of Science Part A. — 2000, Sept. — Vol. 31, Iss. 3. — P. 381–403.
- Hübner M. Christliche Aufklärung und Staatsinteresse im Spiegel der Forschungsreise von Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) nach Sibirien in den Jahren 1720–1727 // Europa in der frühen Neuzeit. Bd. 7: Unbekannte Quellen / Hrsg. E. Donnert. — Köln, 2008. — S. 697–711.
- Jahn I. Das Ornithologicon des Arztes Daniel Gottlieb Messerschmidt: Unveröffentlichte zoologische Ergebnisse seiner Forschungsreise (1720–1727) // Leopoldina. Mitteilungen der deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Reihe 3. Jahrgang 33 (Sitzungsbericht am 20.1.1987). — 1989 (1987). — S. 103–135.
- Jahn I. Messerschmidt, Daniel Gottlieb // Neue Deutsche Biographie. — 1994. — Vol. 17 — S. 217–218 [Online-Version]; URL: <https://www.deutsche-biographie.de/gnd10077816X.html#ndbcontent>
- Jahn I. Der Absolvent der Halleschen Universität Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685–1735) als Forschungsreisender in Sibirien // Forschungen zur Physikotheologie im Aufbruch I: Naturwissenschaft, Theologie und Musik in der Aufklärung. Referate des Symposium in Halle 1994 / Hrsg. M. Büttner, F. Richter. — Münster, 1995. — S. 211–224 — (Physikotheologie. Bd. 1).
- Jahn I. Zoologische Ergebnisse von Daniel Gottlieb Messerschmidts Sibirienreise 1720–1727 // Europa in der Frühen Neuzeit. Festschrift für Günter Mühlhpfordt. Bd. 6: Mittel-, Nord- und Osteuropa / Hrsg. E. Donnert. — Köln, 2002. — S. 887–892.
- Jarosch G. Tabbert-Strahlenberg als Reisegefährte Messerschmidts // In Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag. — Berlin, 1966. — S. 215–220 (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas. Vol. 15).
- Klaproth J. Asia polyglotta. — Paris, 1823.
- Kolchinsky E. I. 2004. The role of eighteenth century Russian expeditions in the development of natural history // California Academy of Sciences Proceedings. — 2004. — Vol. 55. — Suppl. 2. — P. 106–116.
- Kopaneva N. P. Messerschmidt's archaeological collection "comes back" // Science First Hand. — 2006. — № 6 (11). — C. 54–61.
- Kopaneva N. P. Die Rekonstruktion der Sammlungen der Kunstkamera in Sankt Petersburg am Beispiel der archäologischen Sammlungen von Daniel Gottlieb Messerschmidt // Die Erforschung Sibiriens im 18. Jahrhundert: Beiträge der Deutsch-Russischen Begegnungen in den Franckeschen Stiftungen / Franckesche Stiftungen zu Halle; Max-Planck-Institut für ethnologische Forschung. Herausgegeben von Wieland Hintzsche und Joachim Otto Habeck. Halle, 2012. S. 87–98.
- Lange L. Reise nach China. — Weinheim, 1986.
- Leont'ev N. und Kapel'ko V. Steinstelen der Okunev-Kultur // Archäologie in Eurasien; Bd. 13. — Mainz am Rhein, 2002.

- Messerschmidt D. G. De ratione praeside universae medicinae. — Halle, 1713.
- Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. Teile I–V. Berlin, 1962–1977. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. 1962 (URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/423/); Teil 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723–Mai 1724 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1964 (http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/379/); Teil 3: Tagebuchaufzeichnungen Mai 1724–Februar 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1966 (URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/380/); Teil 4: Tagebuchaufzeichnungen Februar 1725–November 1725 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1968 (URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/381/); Teil 5: Tagebuchaufzeichnungen ab November 1725. Gesamtregister / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. 1977 (URL: http://ranar.spb.ru/rus/doc_publ/id/382/) (Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas: hrsg. von der historischen Abteilung des Institute für Slawistik und der Arbeitsgruppe für Geschichte der slawischen Völker am Institut für Geschichte. Bd. 8, T. 1–5).
- Müller G. F. Ethnographische Schriften I / Bearb. Von W. Hintzsche und A. Ch. Elert. Halle, 2010 (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. VIII)
- Pallas P. S. Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien // Neue nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd- und Völkerbeschreibung, Naturgeschichte und Ökonomie. — SPb.; Leipzig, 1782. — Bd. 3. — S. 97–158.
- Posselt D. Der Arzt Gottlieb Schöber (1672–1739): Forschungsreisender in Russland // Schriftreihe Geschichte der Naturwissenschaft, Technik, Medizin. — 1977. — Bd. 14, Hf. 1. — S. 74–91.
- Ramer A. M., Sidwell P. The Truth about Strahlenberg's Classification of the Languages of Northeastern Eurasia // Journal de Société Finno-Ougrienne (Helsinki). — 1997. — Vol. 87. — P. 129–160.
- Savinov D. G. Stèles de Khakassie // Répertoire des petroglyphs d'Asie Centrale. — T. V, Fasc. 4. — Paris, 1999. — P. 56–72.
- Steller G. W. Briefe und Dokumente. 1739 / Bearb. von W. Hintzsche unter Mitarbeit T. Nickol, O. V. Novochatko, D. Schulze. Halle, 2001 (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. III)
- Steller G. W. Briefe und Dokumente. 1740 / Hrsg. von W. Hintzsche, T. Nikol, O.V. Novochatko. Halle, 2000 (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. I)
- Steller G. W., Fischer J. E. Reisetagebücher 1738 bis 1745 / Bearb. Von W. Hintzsche unter Mitarbeit von H. Heklau. Halle, 2009 (Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven. Bd. VII)
- Strahlenberg Ph. J. von. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae, in so weit solches das gantze Russische Reich mit Sibirien und der grossen Tatarey in sich begriffet. In einer historisch-geografischen Beschreibung der alten und neueren Zeiten, und vielen anderen unbekannten Nachrichten vorgestellt, nebst einer, noch niemals ans Licht gegebenen Tabula polyglotta von zwei und dreissigerley Arten Tatarischer Völker, Sprachen und einem Kalmückischen Vocabulario. — Stockholm, 1730.
- Strahlenberg Ph. J. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asiae. With an Introduction by J. R. Krueger. — Szeged, 1975. — (Studia Uralo-Altaica. Vol. 8).
- Tunkina I. V. Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // Deutsch-Russische Begegnungen 2014 in den Franckeschen Stiftungen: Europa entdeckt Sibirien

- en: Die Erforschung Sibiriens seit dem frühen 18. Jahrhundert und die Bedeutung für die europäische Wissenswelt. Daniel Gottlieb Messerschmidt (1685-1735) (20 Jahre «Deutsch-Russische Begegnungen» in Halle) URL: <http://www.stellergesellschaft.de/wp/wp-content/uploads/pdf/141106-DRB-Abstracts.pdf>
- Tunkina I. V.* Die Archäologie Sibiriens in den Dokumenten Messerschmidts // «Aus Sibirien–2015»: Научно-информационный сборник. — Тюмень, 2015. — С. 230–231.
- Uschmann G.* Die Bedeutung der Messerschmidt-Edition für die Geschichte der Naturwissenschaften // Nova Acta Leopoldina: Abhandlungen der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Neue Folge (Halle). — 1963. — Bd. 27 (Nr 167). — S. 317–325.
- Uschmann G.* Die Begründung der modernen Wirbeltierpaläontologie // Leopoldina. Mitteilungen der Deutschen Akademie der Naturforscher Leopoldina. Ser. 3 (Halle). — 1982. — Bd. 28. — S. 171–175.
- Vermeulen H. F.* Before Boas: The Genesis of Ethnography and Eethnology in the German Enlightenment. — Lincoln; London, 2015.
- Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. — Berlin, 1953 — (Veröffentlichungen der Instituts für Slawistik. Nr. 2).
- Winter E.* Die russische und die deutsche Frühaufklärung und die Erforschung Sibiriens, insbesondere durch Messerschmidt // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. — Berlin, 1962. — Bd. 6. — S. 189–202.
- Winter E. A. H.* Franke und Russland // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 1963. — Hf. 5. — S. 958–964.
- Winter E.* Der Hallenser Pietist August Hermann Franke und Russland // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. — Berlin, 1970. — Bd. 4. — S. 233–243.
- Winter E., Figurovskij N. A.* Einleitung // D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien. 1720–1727. Teil 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721–1722 / Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. — Berlin, 1962. — S. 1–20.
- Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, etc. — Amsterdam, 1692.
- Witsen N.* Noord en Oost Tartarye, etc. Tweede drukt. — Amsterdam, 1705.
- Witsen N.* Nieuwe Lantkaarte van het Noorder en Oofter deel van Asia en Europa. Strekkende van Nova Zemla tot China. Aldus Getekent, Beschreven, in Kaart gebragt en uytgegeen. Sedert cen Nauwkreurig ondersoek van meer asl twintig Iaaren door Nicolaes Witsen. Anno, 1687.
- Wittram R.* Peters des Grossen Interesse an Asien // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. I. Philologisch-historische Klasse. — 1957. — Nr. 1.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	— Академия наук
АС ГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб
ВГО	— Всесоюзное географическое общество
ВИЕТ	— Вопросы истории естествознания и техники. М.
ГДР	— Германская Демократическая Республика
ГО	— Географическое общество СССР
ЗОРСА РАО	— Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.
ИИЕТ	— Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова АН СССР/РАН
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН
ИЛАИ	— Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово
ЛОИА	— Ленинградской отделение Института археологии АН СССР
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МГУ	— Московский государственный университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М; Л.
МИАН	— Материалы для истории Императорской академии наук / Сост. и ред. М. И. Сухомлинов. В 10 т. СПб. 1885
МЭ	— Материалы по этнографии. Л.
НА	— Научный архив
ОС	— Общее собрание РАН
ПСЗРИ	— Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.
РАН	— Российская Академия наук
РАО	— Императорское Русское археологическое общество
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РИСО	— Редакционно-издательский совет
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников. М.
СЭ	— Советская этнография. М.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет
СПбФ АРАН	— Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук
ТС	— Тюркологический сборник. М.
УЗ	— Ученые записки Тувинского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории. Кызыл
ТНИИЯЛИ	— Физико-математическое отделение РАН
ФМО	— Физико-математическое отделение РАН
ХРООН	— Хакасская региональная общественная организация российских немцев

ПОДПИСИ И АННОТАЦИИ К ТАБЛИЦАМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Табл. I. Каменное изваяние Куртуяк-таш. Рисунок из Дневника Д. Г. Мессершмидта. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее — СПбФ АРАН). Ф. 98. Оп. 1. Д. 1.

Табл. II–XII. Вещественные материалы коллекции Д. Г. Мессершмидта; по «*Siberia perlustrata*». СПбФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.

Табл. II. Тагарская культура. Подгорновский этап, VIII–VI вв. до н. э. 1, 2 — наверхия бронзовых изделий с фигурками горных козлов; 3 — бляшка; 4, 5 — ножи; 6, 7 — кинжалы; 8, 10 — чеканы; 9–11 — зеркала. Бронза. №№ 1, 2 — л. 363; 3 — л. 393; 4, 5, 7 — л. 387; 6 — л. 386; 8, 10 — л. 385; 9, 11 — л. 366.

Табл. III. Тагарская культура. Сарагашенский этап (первая половина), V–IV вв. до н. э. 1, 3, 5 — чеканы с фигурами горных козлов; 2, 4, 12 — изображения в «зверином стиле»; 6 — нож; 7 — кинжал; 8, 10, 11 — «оленные бляшки»; 9 — котелок; 13 — зеркало. Бронза. №№ 1, 3, 6, 7 — л. 386; 2, 4, 11, 12 — л. 363; 5 — л. 385; 8, 10 — л. 371; 9 — л. 378; 13 — л. 366.

Табл. IV. Тагарская культура. Сарагашенский этап (вторая половина), IV–III вв. до н. э. 1–6 — изображения в «зверином стиле»; 7, 8 — кинжалы; 9 — зеркало; 10–11 — ножи; 12, 13, 15 — чеканы; 14 — котелок; 16–18 — фигурные украшения. 1–3, 16–18 — золото; остальное — бронза. №№ 1–3 — л. 392; 4–6 — л. 363; 7, 10 — л. 386; 8, 11 — л. 387; 9 — л. 366; 12, 13, 15 — л. 385; 14 — л. 378; 16–18 — л. 393.

Табл. V. Тагарская культура. Тесинский этап и хуннский компонент (культура грунтовых могильников), II в. до н. э. — I в. н. э. 1 — пряжка с изображением свернувшегося «дракона»; 2 — бляха с антропоморфным изображением; 3 — фигурка стоящего верблюда; 4 — украшение в виде фигуры лежащего козла; 5–7 — модели чеканов; 8 — ложечковидная застежка; 9, 10 — котелки; 11 — бляха-розетка; 12 — сосуд. 1, 2, 3, 5–10 — бронза; 4, 11 — золото (?); 12 — керамика. № 1 — л. 363; 2 — л. 371; 3 — л. 374; 4 — л. 392; 5 — л. 385; 6, 7 — л. 386; 8 — л. 390; 9–10 — л. 378; 11 — л. 389; 12 — л. 383.

Табл. VI. Таштыкская культура. Материалы из таштыкских склепов, III–V вв. 1 — 5, 11, 13 — детали поясных наборов и пряжки; 6 — сосуд; 7, 9, 10, 14, 15 — амулеты и подвески; 8, 12 — котелки. 6 — керамика; остальное — бронза. №№ 1–5, 11–13 — л. 391; 6 — л. 383; 7, 9, 10, 14, 15 — л. 364; 8 — л. 389.

Табл. VII. Культура енисейских кыргызов, VIII–X вв. 1 — сосудик; 2–9 — поясные сбруйные украшения, пряжки; 10 — подвеска «решма» с антропоморфным изображением; 11–12 — наконечники стрел; 13, 14 — сосуды; 15 — стремя. 1 — серебро; 2–10 — бронза (сплавы); 11, 12, 15 — железо; 13, 14 — керамика. № 1 — л. 378; 2–6, 8, 9 — л. 389; 7 — л. 390; 10 — л. 391; 11, 12 — л. 386; 13, 14 — л. 383; 15 — л. 388.

Табл. VIII. «Кубок Мессершмидта», предположительно X–XI вв.; серебро, золото (?). Первое оригинальное изображение (Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 380).

Табл. IX. Материалы инокультурных могильников VIII–X вв. А — сросткинская культура; Б — древнетюркские погребения с конем. 1, 2, 17, 23 — пряжки; 3–6 — орнитоморфные украшения; 5, 15, 16 — сердцевидная подвеска «решма»; 7–13, 20, 21, 24, 25 — ременные украшения и накладки; 14, 19 — «тройники» для перекрестия ремней; 18, 22 — стремяна. №№ 1, 2, 9–13, 17, 20, 21, 23, 24 — л. 390; 3, 4, 6 — л. 365; 7, 8, 14–16, 19, 25 — л. 389; 18, 22 — л. 388.

Табл. X. Находки монгольского времени, XIII–XIV вв. 1 — бляха-«фалар» с орнитоморфным изображением; 2 — зеркало; 3 — стремя; 4 — кубок. 1, 2 — серебро (сплав); 3 — железо; 4 — серебро. № 1 — л. 365; 2 — л. 371; 3 — л. 388; 4 — л. 378.

Табл. XI. Находки вещей западного (согдийского) происхождения. Эпоха раннего средневековья. 1, 2, 4, 5, 7, 10 — зооморфные украшения, «амулеты»; 3, 6 — монеты; 8, 9 — кубки; 11 — бляха-«фалар». 1, 4, 5 — бронза; 2, 7, 10 — золото (?); 3, 6 — серебро; 8, 9 — серебро; 11 — серебро с зернью. №№ 1, 3, 6 — л. 369; 2, 4, 7 — л. 363; 5 — л. 389; 8 — л. 379; 9–11 — л. 374.

Табл. XII. Находки вещей восточного (китайского) происхождения. В основном период династии Тан, VII–IX вв. 1, 5, 6, 7 — зеркала; 2 — монеты; 3, 4 — орнитоморфные украшения. 1, 5–7 — серебро, бронза (сплав); 2 — бронза; 3–4 — золото (?). № 1 — л. 367; 2–7 — л. 369; 3, 6 — л. 374; 4 — л. 365; 5 — л. 371.

Табл. XIII–XVI — другие виды археологических памятников, открытых во время южносибирского путешествия Д. Г. Мессершмидта.

Табл. XIII. Каменные изваяния. 1 — на р. Бюрь («Тазминское»). Окуневская культура. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 350; 2 — Усть-Есинская Кыс-Таш. Рисунок из дневника Мессершмидта. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; 3 — древнетюркское изваяние Казан-Кыс-Таш. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 349.

Табл. XIV. 1–3 — рисунки на каменных плитах. Ф. 98. Оп. 1. Д. 1. Лл. 5–6; 4 — изображения Писаного Камня. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22. Л. 352; 5 — Новоселовская писаница. Приложение к X Рапорту Мессершмидта. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.

Табл. XV. 1, 2 — Томская писаница. Приложение к X Рапорту Мессершмидта. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 8, 9.

Табл. XVI. Уйбатский памятник с руническими надписями. 1 — одна из сторон. Приложение к X Рапорту Мессершмидта. Ф. 98. Оп. 1. Д. 37. Л. 4 (без окуневской личины); 2 — полное изображение, материалы эксп. И. Р. Аспелина (по: Appelgren-Kivalo, 1931).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А. Ш. 33, 138
Абу-л-Гази 34, 40, 50, 56
Агеева О. Г. 21, 23, 26, 139
Адамс М. Ф. 41
Адрианов А. В. 98, 104, 114, 137
Адрианова-Перетц В. П. 141
Александр Македонский 41
Александровская О. А. 143
Алексеев А. С. 41, 42, 70, 146
Алексеева М. А. 140
Алькор Я. П. 60
Амман И. 56
Андреев А. И. 29, 41, 55, 60, 61, 69, 70, 117, 138
Андрей, денщик 88, 90, 130
Андреянов Г. 35
Анна Иоанновна 24
Анна Леопольдовна 21
Аппельгрэн-Кивало Х. 108
Арескин (Эрскин) Р. К. 11, 13, 14, 20–21, 25–26, 29, 61, 144
Арсеньев С. 49
Архипова Н. П. 41, 138
Аспелин И. Р. 104, 108, 110, 113–114
Афиани В. Ю. 141
Байер Г. З. 22, 50, 55, 56, 67, 71, 106–108, 136, 145
Балахчин В. П. 64
Бартольд В. В. 125, 138
Басаргина Е. Ю. 10, 54, 55, 66, 75, 138
Батурин Ю. М. 139
Бахрушин С. В. 61, 67, 138
Башкатова З. В. 69, 138
Бёклер (Мессершмидт, Стеллер) Б. Х. 47, 49–50, 128
Белковец Л. П. 14, 138
Белов М. И. 144
Белокобыльский Ю. Г. 15, 72, 89, 107, 110, 117, 133, 138
Беляева И. М. 48, 139
Берг, лейтенант 55
Берг Л. С. 60
Беринг В. 9, 28, 50, 58, 66, 127–128, 138
Беркхан И. Х. 50

- Беспярых Ю. Н. 146
Биньон Ж. П. 39
Блеклер, см. Бёклер Б. Х.
Блюер (Блиер, Близер, Блезер, Блейер) И. Ф. 35–37, 39–40
Блюментрост И. Л. (И. Д.) 18, 19, 23, 26, 28, 31, 34, 37, 39, 42, 61, 65
Блюментрост Л. Л. 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 39, 61, 65, 147
Бобров В. В. 80
Болдырев А. Н. 60
Бондарь Л. Д. 39, 70, 139
Борисенко А. Ю. 14, 15, 41, 71, 72, 77, 89, 93, 94, 104, 105, 112–115, 118, 119, 123, 126, 139
Борисяк А. А. 70, 139
Борлют 85
Брант А. 14, 141
Брандт Ф. Ф. 15, 52
Брейн Дж. 42
Брейн И. Ф. 20, 21, 22, 24, 36, 42, 61, 65
Брем И. Ф. 47
Брентьес Б. 73, 77
Бригитта Элен, см. Бёклер (Мессершмидт, Стеллер) Б. Х.
Брюс Я. В. 36
Буксбаум И. Х. 22, 26
Бурцов Т. 40
Бутцковский В. 127
Бухарин М. Д. 144
Буш Ю. И. 24
Быконя Г. Ф. 69, 139
Бэр К. М. 52
Вавилов С. И. 60, 141
Вадецкая Э. Б. 15, 72, 89, 105, 109, 110, 121, 139
Валк С. Н. 146
Василевич Г. М. 70, 139
Василенко М. 14
Васильев Д. Д. 72, 104, 106, 139
Василевский А. П. 87
Васильевский Р. С. 77
Вентер Н. 49–50
Вермёлен Х. 40
Вернадский В. И. 25, 29, 47, 48, 60, 68–69, 137
Вершинин А. 30, 31
Вилинбахов Г. В. 144
Виноградов Ю. А. 140
Винтер Э. 8, 9, 18, 19, 37, 50, 55, 56, 62, 63, 65, 67, 68, 80, 127–129, 139
Витсен Н. К. 14, 41, 118, 140
Вишневецкий 84
Вишневский В. К. 57
Возгрин В. Е. 146
Возненко Н. В. 140
Войтов В. Е. 114, 140

Волохович М. 42
Вольф К. Ф. 67
Вольф Х. 17, 18, 19
Вреех К. Ф. 33–34, 45, 119
Гагарин М. П., кн. 11, 14, 29, 33, 85, 121
Гайдуков П. Г. 147
Гейнцельман Г. В. 56
Гельвиг К. Я. 61
Геннин Г. В. де 123
Георги И. И. (И. Г.) 57, 58, 67, 129
Герман Я. 22
Гертнер И. 67
Глотов А. С. 33
Гмелин И. Г. 14, 23, 53, 56, 67, 68, 109, 112, 113, 128–129, 138, 140, 144
Гнучева В. Ф. 25, 34, 52, 69, 140
Головнёв А. В. 67, 70, 140
Головнин Ф. 121
Гольдбах Х. 22, 71, 148
Гофман Ф. 17–18
Грабе, поручик 84
Граф В. 9
Грач А. Д. 102
Греков В. И. 31, 32, 69, 140
Григорий, казак 87
Громов В. И. 98
Грязнов М. П. 76, 89, 105, 109, 110, 112–114, 132, 133, 140
Гуляева Н. А. 70, 140
Гумбольдт А. 62
Даниил, см. Капелл Д.
Делиль Г. 40
Делиль Ж. Н. 22, 40, 49
Демидов Н. 14, 121
Длужневская Г. В. 125, 140
Дмитриева Е. Н. 123, 140
Долгоруков М. В., кн. 41, 74
Дриссен-ван хет Реве Й. 25, 26, 56, 72, 140
Дроздов Н. И. 98, 141
Дункан 39
Дятлова В. А. 148
Евтюхова Л. А. 76, 94, 104, 113–115, 140
Екатерина I 26
Еремеев А. 126
Есин Ю. Н. 105, 109–111, 113, 142
Жатнев Д. К. 115
Жеравлев (Журавлев) Ф. 45
Жидовинов С. Н. 139
Завитухина М. П. 11, 14, 72, 140
Загорский П. А. 57

Заика А. Л. 98, 141
Залеман К. Г. 58
Зиннер Э. П. 8, 69, 141
Золотарёв Я. 45
Зубов Д. Б. 86, 87
Зюдов К. 66
Иванов В. Н. 69, 148
Иванов П. А. 36, 141
Идес И. Э. 14, 41, 141
Измайлов Л. В. 30, 32, 85, 123
Илизаров С. С. 143
Илья, бугровщик 86
Карп С. Я. 147
Карпинский А. П. 59
Капелл, Капель (Capell, Kapell) И. Д. 34, 43, 45, 75, 79, 87, 90
Капелько В. Ф. 105, 109–111, 113, 142
Карел 88
Карнеги 60
Карпов С. П. 29, 31, 32
Кастрен М. А. 109
Катанов Н. Ф. 34, 70, 118, 141
Кер Я. 50
Кестнер И. 66
Ким Е. А. 64, 69, 75, 83, 119, 123, 141, 143
Кирилов И. К. 69
Киселев С. В. 132, 141
Киссер Т. С. 67, 70, 140
Кистемакер Р. Е. 144
Клапрот Г. Ю. 68
Клейн Л. С. 8, 72, 141
Клеменц Д. А. 106, 109, 110,
Кленов А. П. 98
Кляшторный С. Г. 109, 141
Кнюппель М. 66
Князев Г. А. 138
Ковтун И. В. 98–99, 141
Козлов В. Е. 45–46
Колмогоров А. 46
Колчинский Э. И. 25, 69, 141, 147
Конопацкий А. К. 138
Конькова Л. В. 131, 142
Копанева Н. П. 10, 13, 21, 22, 25, 61, 72, 76, 78, 82, 86, 129, 140, 142, 144
Копелевич Ю. Х. 11, 18, 39–40, 142, 148
Кормушин И. В. 72, 104, 108, 109, 142
Коробейников А. В. 142
Король Г. Г. 76, 131, 142
Королькова Е. Ф. 14, 142
Корф И. А. 49

Корчевников 49
Костромин Е. 40
Котельников С. К. 72
Кошкин, см. Алькор Я. П.
Крапошина Н. В. 18, 22, 23, 147
Красникова О. А. 55
Кратц П. М. 45–46, 53, 79, 84, 85. 87–88, 90–91, 94, 104, 115, 119, 130
Крашенинников С. П. 50, 58, 130
Кругликов А. С. 45–46
Крузиус Х. 47
Крутикова М. В. 62
Кузнецов В. 39
Кузнецов И. П. 109
Курочкин Г. Н. 121, 142
Курятников А., казак 32
Кызласов И. Л. 71, 72, 142
Кызласов Л. Р. 69, 89, 95, 105, 108, 110, 111, 115, 116, 124, 142
Кювье Ж. 42
Лаврентьев Д. И. 45–46
Лаврентьев П. И. 45
Лаврова-Болдырева Е. В. 60
Ладо Х. 25
Лакроз М. В. де 56
Ланг (Ланге) Л. 27, 30, 55
Лаппа-Старженецкая Е. А. 60
Лебедев Г. С. 72, 142
Лебедев Д. М. 12, 69, 142
Левашова В. П. 123, 140
Лёвшин Б. В. 140
Ледебур К. Ф. 129
Лейбниц Г. В. 11, 18, 19, 70
Леонтьев Н. В. 105, 109–111, 113, 139, 142
Лепехин И. И. 67
Лефельдт В. 24, 65
Линней К. 67
Липский А. Н. 111, 143
Липский В. И. 59, 70
Литвинов Д. И. 51, 59, 70, 143
Лихарёв И. М. 33
Ломоносов М. В. 18, 22, 69, 143
Лот (библ.) 94
Лохина Т. В. 141
Лубо-Лесниченко Е. И. 77, 143
Львова Э. Л. 143
Люрсениус И. В. 115
Майер И. 66
Максименков Г. А. 139
Макулов В. И. 98, 141

- Малов С. Е. 106, 109, 125, 143
 Мар Дантен де 40
 Мартини Н. 23–24
 Мартьянов Н. М. 71
 Мартынов А. И. 72, 143
 Мартынова Г. С. 83, 116, 129, 143
 Маршак Б. И. 143
 Матерн И. А. 32
 Матис Д. 50
 Матфей, еванг. 66
 Матющенко В. И. 72, 143
 Мейерс Д. Й. 144
 Меншиков А. Д. 20
 Мериан М. С. 26
 Мёртон Р. 66
 Мессер И. Х. 49
 Мессершмидт Д. Г. *passim*
 Мещанинов И. И. 60
 Миддендорф А. Ф. 68
 Миклашевич Е. А. 96, 105, 143
 Микулинский С. Р. 145
 Миллер Г. Ф. 9, 17, 22, 47–50, 61, 66, 67, 71, 82, 104, 106–110, 112, 114–115, 122–124, 126–129, 135–137, 138, 140, 141, 143, 148
 Мирзоев В. Г. 8, 69, 143–144
 Мироненко М. П. 141
 Мирский М. Б. 21, 26, 144
 Мисярёв 30
 Михайлова И. М. 140
 Михаэлис И. Г. 17, 19
 Михаэлис Х. Б. 19
 Молодин В. И. 139
 Мордвинов Д. 49
 Мусин-Пушкин И. С. 36, 39
 Мюллер Г.Ф., см. Миллер Г. Ф.
 Наарден Б. 140
 Надсон Г. А. 59
 Напольских В. В. 10, 16, 17, 20, 51, 63, 64, 70, 71, 144
 Наталия Алексеевна, царица 26
 Нашивошников (Нашивошников-Суриков) И. 81, 126
 Невгин (Невинг) А. 32
 Невотчиков Я. 30, 31
 Невская Н. И. 49
 Николь Т. 148
 Новлянская М. Г. 10–14, 17, 20–21, 23, 28, 31–36, 39–42, 45–47, 50–51, 53–54, 56, 68–71, 74, 81, 83, 103, 122, 127–128, 135–136, 144
 Новохатко О. 148
 Обручев В. А. 70, 144
 Овцын Д. Л. 9

- Озарев Ф. 54
Озерова Н. А. 143
Окладников А. П. 72
Олеарий А. 34
Ольденбург С.Ф. 7–8, 59, 144
Орел В. М. 139
Осипов В. И. 144
Паллас П. С. 50, 56–58, 67, 68, 110, 129
Пандер Х. Г. 51
Панов Ф. 45
Парнес Я. А. 41, 70, 146
Патрушев И. 36
Пекарский П. П. 13, 17, 18, 20, 22–24, 29, 32–34, 40, 42–43, 47, 49, 53, 56, 67, 68, 144
Петр (Петер), слуга, см. Кратц П.
Петр I Великий 7, 10–14, 18, 20–22, 24–26, 29, 33, 36–37, 39–41, 46, 52, 61, 64, 89, 118, 121–123, 127, 129, 130, 135, 137
Петр II Алексеевич 54, 77, 137
Петров А. 79
Петрово-Соловово А. К. 32
Покровская А. Ф. 83, 116, 129, 143
Покровский Н. Н. 140
Попов Н. А. 36, 40, 68, 144
Поссельт Д. 62
Потапов И. Ф. 69, 144
Прокопович Ф. 37, 49, 55, 137
Пумпян Г. З. 55, 56, 145
Путимцов (Путинцев) И. С. 42–43, 45
Путимцов С. Г. 42–43
Пяткин Б. Н. 105
Пятницкий Ю. А. 140
Рагузинский С. В., гр. 126
Радлов В. В. 7, 15, 52, 71, 72, 75–76, 82, 84–88, 90–91, 93–97, 99, 100, 106–116, 118–119, 123–127, 129, 133, 137, 145
Ремезов С. У. 35, 40, 42, 55, 116
Ремус Г. 20
Рихтер В. М. 20, 69, 145
Романов Р. Е. 148
Романова О. С. 143
Руденко К. А. 14, 145
Руденко С. И. 72, 121, 145
Рудольфи 55
Савельева Е. А. 146
Савенков И. Т. 108, 110, 145
Савинов Д. Г. 7, 10, 66, 73, 80, 96, 102, 105, 110, 124, 132–133, 140, 145, 147
Салмаров (Салматов) 95
Сарксян В. 9
Сафронов Ф. Г. 148
Севастьянов А. Ф. 57, 58

- Севергин В. М. 57
Селенга Я. В. 82, 131
Семенова В. И. 83, 129, 145
Стинанеи Д. 50
Смагина Г. И. 25, 69, 139, 141, 146
Смирнов, священник 104
Сницкер, подполковник 32
Соболев В.С. 10, 23, 46–47, 53, 144, 146, 147
Соколов В. Е. 41, 70, 146
Сосновский Г. П. 98
Спицын А. А. 15, 72, 86, 122, 130, 146
Станюкович Т. В. 13, 72, 146, 148
Стародубцева И. А. 41, 42, 70, 146
Старостин Б. А. 143
Стеллер Г. В. 49–50, 53, 58, 67, 128–129, 140, 148
Страленберг (Табберт) Ф. И. 10, 15, 16, 27, 33–35, 37, 40, 42–45, 49, 50–53, 55, 61, 63–66, 69–71, 73–79, 82–83, 85–92, 94–95, 97–101, 103–108, 114, 116–121, 125–127, 130, 141, 144, 146, 148
Суриков, есаул 81
Суриков В. И. 81
Суриков И. 81
Суриков П. 81
Сухомлинов М. И. 143, 153
Сытин А. К. 9, 25, 66, 69, 70, 141, 146
Табберт Ф. И. (И. Ф.), см. Страленберг Ф. И.
Таранович В. П. 60, 69, 146
Тархан-сангун 108
Татищев В. Н. 23, 35–41, 68, 70, 112, 136, 144, 146, 148
Теплоухов С. А. 73, 81, 95, 102, 105, 108, 110, 115, 132, 137, 146
Терский П. 87
Терский Я. 87, 126
Терюков А. И. 70, 146
Тидеман Х. 47
Титова З. Д. 64, 70, 146–147
Тихонов И. Л. 147
Толмачев И. П. 58, 59, 68, 147
Толстоухов И. 42
Томсен В. 71, 108
Тредиаковский В. К. 40
Трентель 117
Трисман В. Г. 140
Тугужекова В. Н. 8, 147
Тункина И. В. 7, 18, 22, 23, 26, 51, 59, 60, 64, 72, 73, 132, 147
Уваров С. С. 51, 57, 58
Унферцахт (Унфорцагт) Г. И. 75
Ушман Г. 18, 50, 55, 62, 63, 139
Фальк И. П. 67, 109, 112, 129
Федоров И. Г. 15, 72, 108, 147

- Федорова Г. И. 144
Федосеева М. В. 56, 145
Федот, скорняк 87
Феофан Прокопович, см. Прокопович Ф.
Фигуровский Н. А. 62
Фишер И. Э. 67, 68, 108, 114
Фишер фон Вальдгейм А. А. 143
Формозов А. А. 14, 72, 76–77, 89, 130, 147
Франке А. Г. 17–19, 33
Фрейеслебен 50
Френ Х. Д. 50
Фридрих (Фредерик) I, швед. король 118
Фус Е. Н. 51
Фус Н. И. 51–52, 57
Фус П. Н. 51
Хамарханов А. З. 70, 148
Хинцше В. 64
Худяков Ю. С. 14, 15, 41, 71, 72, 77, 89, 93–94, 104, 105–107, 112–115, 118, 119, 123, 126, 138–139, 148
Цеймерн (Цемер) Я. 46, 84
Чагин И. 38–39
Черказыянова И. В. 34, 148
Черкасов И. А. 37
Черкасский А. М., кн. 29, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 41, 43–44
Чистов Ю. К. 142
Чистович Я. А. 21, 26, 148
Шафрановская Т. К. 72, 77, 148
Шебалдина Г. В. 34, 69, 148
Шёльцель К. 63
Шенинг (Шених, Шенниг) Я. 32, 38, 43
Шеффер И. 61
Шипилов И. А. 29, 148
Ширина Д. А. 31, 35, 69, 148
Широкова В. А. 143
Шиц (Шьц) Б. И. (И. Б.) 37, 44
Шишков А. С. 51
Шишков И. 93, 112
Шмидт С. О. 141
Шмидт Ф. Б. 58
Шмидт Х. 35, 42
Шнейдер Е. Р. 105, 109, 110, 112–114, 140
Шобер Г. 24–25
Шпанберг М. П. 28, 127
Штайнакер Г. 9
Штейнфельт Г. 36
Штелин Я. Я. 67
Штеллер Г. В., см. Стеллер Г. В.

- Шульман К. Г. 27, 34, 44–45, 53, 72, 79, 88, 94–97, 99, 103, 106–107, 113–114, 117, 119–121
Шумахер И. Д. 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 39–40, 47, 56, 68
Эйлер И. А. 56, 68
Эйлер Л. 22
Элерт А. Х. 66, 143, 148
Эрлих В. А. 69, 148
Эрскин Р., см. Арескин Р. К.
Юхт А. И. 23, 36–37, 148
Юшкевич А. П. 22, 148
Ядринцев Н. М. 108
Яковкин И. И. 60
Ян И. 69
Янгулова И. А. 143
Яншина Ф. Т. 139
Ярош Г. 8, 18, 50, 55, 62, 63, 69, 70, 78, 117, 137, 139, 148
Abulgasi 34, 40, 149
Amman J. (Ammani I.) 56, 149
Appelgren-Kivalo H. 108, 113, 149
Aspelin J. R. 149
Baer K. E. 51, 149
Bayer T. S. 55, 56, 149
Bischoff U. 70, 149
Bleyer (Bleher, Blüher) J. F. 36
Böckler (Messerschmidt, Steller) B. H. 47
Bondar L. D. 70, 149
Brandt J. F. 17, 52, 149
Brentjes B. 19, 35, 41, 73, 77–78, 149
Breyne J. P. 20
Büttner M. 150
Capell, см. Kapell D.
D. 40
Dahlmann D. 69, 149
Donnert E. 150
Dorn B. 50, 150
Driessen-van het Reve J. J. 25, 26, 149
Egerton F. N. 10, 66, 69, 150
Elert A. Ch. 151
Erskine R. 21
Falck J. P. 67
Figurovskij N. A. 18, 62, 69, 152
Fischer J. E. 50, 67, 69, 151
Franke A. H. 152
Freiesleben 50
Georgi J. G. 57, 150
Gmelin J. G. 23, 56, 67, 150
Habeck O. 150
Häsler Newing A. 45

- Heesen A. T. 19, 28, 69, 150
Heklau H. 151
Hintzsche W. 150–151
Hübner M. 13, 69, 150
Jahn I. 17, 18, 24, 42, 47, 62, 66, 69, 70, 150
Jarosch G. 33, 69, 70, 151
Kapell (Capell) J.D. 45
Kapel'ko V. 105, 151
Kästner I. 66
Klaproth H. J. 68, 150
Knüppel M. 66
Kolchinsky E. I. 10, 150
Kopaneva N. P. 10, 150
Krahtz P. 45
Krueger J. R. 152
Lange L. 30, 151
Lehfeldt W. 65
Leont'ev N. 105, 151
Maier I. 66
Messerschmidt D. G. *passim*
Møller P. U. 150
Mühlpfordt G. 150
Müller G. F. 66, 69, 151
Nickol T. 151
Novochatko O. V. 151
Pallas P. S. 56, 58, 151
Posselt D. 25, 69, 151
Radloff F. W. 7, 52
Ramer A. M. 70, 151
Richter F. 150
Savinov D. G. 96, 151
Schöber G. 151
Schulman K. G. 45
Schulze D. 151
Sidwell P. 70, 151
Steller G. W. 47, 49, 50, 67, 69, 151
Strahlenberg (Tabbert) Ph. J. von 10, 41, 42, 45, 70, 71, 76, 95, 103–104, 113–114, 116, 126, 130, 149–151
Tunkina I. V. 10, 73, 152
Uschmann G. 42, 62, 69, 70, 151–152
Vasilievsky R. S. 41, 73, 77, 78, 149
Vermeulen H. F. 11, 18, 24, 25, 33, 40, 42, 70, 136, 152
Winter E. 18, 19, 33, 34, 37, 62, 69, 150–151
Witsen N. 14, 152
Wittram R. 12, 70, 152
Wreech C. F. 33

Для заметок

Ирина Владимировна Тункина, Дмитрий Глебович Савинов

ДАНИЭЛЬ ГОТЛИБ МЕССЕРШМИДТ:
У ИСТОКОВ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Серия AD FONTES

Материалы и исследования по истории науки. Supplementum 6

Художественное оформление Е. А. Карцова
Оригинал-макет Н. А. Лазаревская

Подписано в печать 26.09.2017. Формат
Усл.-изд. л. Усл. печ. л. Тираж 300 экз.
Отпечатано методом оперативной полиграфии
в ООО «ЭлекСис», СПб, Новочеркасский пр., д. 1